[Polaris]

ИХ БЫЛО

ЧЕТВЕРО

Приключения в микромире

Том III

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев, отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах — проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

Настоящее издание продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире». Оно включает факсимильное воспроизведение книги Н. Булатова и П. Лопатина «Путешествие по электролампе» (1937) и повесть П. Гордашевского «Их было четверо» (1959)-© Authors, 2014

- Содержание
  -
  - Н. Булатов, П. Лопатин. Путешествие по электролампе
  - Петр Гордашевский. Их было четверо[1]
    -
    - Часть первая
      - Московские гости
      - Оазис Джохор
      - Лаборатория превращений
      - В царстве хаоса
      - Хрустальная пещера
      - Дендрония
      - Зеленый лист
    - Часть вторая
      - Возвращение
      - «Плавающий остров»
      - На дне пруда
      - «Порт Белой нимфеи»
  - Примечания
- notes
  - 1

Содержание

П. Гордашевский
Их было четверо. Приключения в микромире. Том III

Н. Булатов, П. Лопатин. Путешествие по электролампе

Фото и монтаж худ. М. Махалова.

Вечером Юра с Наташей остались одни во всей квартире. Скучно ребятам: все игры переиграны, все книги перечитаны, А главное — не горит отцовская лампа на столе.

— Это ток испортился, говорит Наташа.

Ток никогда не портится.

Почему? Ведь водопровод портится?

Там труба лопается…

А тут провод порвался. Помнишь, пала говорил, что ток идет в лампу по металлической дорожке? Вот где-нибудь дорожка и испортилась.

Наташа, какую я игру придумал! Будто лампа большая, и провода большие, и выключатели все большое. А мы маленькие. Как тараканы. Мы залезем в лампу и посмотрим, что там

испортилось.

Юра с Наташей стали маленькие. А вокруг все громадное. Лампа — будто высокая башня стоит на столе. И стол уже не стол, а большое деревянное поле. Лампочка похожа на стеклянный воздушный шар. А внизу, по деревянному полю, вытянулся двойной скрученный провод, — такой толстый, что руками не обхватишь.

Юра наверху командует:

— Наташа, берись за выключатель! Нажимай!

— Не могу, Юра. Давай вместе.

— Ну, еще немножко!

Выключатель повернулся. Что-то щелкнуло за медной стенкой. И снова тихо… И темно.

Ребята слезли вниз.

— Смотри, как разлохматились провода у отверстия лампы.

— А, может быть, внутри лампы они совсем оборвались?

— Давай попробуем.

Юра ухватился за шнур, Наташа — за Юру, и потянули.

Вдруг бах! — блеснула молния, и вонючий дым защипал глаза. Наташа отскочила и зажмурилась. Потом приоткрыла один глаз и видит: у Юры лицо обожжено, и он держится рукой за щеку.

Осторожно, держась за руки, ребята пошли осматривать место взрыва.

Смотри, Юра, вся одежда у провода обгорела, и проволоки видны.

— Это, наверно, ток взорвался.

— А, может быть, не взорвался, а только вырвался? Вся одежда порвана.

— Может быть, поэтому и лампа не горела? Если провода одеть как следует, наверно, лампа загорится.

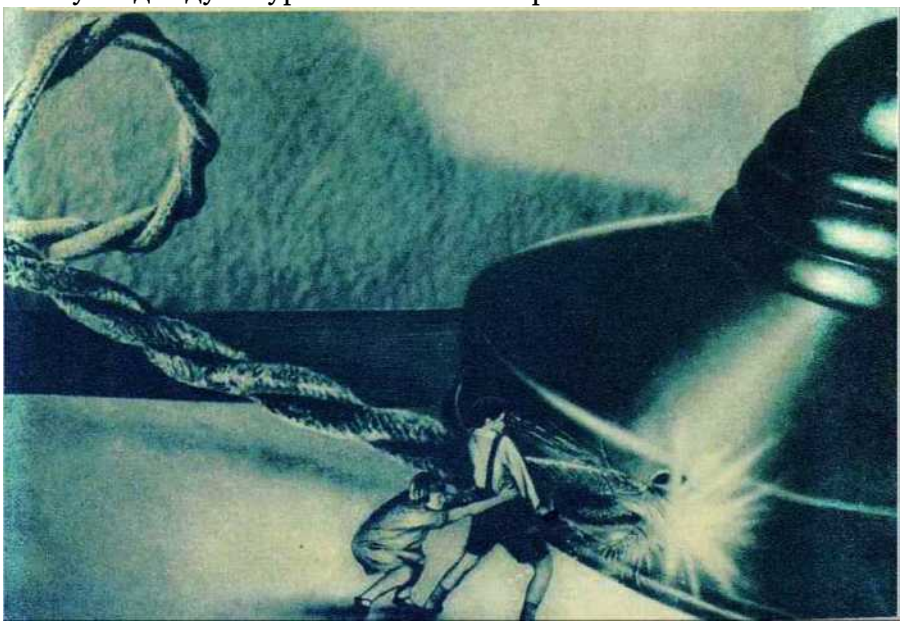
Наташа сняла фартук и сначала перевязала Юру, а потом шнуры — каждый отдельно.

В комнате было по-прежнему темно.

Может быть, штепсель поломался?

Электрический ток идет по медным проволочкам шнура. Проволочки обмотаны резиной и нитками. Через эту одежду ток не вырвется наружу. Но если обмотка разлохматится, проволочки оголятся и прикоснутся друг к другу, тогда ток пойдет из одного провода в другой. Это называется коротким замыканием. При коротком замыкании вспыхивает искра. Она может зажечь

нитяную одежду шнура и вызвать пожар.



К штепселю решили идти по проводам, чтобы заодно осмотреть весь путь тока. Шли долго. Провод изогнулся, как спина огромной злой кошки.

— Какой штепсель громадный! А вилка — прямо как рояль. Как же мы ее вытащим?

— Ничего, Наташа, тащи.

— А вдруг опять взорвется?

Папа вынимает, и ничего — не взрывается.

Полчаса бились, пока, наконец, вытащили вилку.

В штепселе две дыры два тоннеля. Тоннели металлические, гладкие и блестят.

— Давай, Юра, залезем.

— Нет, лучше ты лезь в тоннель, а я заберусь сверху, туда, где входят провода.

Наташа первой вылезла на заднюю сторону штепселя. Здесь было пыльно и грязно. Большие медные гайки плотно зажимали концы проводов.

Уйдем отсюда. Здесь, кажется, все в порядке.

Наташа решила снова нырнуть в тоннель, но поскользнулась и ухватилась за Юру. И вдруг оба вскрикнули. Тело свело судорогой. Наташа потеряла сознание.

Когда Наташа пришла в себя, вокруг были все те же пыль, и гайки, и провода. В тоннеле мелькнули Юркины ноги.

Юра! Подожди!

— Наташа, я боюсь.

Ребята не догадались, что гайки, на которых они сидели,

были соединены с проводами. Как только ребята подали друг другу руки, ток мгновенно прошел через их тела из гайки в гайку и причинил ребятам боль.

Когда ребята вылезли из штепселя и соскочили на стол, Юра предложил отправиться обратно к лампе.

— Нет, давай сначала крышку отвинтим. Когда провода взорвались у лампы, мне показалось, что здесь тоже что-то вспыхнуло, как далекая молния.

Ребята забрались на спичечную коробку и начали отвинчивать гайку.

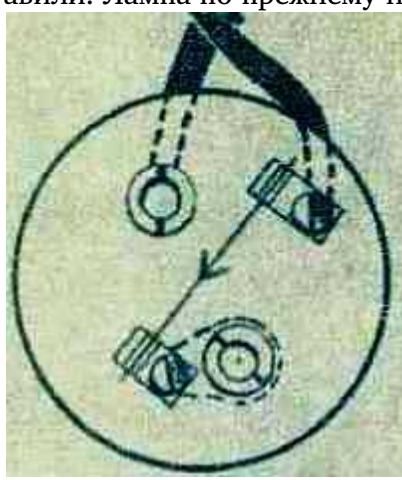
Винт отвинтили, сняли крышку и положили ее на стол. Внутри штепселя была копоть.

Наташа первая заметила, что перегорела проволочка, соединявшая два металлических винта.

Ну, вот видишь, я говорила… Вот отчего вспыхнула молния! Эта маленькая проволока, наверно, была мостом для тока. Как же может идти ток, когда мост сгорел? Надо починить.

— Есть починить мост! Мы сейчас вставим новую проволоку. У меня в кармане целый моток.

Проволоку вставили. Лампа по-прежнему не горела.



Один из проводов в штепселе соединен со своим тоннелем не прямо, а тонкой проволокой — предохранителем. Когда разлохмаченные провода соединились друг с другом и произошло короткое замыкание, проволока предохранителя перегорела и прервала путь току. Предохранитель и устроен для того, чтобы прерывать ток, когда происходит короткое замыкание.

— Что же делать. Наташа?

Давай подумаем. Мы в штепселе все починили?

Все.

— Значит, испорчено где-то в другом месте?

— Значит.

Ну, так полезай!

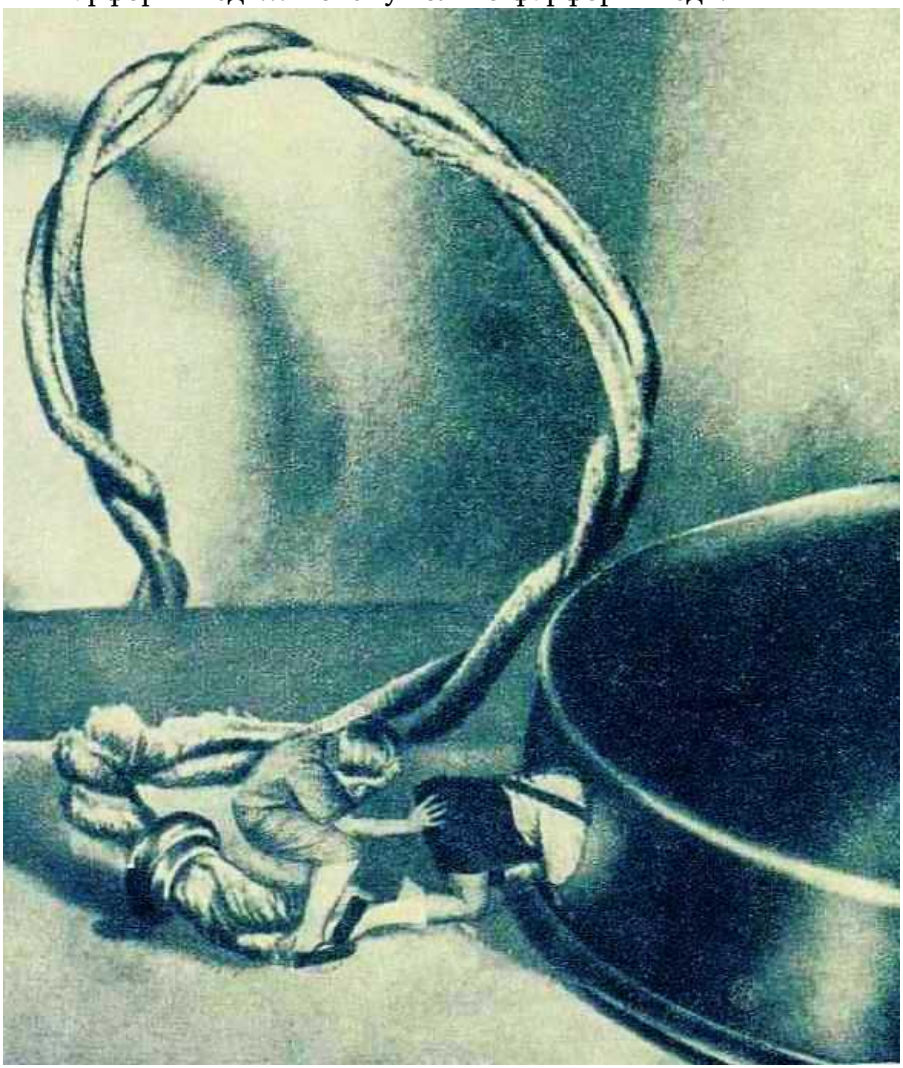
— Куда?

В лампу. Видишь, провода в дыру уходят? Мы там еще не были. Лезь!

Добрались до патрона.

Блестящие медные стены, гладкий белый фарфоровый пол. Всю середину круглого помещения занимает колонна из волнистой блестящей меди. Под колонной на фарфоровом полу медная пластинка. А под полом между двумя медными листами зажат какой-то громадный фарфоровый барабан.

Фарфор и медь… Почему только фарфор и медь?



Электрические провода, войдя в патрон лампочки, расходятся в разные стороны. Правый провод подводит ток к медной стенке патрона. В патрон ввинчен нижний конец лампочки. Через ее

медную нарезку ток проходит под стеклянный колпачок в нити лампы. Левый провод соединен через выключатель с медной пластинкой, лежащей на фарфоровом полу патрона. Когда лампочка плотно ввинчена в патрон, эта медная пластинка прикасается к такому же медному дну лампы и пропускает тон в лампу.

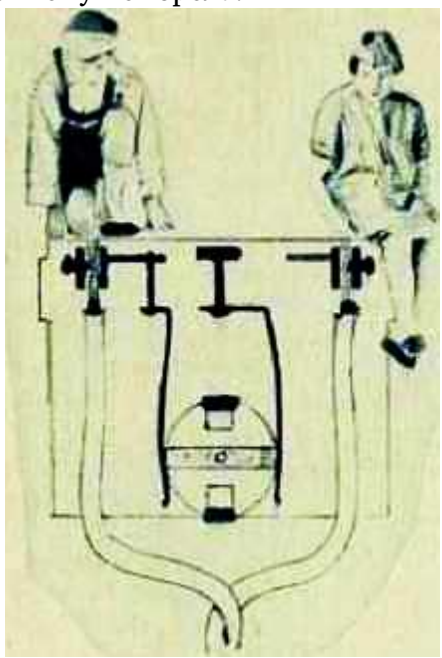
Для того чтобы электрический ток не прошел в патрон из провода в провод и не произошло бы короткого замыкания, обе металлические дорожки тока и в патроне и в лампе отделены друг от друга фарфором. Через фарфор ток пройти не может.

Скрипнула дверь в комнате. Кто-то подошел к лампе. Неожиданно медные листы под полом зашевелились, барабан со скрипом повернулся. Что-то сильно щелкнуло.

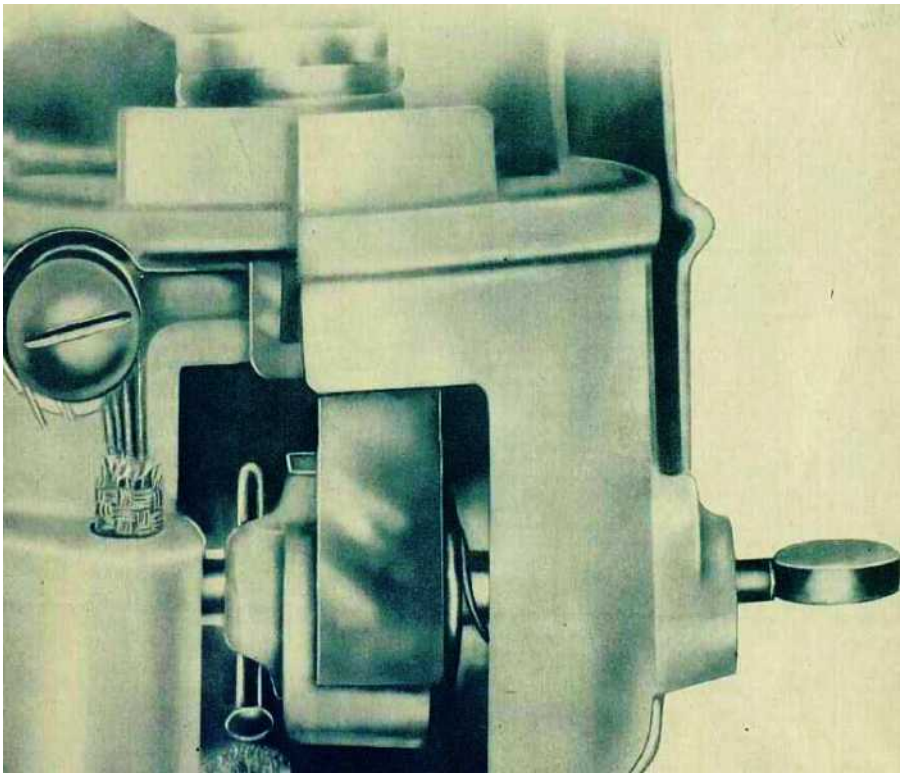
Наташа вскрикнула от испуга.

«Это папа вошел и повернул выключатель», подумал Юра.

Лампа по-прежнему не горела.



Выключатель — это фарфоровый цилиндр с переброшенным поперек него медным мостиком. По обе стороны выключателя — две медные пластинки. Когда мы хотим зажечь лампу, мы поворачиваем выключатель: мостик соединяет обе пластинки и пропускает ток в лампу.



Вдруг снова раздался испуганный крик Наташи. Юра взглянул вверх и замер от ужаса. Конец лампочки, вращаясь, медленно полз вниз… Лампа спускалась все ниже и ниже… Сейчас лампа прижмет Наташу к фарфоровому полу, к медной пластинке…

— Наташа! Берегись!

Что-то сверкнуло, запахло гарью, и… лампа загорелась ровным ярким светом.

Наташа, лампа горит! Ура!

У Наташи на платье дыра. И в глазах слезы. Но это только от испуга. Наташа цела и невредима. Она уже весело смеется.

Юрка! Я поняла, почему не горела наша лампочка. Она не была довернута до конца. Понимаешь, кто-то повернул лампу, она немного приподнялась, и путь току прервался. А сейчас, когда лампочку довернули и она коснулась медной пластинки, на которой я сидела, ток побежал по металлической дорожке. Тут подвернулось мое платье. Ток прожег его, но в лампочку все-таки прошел. И лампочка загорелась. Вот и все.

А тебе за дыру здорово попадет!

— Ну и пусть.

Ребята благополучно выбрались наружу. На столе ярко горела лампа.

— Почему она горит. Юра? Горит, а не сгорает. Смотри,

проволочки какие тоненькие! Накалились, а не сгорают. А в штепселе была толстая проволока — и сгорела. Почему?

— Наверно, по-твоему, теперь в самую лампочку надо лезть, чтоб узнать…

— Ну что ж, и полезем.

— Как туда влезешь? Во-первых, хода никакого нет…

— Ход сделать можно.

— А кто знает, что еще в этой лампе, — может быть, ядовитые газы…

— А мы противогазы наденем.

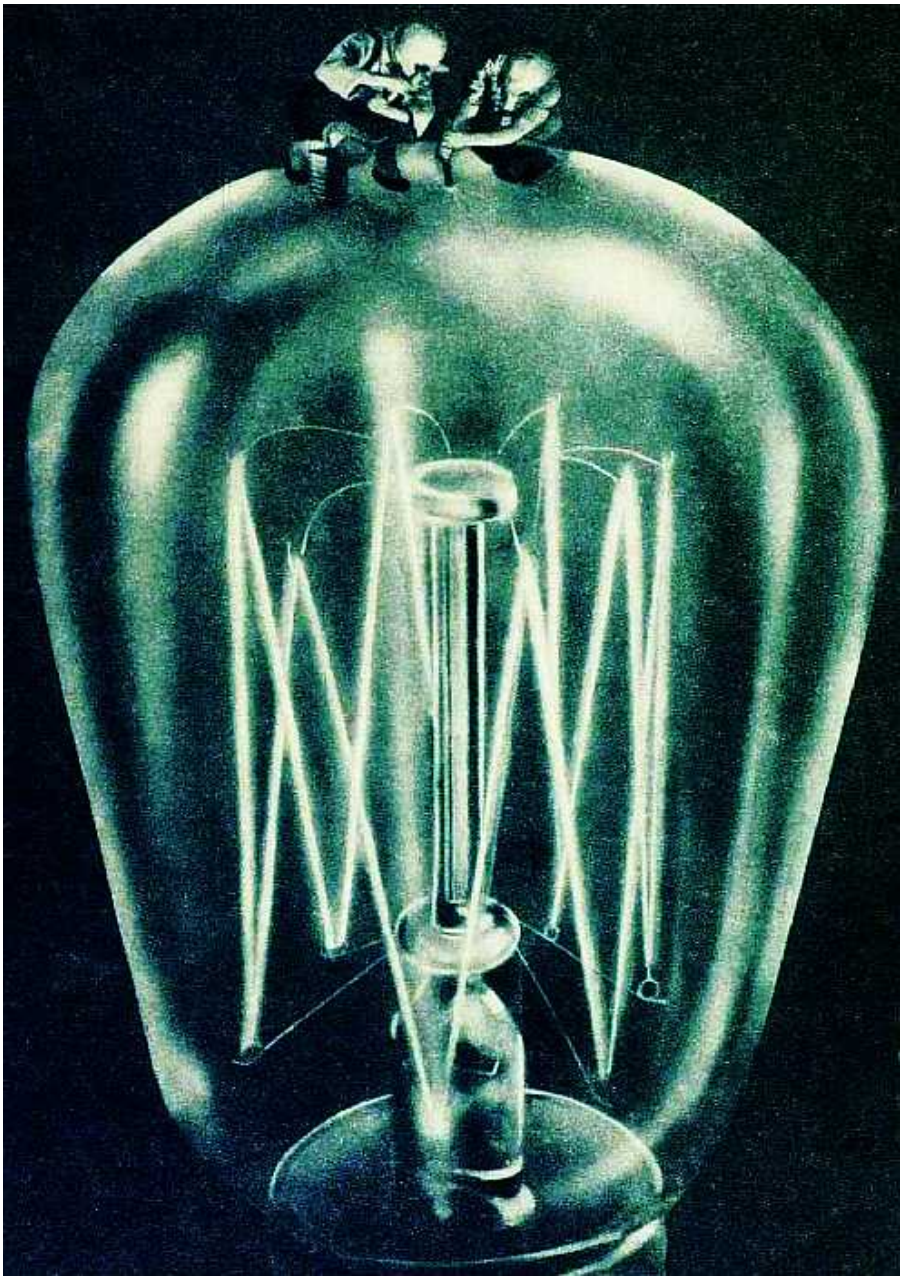
— Вот это здорово! Давай!

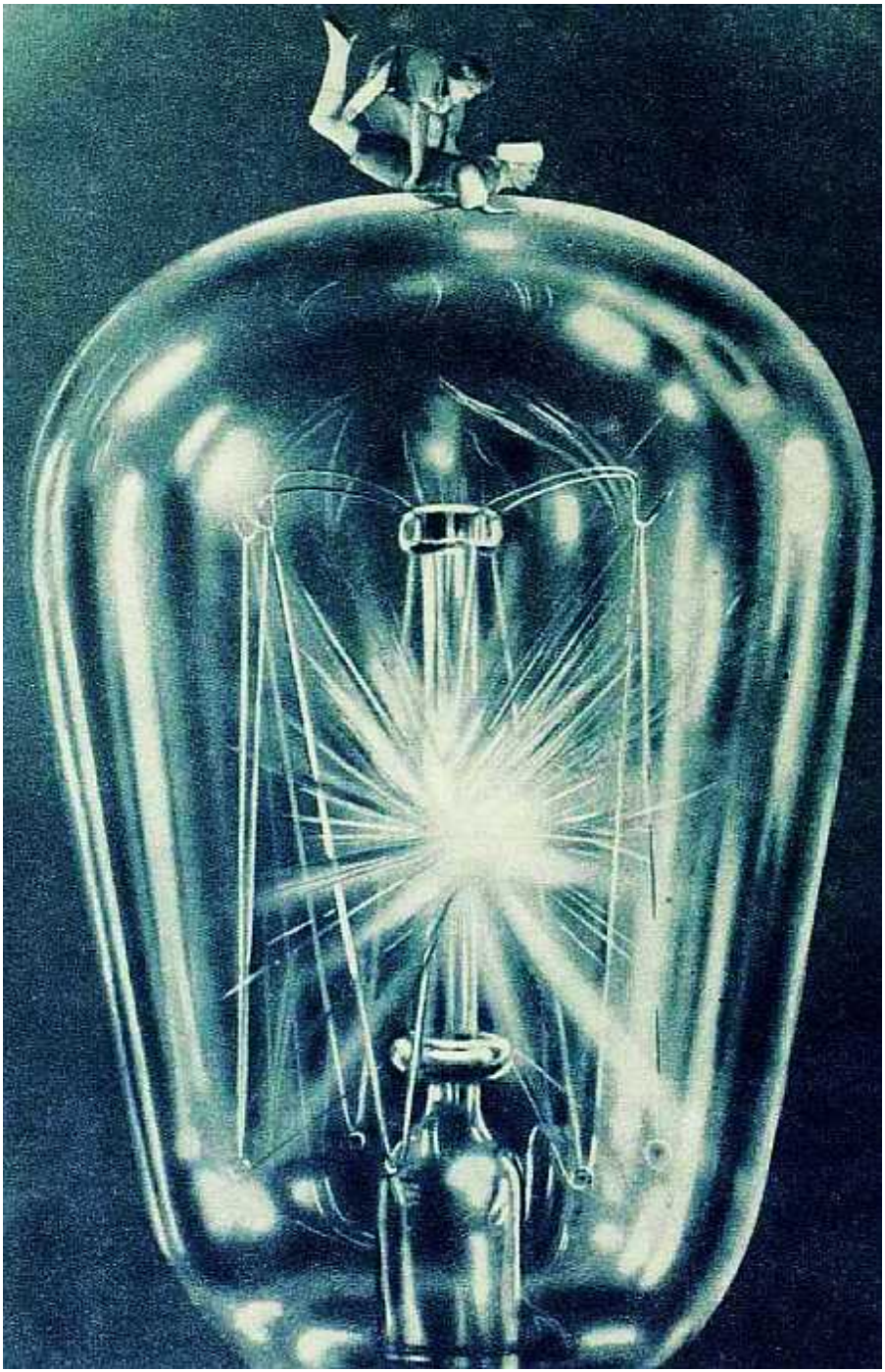
Лампа скользкая и круглая. Забраться на нее очень трудно. В конце концов все-таки залезли на самую верхушку. А тут новое горе: лампа горячая, как сковорода на примусе. Приходится танцевать на одной ноге. Когда правая поджарится, танцуют на левой; когда левая поджарится, танцуют на правой.

Юра притащил молотой и долото.

— Подожди. Юра, оденем противогазы, а я покрепче ухвачусь за тебя. А то мы пробьем дыру, из лампы вырвутся ядовитые газы и подбросят нас кверху.

Стекло крепкое — не пробивается. Юра бьет, что есть мочи.





Трах!

Тр-р-ах!

Стекло трещит. Бурей свистит ветер в ушах. Кто-то хватает Юру за живот и тянет вниз. Юра больно ударяется о какие-то проволоки, потом о столб, опять о проволоки и, наконец, падает

на что-то твердое.

Юра оглядывается: стеклянный пол, стеклянные стены и толстая стеклянная колонна.

Так, значит, он попал в лампочку!

Холодные мурашки пробегают по спине. Вокруг ядовитые газы, а его спасительный противогаз лопнул и сполз с головы. Ведь это же смерть! Сейчас он отравится, задохнется… Что же делать?

Юра перестает дышать. И опять закрывает глаза.

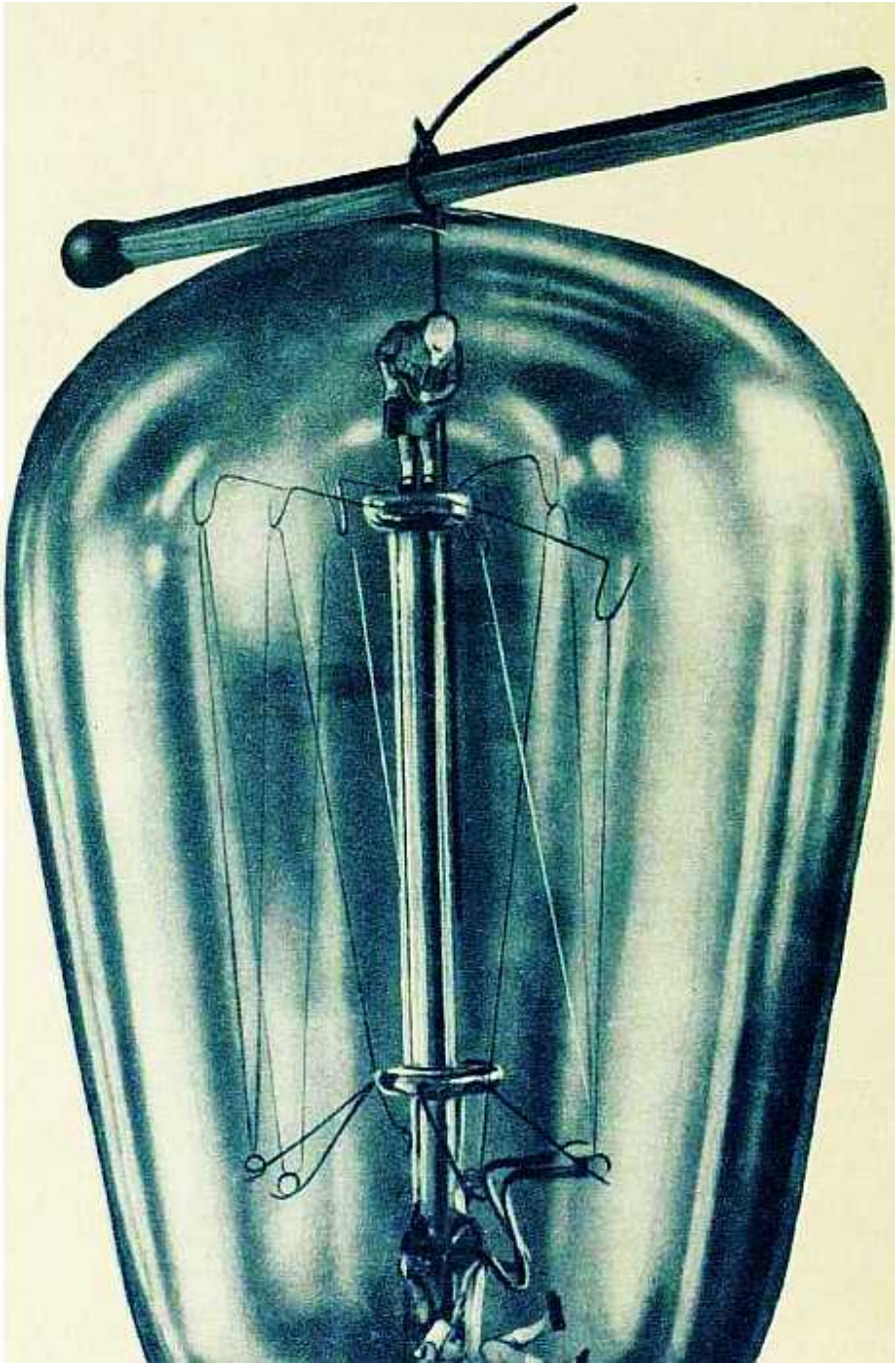
Наташа сидит на самом верху лампочки. Темно. Рядом с Наташей дыра, куда провалился Юра. Случилось что-то странное и непонятное.

Когда Юра пробил дыру, лампочка потухла, и получилась буря. Это ясно. Наташа даже ждала этого. Ядовитые газы обязательно должны были вырваться из отверстия и подбросить их вверх. Но все вышло наоборот. Их не подбросило, а втянуло в лампочку. Наташа удержалась, а Юра упал. Значит, газы вырвались не из лампочки, а, наоборот, воздух ворвался в лампочку. Значит, внутри лампочки вообще ничего не было. Ну, конечно, ничего! Там даже воздуха не было. Там просто было пусто, совсем пусто. Поэтому и проволочки не сгорали: ведь без воздуха ничто гореть не может… Но где же Юра?

Юра!

Ничто не отвечает.

Наташа слезает на стол и приносит оттуда спичку и нитку.



Большущим бревном спичка лежит над отверстием. Нитка крепко привязана к спичке. Как по канату. Наташа спускается вниз.

Посредине стоит стеклянный столб. Вокруг столба аккуратным узором расположились проволоки. Одна проволока

порвана. Она черная, как уголь. Точь в точь как та проволока в штепселе, которую сжег электрический ток.

Юра лежит на стеклянном полу, Глаза закрыты. Юра не дышит.

— Юра!

Молчит. Не шевелится. Неужели умер?

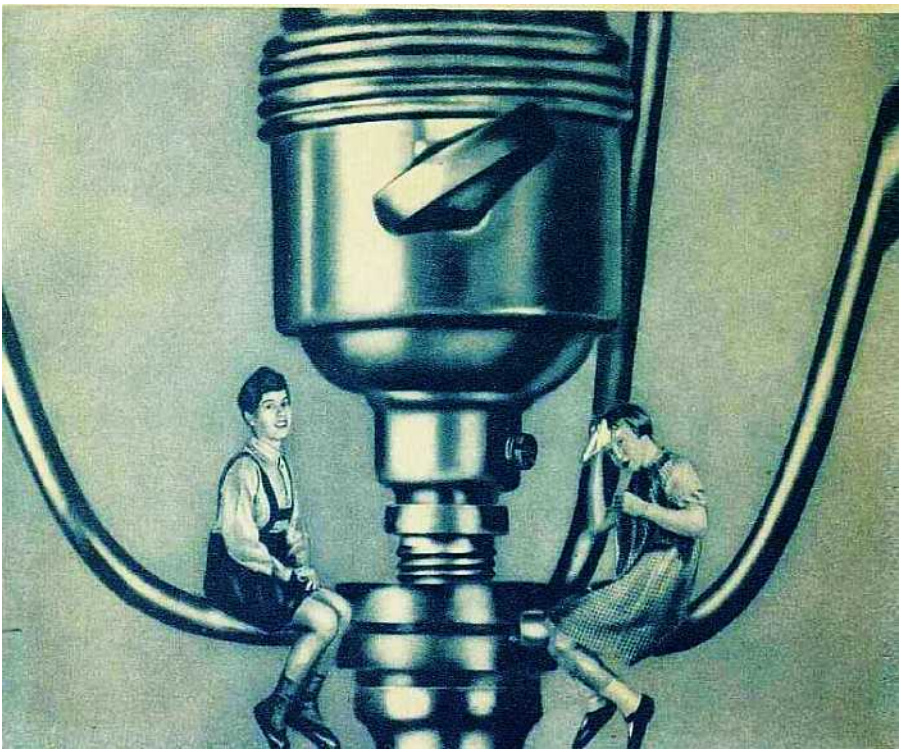
— Юра! Ты жив? Юрочка!

Юра осторожно открывает глаза. Перед ним стоит Наташа. Зачем она сняла противогаз? Сейчас она умрет…

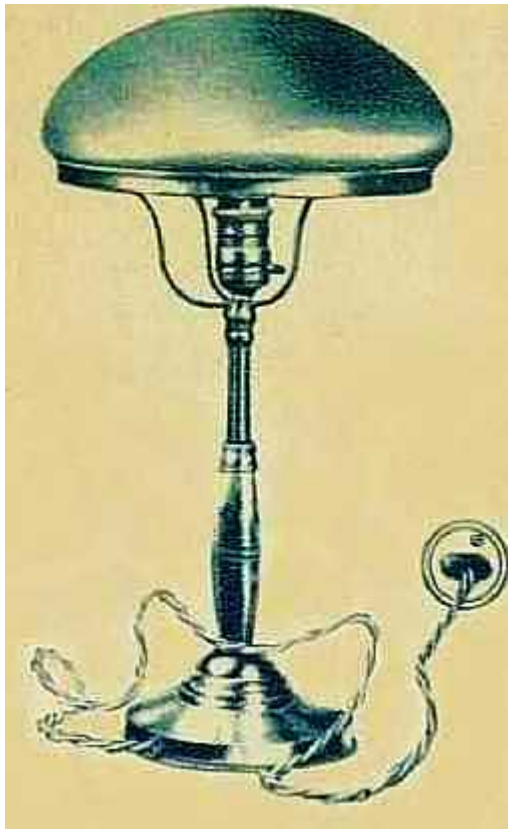
— Наташа! Противогаз! — кричит Юра.

Наташа громко хохочет.

Лампочка снова горит. Но Юра с Наташей здесь уже ни при чем. Это отец вернулся, ввернул новую лампочку. А потом опять ушел. И ребята снова остались одни.



Путешествие окончено. Теперь светло, можно приниматься за новую игру.



Снимались актеры Московского театра для детей М. Вахонина и А. Бурова.

Петр Гордашевский. Их было четверо [1]

Рис. В. Медведева.

Часть первая

Московские гости

Тима по привычке встал рано, хотя торопиться было некуда. Через настежь открытое широкое окно в комнату вливался душистый воздух. Пахло утренней свежестью, цветами. На синем небе ни облачка. Солнце, умытое обильной росой, не жгло, а только ласково пригревало.

Хорошо!

Тима подошел к окну. Оттуда открывался великолепный вид на уходящие вдаль холмы, на широкий канал, на хлопковые поля, раскинувшиеся по ту сторону канала, на сады…

Тиме все это было так знакомо! Еще бы! Сколько лет жил он в этом доме, построенном одним из первых в оазисе Джохор. Сколько раз, поднимаясь утром, он смотрел на этот вид из окна своей комнаты.

Его отец — инженер Сергей Петрович Долинский — был в числе первых поселенцев Джохора. Он привез сюда Тиму совсем маленьким, и мальчик рос вместе с молодым поселком.

Теперь Тиме уже исполнилось четырнадцать лет. Из худенького, щуплого малыша он превратился в долговязого, крепкого подростка с живыми серыми глазами, с копной непокорных вьющихся волос, небрежно зачесанных назад.

Тима смутно помнил те времена, когда в оазисе было не больше пятнадцати-двадцати домов, а теперь их стало несколько сотен. Не поселок, а прямо-таки городок.

Да это и был научный городок. Огромные опытные хлопковые поля, сады, молодые рощи принадлежали Институту селекции, где работали Тимины родители.

Вдоль широких улиц выстроились нарядные двухэтажные особняки, сложенные из белого камня. В них жили научные сотрудники института и обслуживающий персонал.

Белые стены коттеджей прятались в зелени садов и вьющихся растений, только шиферные крыши поднимались над кронами молодых деревьев. Каждый дом был окружен садиком, так что весь Джохор утопал в зелени.

Тима побродил по комнатам. В доме тишина. Мама ушла на работу, отец вот уже с неделю, как уехал в Москву, в командировку.

Слегка прихрамывая, Тима поднялся по винтовой лесенке на крышу, где была устроена небольшая площадка. Здесь обычно

вместе с отцом он делал утреннюю зарядку. Сегодня ему, пожалуй, следовало воздержаться от гимнастики. Нога еще побаливала, и доктор велел соблюдать осторожность. Но Тима так привык к этой утренней процедуре, что отправился на крышу почти машинально.

Тима взглянул вниз, на улицу.

Вот идет женщина в пестром платье, в широкополой шляпе, защищающей от солнца, с плетеной корзиночкой в руках. Она встретила знакомую, и обе остановились поболтать в тени молодого каштана. Вот неторопливо шагает мужчина в просторном белом костюме; наверное, направляется к остановке автобуса, что возле бетонного моста, перекинутого через канал. Целая гурьба загорелых мальчишек в одних трусиках выбежала из-за угла…

«Бегут купаться, — решил Тима, нагибаясь и выпрямляясь сильными, ритмичными движениями. — Счастливые! Им хорошо — у них целая компания! А я…»

Тима нахмурился. С досадой подумал он, что теперь, в эту минуту, его товарищи уже далеко. А он торчит тут один на своей крыше. Все из-за этой чертовой ноги. И надо же было прыгать с дерева, удаль свою показывать! Конечно, прыгал он не раз и всегда удачно, а тут взял да и растянул связки. Ужасно досадно! Главное, сколько мечтал он о походе в горы! И вот как все сложилось неудачно. Э-эх!

Тима уныло перекинул через плечо мохнатое полотенце и, прихрамывая, отправился под душ. Потом нехотя поплелся на кухню — позавтракать.

Всегда живого, порывистого, Тиму сегодня будто подменили. Двигался он вяло, был какой-то весь развинченный, ленивый. Он уныло думал о том, что ребята раньше чем через две-три недели не вернутся, что это время он будет совсем один… Этак можно помереть со скуки, и, право же, во всем мире нет человека несчастнее его…

И папка, как назло, уехал! С ним всегда хорошо. Интересно и весело. Можно было бы нет-нет, да и в «домик» сходить; там всегда нашлось бы для него дело. Нет уж, во всем невезенье, все одно к одному.

В кухне на столе Тима увидел распечатанную телеграмму. Наверное, от отца!

«Задерживаюсь Москве недели на три четырнадцатого встречайте гостей Катю Виктора целую папа».

— Ого! — радостно встрепенулся Тима. — Вот здорово! Ну и молодец папка — всегда выручит! «Встречайте четырнадцатого…» Позвольте, да ведь это же сегодня! Сегодня! Сегодня!..

— Что — сегодня? — услышал Тима за спиной знакомый голос.

Тима быстро обернулся. В дверях стоял невысокий худенький подросток-китаец, одних лет с Тимой. Он был в синих спортивных сатиновых штанах, в белоснежной легкой куртке, застегнутой на большие перламутровые пуговицы; короткие рукава обнажали загорелые руки выше локтя. Мальчик обмахивался белой войлочной шляпой, — такие обычно носят у нас в Крыму или на Кавказе.

Это был Ван Лин, лучший друг Тимы.

Тима никак не ожидал увидеть его. Ведь он должен был вместе со всеми уйти в горы. Тима несколько секунд смотрел на него с величайшим недоумением, а потом даже подпрыгнул от радости. Подпрыгнул и поморщился — нога!

— Ван, дружище! — воскликнул он, хлопая приятеля по плечу. — Вот не ожидал! Почему ты здесь? Ты ведь так хотел…

— Я хотел, ты хотел, мы хотели… — перебил его Ван и улыбнулся.

— Вы хотели, они хотели… Нет, это все-таки здорово! Но объясни: в чем дело?

— Очень просто. Не хочу один… без тебя. Вот и все. Хватит?

— Даже слишком!.. Да, Ван, тут такая история. Отец прислал телеграмму. Читай! — Тима протянул ему листок.

— Катя? Виктор? Я не знаю их, — сказал Ван.

— И я тоже. Не беда. Познакомимся. Они из Москвы. Катя — дочка маминой подруги, Виктор — сын папиного товарища. Я их и не помню совсем. Я был еще маленький, когда мы жили в Москве. Папа давно хотел их пригласить — ведь у нас тут, как на курорте. И вот удобный случай: летние каникулы. Хорошо, что мы с тобой не ушли в горы, а? Хорошо, хорошо, это очень хорошо!

Тима шутливо толкал Вана в бок, грудь, спину.

Тот, смеясь, отбивался и приговаривал:

— Сумасшедший!.. Вот сумасшедший!

В столовой пробили часы.

— Ого! — закричал Тима. — Пора идти встречать на пристань. Они, наверное, с «крылатым» приедут.

«Крылатым» называли катер-экспресс новой конструкции, с подводными крыльями.

— А может, с автобусом? — предположил Ван.

— Может, и с автобусом, — согласился Тима. — Но автобус все равно приходит позднее. Так что пойдем пока на пристань.

Тима быстро натянул такие же, как у Вана, синие спортивные штаны, надел белую курточку и, захватив войлочную шляпу, объявил:

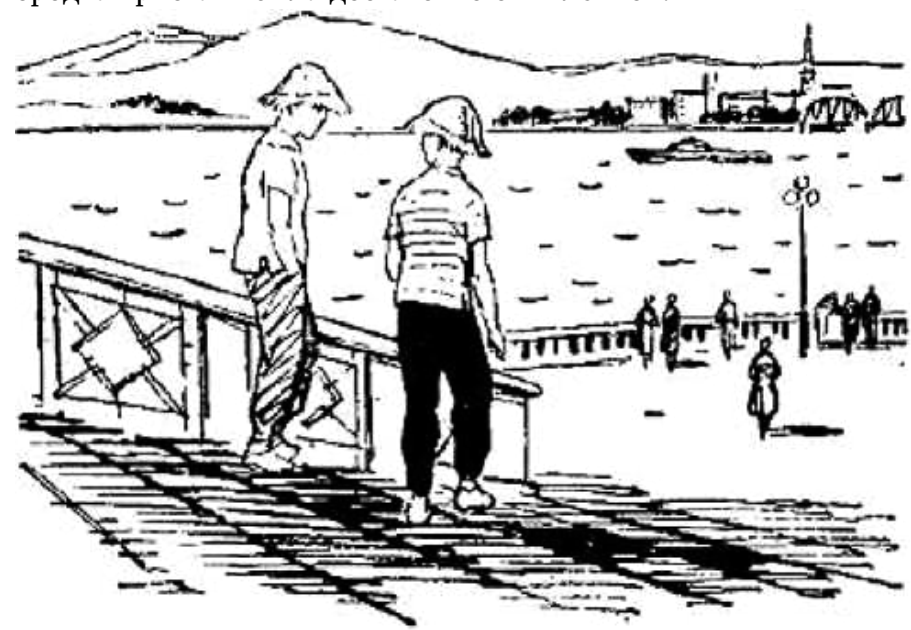
— Я готов. Пошли.

Тима был очень доволен. Подумать только, сколько неожиданностей, как все чудесно изменилось! Приедут новые товарищи — это раз. Ван, его лучший друг Ван, остался с ним — два. Вот будет весело!

Он дружил с Ваном с тех пор, как тот приехал в Джохор из Китая. Родители Вана изучали некоторые советские методы переделки природы растений и работали в том же Институте селекции, где и Тимины родители. Обе семьи часто бывали друг у друга. Так что дружба была, можно сказать, семейной. Командировка родителей Вана из двухлетней превратилась в шестилетнюю; правда, поговаривали уже о близком отъезде, но, во всяком случае, летние каникулы друзья проведут вместе, а там видно будет! Нечего заглядывать вперед.

На пристани Ван и Тима уселись в тени под полотняным навесом, нетерпеливо поджидая прихода «крылатого».

Голубую гладь канала рассекали быстроходные катера, маленькие буксиры тянули баржи. Для небольшого научного городка пристань была достаточно оживленной.



Странным казалось, что на том самом месте, где теперь стоит многолюдный Джохор, не так давно был только маленький оазис, затерянный в песках пустыни. Вода здесь появлялась лишь в особо благоприятные годы, и оазис служил перевалочным пунктом для караванов. Опытные проводники вели их сюда, чтобы под прикрытием холмов пережидать песчаные бури. Саксаул да колючки — вот и все, что здесь росло раньше; от палящего солнца поглубже в пески зарывались змеи, ящерицы,

скорпионы.

Но провели канал, и, словно по волшебству, как в сказках «Тысячи и одной ночи», вырос чудесный городок, зацвели сады, раскинулись хлопковые поля, огороды, бахчи…

Оазис Джохор рожден каналом, живет каналом; про него, как про древний Египет, который называли «дар Нила», можно было сказать «дар канала», только дар этот не дан природой, а насильно вырван из ее рук. Тем больше чести!

— Идет, идет! — сказал Ван.

Он первый заметил экспресс, изящно скользивший по воде, и весело замахал своей широкополой войлочной шляпой.

Несколько человек сошли с катера — мальчики их знали. Это были две сотрудницы Института селекции — наверное, вернулись из командировки, — еще кое-кто из обитателей Джохора и, наконец, какая-то незнакомая старушка. Она последней спускалась по сходням. Больше никто не приехал.

Гм… Досадно. Мальчики разочарованно взглянули друг на друга и уныло поплелись домой.

— Наверное, приедут позже, автобусом, — решил Тима. — Пойдем к нам, позавтракаем, я сегодня еще ничего не ел.

Когда Тима толкнул калитку садика, окружавшего их дом, он сразу увидел на скамейке, под каштаном, светловолосую девочку, одетую в пеструю ситцевую юбку и белую кофточку с черным бантиком под самой шеей; рядом с ней стоял какой-то паренек лет пятнадцати с зачесанными назад темно-каштановыми прямыми волосами, в светлом франтоватом костюме.

Возле скамейки на траве стояли чемоданы, и на них небрежно были брошены светлые плащи.

Тима даже остановился от неожиданности, потом оглянулся на Вана, как бы спрашивая: «Это еще что такое?» — и только потом сообразил, что перед ним те самые гости, которых он так нетерпеливо ждал.

— Вот наконец и хозяева пришли!.. — весело заговорила девочка, вставая со скамейки.

Паренек отступил в сторону, давая ей дорогу. Он был высок и широкоплеч.

— Кто же из вас Тима? — продолжала девочка. — Наверное, ты?.. — И она остановила свой взгляд на Тиме. — Ты очень похож на своего отца. Давай знакомиться. Я — Катя, а это, — и она кивнула в сторону паренька, — Виктор.

Виктор что-то пробормотал себе под нос, а Катя весело щебетала за двоих. Она заявила, что ужасно рада встретиться с Ваном, что ей всегда хотелось побывать в Китае и узнать как можно больше об этой прекрасной стране.

— Нет, — перебил ее Тима, — все-таки это чудно! Мы же вас сейчас встречали на пристани, во все глаза глядели. Как же так? Или вы с неба свалились?

— Почти, — засмеялась Катя. — Мы ведь прилетели на самолете, а с аэродрома нас подвезла попутная легковая машина.

— Про самолет мы и забыли… — обескураженно пробормотал Ван.

— Верно! — воскликнул Тима. — Ну, в конце концов это и

неважно. Приехали, не потерялись. Что будем делать?

— Во-первых, нам нужно хоть руки помыть. Правда, Виктор? — сказала Катя.

— Да не мешало бы, — произнес наконец Виктор. Он все время молчал, держался сдержанно. Тиме даже показалось — высокомерно.

«Экий пижон! — подумал он с некоторой неприязнью. — Не то что мы с Ваном — в сатиновых штанах. Ну ничего, придется ему расстаться с этими московскими брючками. Тут, брат, не улица Горького, а оазис в пустыне».

— Тима, надо душ, — посоветовал Ван. — Дорога пыльная…

— Я осел! — спохватился Тима. — Ну конечно, валяйте под душ! Он у нас в садике. Это папка устроил.

— Душ, душ! — захлопала Катя в ладоши. — Чур, я первая!

Она открыла чемодан, достала оттуда мохнатое полотенце, мыло и побежала по дорожке, куда показал ей Тима.

Мальчики понесли вещи в дом.

Тима поставил Катин чемодан в спальне у мамы, а Виктора проводил к себе.

— Будешь жить со мной, не возражаешь? — сказал он.

— Конечно, нет! — ответил Виктор.

И опять показалось Тиме, что сказал он это небрежным тоном: «Мол, раз уж я приехал в эту дыру, суй меня куда хочешь».

— Будем завтракать, — решил Тима. — Не знаю, как вы с Катей, а я так зверски голоден…

Он поставил на стол всю еду, какую только обнаружил в холодильнике.

Пока разогревался завтрак, Катя и Виктор успели принять душ. И Тима повел их на кухню, где все так и блистало чистотой. Ребята, весело болтая, уселись за белый кухонный стол.

Солнце уже поднялось высоко и немилосердно жгло.

— Ой, как жарко! — сказала Катя, обмахиваясь газетой, как веером. — Может, это с непривычки, но я буквально задыхаюсь!

— Сейчас будет прохладно… — заверил Тима. — Ну-ка, Ван, давай захлопнем ставни… Да ты сиди, сиди, — сказал он Кате, которая вскочила, чтобы помочь, — мы сами. Ты гостья!.. Включи холод, Ван.

Ван повернул выключатель.

— Вот мы как живем! — горделиво заявил Тима. — Оазис в песках! Солнышко, оно не хочет отказываться от своих привычек, как говорит мой папа, а мы его перехитрили. Раз — и холоду нагнали.

— Кондиционер! — поднял брови Виктор. — Домашний климат? Интересно. Я не знал, что он у вас тут в ходу.

— Ты, брат, многого еще не знаешь, — многозначительно подмигнул Тима. — У нас не хуже, чем в Москве, имей это в виду.

— Только, наверное, скучней, — заметил Виктор.

— Ну, не знаю. Нам с Ваном совсем не скучно… Правда, Ван? У нас, брат, дел всегда по горло.

Сквозь закрытые ставни пробивался луч света, и Катя заметила на окне какую-то стеклянную ванночку.

— Что это? — спросила она.

— Это? Сенной настой для инфузорий, — ответил Тима. — Выращиваю малюток. Понимаешь, мы с Ваном интересуемся всякой этой мелочью, особенно Ван. Он такие опыты ставит — прямо как настоящий ученый.

Ван вздохнул.

— Что вздыхаешь? — засмеялся Тима. — Хочется в «домике» побывать?

— В «домике»? Каком? — спросила Катя.

— Так… — неопределенно протянул Тима, переглянувшись с Ваном. — Как-нибудь потом расскажу. А ты чем интересуешься? Ничем?

— Нет, почему же, — сказала Катя. — Географией. Мечтаю о путешествиях… Виктор тоже, — прибавила она.

— Но не как географ, — заметил Виктор. — Я собираюсь стать кинооператором. Как мой отец. Он ведь на «Хронике» работает.

— Что за хроника? — спросил Тима.

— Это Студия документальных кинофильмов, — усмехнулся Виктор. — Таких простых вещей не знаешь…

— А почему я обязан это знать? — вспыхнул Тима.

— Кто же, по-твоему, снимает «Новости дня»? Ты их, надеюсь, смотришь?

— Ну, смотрю. У нас тут кино получше московского.

— Даже получше? Местный патриотизм!

— Да, да… Пусть местный, а я знаю, папа говорил, что и в Москве не часто увидишь такой кинотеатр, как у нас.

Тима начал горячиться. Ван Лин не любил, когда спорили по пустякам, и поспешил перевести разговор на другую тему.

Заговорили о прогулках по Джохору, стали строить планы, как они будут проводить время.

Виктор привез с собой узкопленочную кинокамеру, еле выпросил у отца. Он собирался очень много снимать. Для практики.

Вся компания перешла в столовую, Виктор принес сюда аппарат. И Тима с Ваном с любопытством рассматривали его. Мальчики с увлечением заговорили об оптике, о

светочувствительных пленках и о прочих специальных вещах. Про Катю совсем и позабыли. Она сначала слушала, слушала, прикорнув на диване, потом незаметно для себя задремала, утомленная дорогой и новыми впечатлениями.

— Спит… — вдруг шепотом сказал Ван, первый заметивший, что Катя как-то подозрительно притихла.

— А мы-то кричим! — забеспокоился Тима. — Ребята, пойдем ко мне в комнату. Виктор, тащи свою камеру!

— Тима, тебе доктор велел лежать, — напомнил Ван. — Как нога? Болит?

— Я про нее и забыл! — громко засмеялся Тима и тотчас зажал рот рукой, испуганно оглянувшись на Катю.

— А что у тебя с ногой? — спросил Виктор.

— Да так, неудачный прыжок без парашюта.

— А-а… — протянул Виктор.

Тима и Ван притащили подушки и положили на ковер. При этом мальчики старались не шуметь, неловко ходили на цыпочках, но то и дело зацеплялись за стулья, за шкаф и грохотали отчаянно. Наконец они натаскали достаточно подушек, бросились на них и, лежа на ковре, продолжали беседу. Однако полумрак и прохлада сделали свое дело. Разговор становился все более вялым. И, когда Мария Николаевна, мать Тимы, вернулась с работы, она застала дома сонное царство.

Мария Николаевна была моложавая, стройная, с великолепной черной косой, уложенной вокруг головы, словно корона. Она любила людей, любила молодежь, и в доме у нее постоянно бывало много народу: друзья и знакомые по институту, товарищи мужа, Тимины одноклассники, приезжие из райцентра или из Москвы. Она даже скучала, если случались вечера, когда за чайный стол садилась только своя семья. Приезду Кати и Виктора она радовалась особенно, потому что Тима, оставшись один, скучал бы и ей было жаль его.

Мария Николаевна остановилась возле спящей Кати, стараясь разглядеть ее лицо. Потом пошла в комнату сына. Там она с удивлением обнаружила Вана.

«Остался! — подумала она. — Вот что значит дружба».

Переодевшись в домашнее платье, повязав передник, Мария Николаевна примялась хлопотать на кухне.

Поставила на плиту большую кастрюлю с пловом, приготовленным так, как обычно это делают в Средней Азии, — с урюком и разными другими приправами. Она научилась этому искусству у местных друзей. Пока кушанье варилось, она нарезала салат, помыла помидоры, свежие огурцы, зеленый лук, редиску; потом состряпала любимое Тимино сладкое —

клюквенный кисель. У нее всегда хранились запасы клюквы. Муж, часто ездивший в Москву, каждый раз привозил эту «экзотическую» для здешних мест ягоду. Ей хотелось, чтобы сегодня все было так, как любит сын.

Потом она накрыла парадный стол в столовой, поставила букет и вытащила из своих запасов сладкую домашнюю наливку. «Отпразднуем приезд как полагается», — решила она.

Между тем зной спадал. Мария Николаевна распахнула ставни, выключила кондиционер и пошла будить Тиму.

— Вставай, сынок, пора… Ну, как нога? — говорила она, теребя густые черные волосы Тимы.

— Очень хорошо, мамочка, — сонно пробормотал Тима, потом привстал, сел, протер глаза и только тогда совсем проснулся. — Эгей, ребята! — закричал он. — Подъем! Раз, два, три!

— Тише ты, сумасшедший! — пыталась остановить его Мария Николаевна. — Перепугаешь всех.

— Ничего, не маленькие! — веселился Тима и стал бросать подушки в Вана и Виктора.

Мария Николаевна вышла, прикрыв за собой дверь.

Катя тоже проснулась. При виде Марии Николаевны она смущенно встала с дивана.

— Ну что, отдохнула, девочка? — приветливо сказала Мария Николаевна, садясь на диван и поставив перед собой Катю. — Ну-ка, дай я на тебя погляжу… Вылитая мама. Мамины волосы, мамин нос. Только глаза отцовские, темные…

— Ой, Мария Николаевна, мне так неловко! Не знаю, как уснула. Платье все смяла…

— Чепуха какая! Хочешь погладить или переоденешься?

— Лучше переоденусь. А где мой чемодан?

— У меня в спальне. Пойдем, я тебя провожу. Ну, как Лида… как мама, папа? Здоровы? — расспрашивала Мария Николаевна, проходя в другую комнату. — Давно я с ними не виделась. Хоть бы приехали к нам погостить.

— Мама и папа кланяются. Вот письмо вам от мамы. И еще мама просила передать вам это… — Катя вынула из чемодана большую коробку.

— Ну, зачем это? Зря деньги тратят, право же… Какая прелесть!.. — не сдержалась Мария Николаевна, рассматривая белую нейлоновую сумочку и длинный легкий газовый шарф. — Ну, спасибо, спасибо! — расцеловала она Катю.

— Да ведь это же не я, — смеялась Катя, — это мама!

— Все равно, тем более, что мамы здесь нет, а ты на нее похожа… Ну, причесывай косы, беги умываться и скорей к столу.

Небось проголодалась?.. Где Виктор? — крикнула Мария Николаевна. — Я хочу и на него посмотреть.

Виктор, высокий, аккуратно причесанный, подтянутый, вышел из комнаты Тимы. В руках у него был сверток. Он вежливо, но очень сдержанно поклонился Марии Николаевне.

— Родители просили вам передать. — И Виктор, как только что сделала Катя, протянул свой сверток.

— Право же, напрасно. Вы там, в Москве, с ума сошли. Забросали меня подарками… — И она, не разворачивая сверток, отложила его в сторону. — Ребята, за стол! Обед вас уже поджидает… Ван, ты тут? — обернулась она к вошедшему в комнату мальчику. — Вот хорошо! — Она ласково провела рукой по жестким иссиня-черным волосам Вана.

— Это он из-за меня остался, — заявил Тима. — Я прямо так и присел, когда его увидел утром. Представляешь?

— Настоящий товарищ! — улыбнулась Вану Мария Николаевна. — Ну, теперь вам будет весело. Очень хорошо! Я рада.

— Да, да, — веселился Тима, — был я один, а теперь нас стало четверо! Урра!

Оазис Джохор

Виктор ехал в Джохор с неохотой; единственное, что привлекало его здесь, — это возможность снимать. В глубине души он надеялся создать интересный фильм, который потом можно будет предложить Московской студии телевидения. Там поощряют «самодеятельных» молодых операторов. И — кто знает! — не появится ли на экранах телевизионных приемников целая передача, где будет объявлено, что снимал все эти замечательные кадры некий девятиклассник Виктор Сосновский? Как хотите, а перспектива приятная, вполне возможная, и ради этого стоит немножко поскучать в далеком Джохоре.

Сначала он было поморщился, узнав, что с ним вместе едет Катя. Очень ему нужна эта девчонка, моложе его на целый год! Виктор знал Катю давно — их родители дружили между собой с юности. Но теперь семьи встречались редко, потому что жили в разных районах Москвы, далеко друг от друга, да и работали в разных областях. Отец Кати был железнодорожник; он водил в далекие рейсы электрические поезда. А отец Виктора — кинооператор — разъезжал по стране со своей кинокамерой.

Раньше, бывало, отправляясь в гости друг к другу, родители брали с собой и детей. Но, чем старше становились ребята, тем реже это случалось. Вот и получилось, что Катя с Виктором

совсем не виделись больше двух лет и отвыкли друг от друга.

Но, встретив Катю незадолго до отъезда, Виктор был приятно удивлен. Она очень изменилась за это время, выросла, похорошела. Теперь Виктор был даже доволен, что едет вместе с ней.

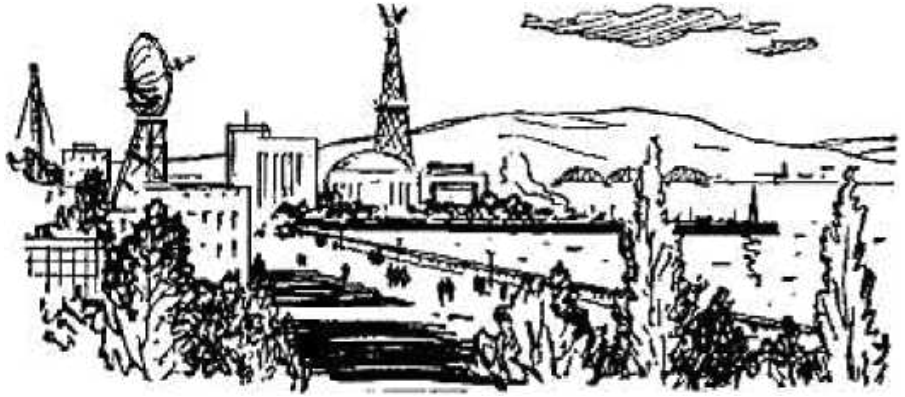
Сам он старался казаться совсем взрослым. Как-никак, он перешел в девятый класс.

Катя при первой встрече с Виктором почувствовала себя как-то неловко. Ей показалось, что он намного старше ее. Она стеснялась болтать и смеяться при нем, как обычно. Но скоро скованность эта прошла, и она стала вести себя с ним так же свободно и непринужденно, как и со своими сверстниками.

В противоположность Виктору, Катя сразу же пришла в восторг от предстоящей поездки в Джохор. Она любила новые, незнакомые места и не боялась скуки. Да она и не умела скучать — веселая от природы, жадная до новых впечатлений, она всегда находила интересное во всем, что ее окружало.

А в Джохоре было на что посмотреть.

Первые дни Катя и Виктор осматривали поселок, все его достопримечательности. Тима и Ван, местные «старожилы», показывали и рассказывали, как заправские экскурсоводы. Они любили Джохор, где прошло их детство. С видимым удовольствием они подмечали, что даже Виктор, этот надменный столичный житель, каким считали его Ван и Тима, тоже не мог скрыть своего удивления, когда познакомился с жизнью в оазисе. Ничуть не хуже, чем в столице, даже, может быть, лучше. В самом деле, чего им не хватало в этом далеком Джохоре? Прежде всего, радио и телевидение сообщали местным жителям о том, что делается на свете, значит, они не чувствовали себя оторванными от мира, заброшенными в глухом уголке. Отличные библиотеки были полны книжных новинок. Все лучшие театральные постановки, эстрадные представления джохорцы видели на экранах своих телевизоров, не говоря о том, что оазис посещали лучшие артисты страны.



Жилые дома были просторные, удобные. Каждая семья занимала отдельный особнячок, благоустроенный, снабженный всеми техническими бытовыми новинками. Ко всему этому нужно прибавить чистый воздух, чего так не хватает жителям больших городов.

А пейзажи? Какие пейзажи! Дикие скалы… Пески… И тут же рядом буйная зелень молодых лесов, огромные хлопковые поля, сады и спокойные голубые воды канала.

Нет, положительно Виктору нравился Джохор.

Здесь он впервые увидел электростанцию, работавшую на принципе использования солнечной энергии. Очень любопытно. Сколько он об этом читал! Виктор откровенно любовался простой и вместе с тем изящной архитектурой жилых домов. Он признал, что здание кинотеатра в Джохоре, просторное, прохладное внутри благодаря широко применявшемуся в поселке кондиционированию воздуха, действительно великолепно.

Когда у Тимы зажила нога, молодежь отправлялась далеко-далеко на холмы, на хлопковые поля. Москвичи с интересом знакомились с хлопком, о котором столько слыхали, но никогда не видели, как он растет. Они взбирались на холмы, поросшие молодыми сосенками, буками.

Институт селекции широко ставил опыты акклиматизации растений. И в Джохоре можно было увидеть такие деревья и цветы, которые никогда раньше не росли в этих краях.

Ко всеобщему удивлению, Катя обнаружила в юном лесу грибы. Наверное, споры грибов прибыли сюда вместе с саженцами, привезенными издалека. Катя ужасно обрадовалась грибам. Виктор, улыбаясь, следил за тем, как она перебегала от Вана к Тиме, заставляла их рассматривать грибы, определять, какие они, можно ли их есть. Потом она подбежала было и к нему, но тут же, безнадежно махнув рукой, заявила, что он-то уж наверное не сможет определить, съедобные ли они.

Виктора задел ее тон. Он терпеть не мог признаваться в том,

что чего-то не знает, и всегда стремился показать себя весьма осведомленым решительно во все.

— Да, признаться, я в этом не разбираюсь, — медленно произнес он, пожав плечами. — Но, кажется, и Тима с Ваном тоже не знатоки.

Решили показать грибы Марии Николаевне. Катя положила их в косынку и вручила узелок Вану. Она объявила, что никому другому никогда бы не доверила такую драгоценную ношу, хотя Ван готов был уступить эту честь, потому что ему не доставляло никакого удовольствия таскаться с грибами.

Виктор не расставался со своей кинокамерой; он запечатлел на пленку и грибы, и Вана с узелком. При этом ему удалось схватить удачный момент, когда Ван, по его просьбе, идя «прямо на камеру», споткнулся и с таким испугом прижал к себе узелок, что едва не раздавил все грибы.

— За спасение с опасностью для жизни ценных экспонатов, — шутливо заявила Катя, — я награждаю тебя, Ван, вот этим букетом! — И она, смеясь, всунула в руки Вана большие ветки сосны, которые наломала в лесу.

— Ну, Катя, это уж ты чересчур! — буркнул Тима. — Нагрузила его, как ишака. Давай мне! Если уж ты сама нести не хочешь…

— Не хочу! — нараспев говорила Катя, пританцовывая. — Я устала!

В общем, она командовала мальчиками, особенно Ваном. Он был очень покладистым.

Про Тиму этого не скажешь. Во всяком случае, он считал, что не к чему «угождать» девчонке, незачем ее баловать, и потому бывал с ней даже нарочито грубоватым. Попросит его Катя о чем-либо, а он резко, по-мальчишески, махнет рукой и заявит, что ему некогда, что он не может или просто не хочет. Катя надувалась, но через две минуты все забывала, опять шутила, смеялась и в конце концов заставляла Тиму делать так, как ей хочется. Он и сам не замечал, насколько подпал под ее влияние. О Ване и говорить нечего — всегда спокойный и мягкий, он безропотно подчинялся Кате.

А Виктор? С ним отношения складывались по-другому. Катя не решалась им командовать. На Тимины грубости, в общем-то, она почти не сердилась, но ее сильно задело бы, если бы Виктор сказал ей что-либо резкое или не выполнил ее просьбы. Почему? Она не знала и не задумывалась над этим.

Что же касается Виктора, он если и оказывал внимание Кате, то всегда старался сделать это незаметно для других, особенно для Тимы.

Как-то раз Катя вскользь заметила, что ей очень хочется почитать Жюля Верна «В погоне за метеором», и тут же забыла о своих словах. А вечером Виктор принес ей книгу, сказав небрежно:

— Ты, кажется, интересовалась?

Катя даже вспыхнула от удовольствия. А Тима, увидев в руках у Кати томик Жюля Верна, насмешливо заявил:

— А-а, вот он для кого старался! Потащил меня в самое пекло в библиотеку…

Виктор недовольно поморщился. Тима это заметил, почему-то обрадовался и громко свистнул.

* * *

Время в Джохоре проходило незаметно, весело.

По вечерам, когда спадал зной, ребята гуляли по улицам поселка, затененным тополями, каштанами, белой акацией. По краю тротуара были разделаны грядки с цветами. Такие же грядки тянулись и вдоль мостовой, посередине. Машин в поселке было не так уж много, и свободно можно было разгуливать прямо по мостовой. На площади Главной в Джохоре возвышалась огромная клумба с фонтаном посередине. Тонкие струйки воды, вздымаясь к небу, блестели и переливались разноцветными огнями в лучах уличных фонарей.

— Совсем как на курорте, — говорила Катя. — Я в прошлом году ездила с мамой в Сухуми. Там очень похоже на ваш Джохор. Только жаль — у вас моря нет!

— Зато есть канал! — сказал Тима. — И мы можем как-нибудь сесть на катер и отправиться к водохранилищу. Оно огромное, как море. Надо это обязательно сделать! — решил он внезапно. — Отпросимся у родителей и покатим.

— По воде не катят, — заметил Виктор.

— Ну, поплывем, эка важность! Что ты придираешься?

Виктор пожал плечами:

— Надо правильно употреблять выражения.

— Слушай, пошел ты к черту! — добродушно отмахнулся Тима. — Тебе бы классным руководителем быть! И чего ты важничаешь?

— При чем тут важничание? Просто я считаю, что нужно говорить правильно.

— А я, что же, по-твоему, говорить не умею?

— Нет, почему же… Но иногда бывает, ляпнешь.

— Вот навязался на мою голову! — начал злиться Тима. —

Все ему не так!

— Ребята, ребята, не нужно спорить! — вмешалась Катя. — Ты, Тима, как порох. Ну, ну, не горячись! Лучше пойдем танцевать на площадку в парке. Тима, Ван, хотите, я вас научу?

Учиться мальчики не желали, но на площадку пошли. Здесь по вечерам играло радио и молодые джохорцы устраивали танцы.

Катя и Виктор любили танцевать. Они долго, с увлечением носились по танцплощадке.

Тима и Ван, стоя в сторонке, среди зрителей, весело перекликались со своими друзьями, когда те проносились мимо. Но скоро Тиме надоело смотреть на танцующих, и он стал звать Вана домой.

— А как же они? — Ван кивнул в сторону площадки. — Нужно им сказать хотя бы, что мы уходим.

— Не маленькие, не потеряются. Дорогу домой знают. Пошли…

Катя и Виктор решили, что друзья ушли в парк, на набережную, и отправились их искать.

Молодой месяц отражался в спокойных водах канала. Слегка зыбилась на воде серебряная дорожка.

Катя облокотилась на парапет. По воде шел катер с разноцветными огоньками. Точно гигантские светлячки, они плыли над водой — красные, зеленые, желтые…

…Вот раздался протяжный гудок, второй, третий…

Гудки заставляли тревожно вздрагивать, пробуждая неясные мечты о далеких странствиях, о чем-то чудесном, что ждет где-то близко, почти за углом.

— А Тима, наверное, домой ушел, — вполголоса произнесла наконец Катя, думая о чем-то своем.

— Наверное, — в тон ей машинально ответил Виктор. Оба замолчали. Не хотелось нарушать тишину и очарование теплой южной ночи с мириадами звезд над головой. Перекинутся двумя-тремя фразами и снова затихнут.

Долго стояли они то молча, то переговариваясь вполголоса, пока Катя, взглянув на часы, не обнаружила, что уже поздно. Виктор недовольно поморщился, а Катя засмеялась. Она схватила его за руку и потащила за собой.

Тима, разумеется, давно уже был дома. Он сердито взглянул на Катю и Виктора. «Что это с ним?» — подумала Катя с недоумением и начала было весело щебетать о том, как они его искали, но Тима перебил ее, заявив, что хочет спать, и ушел к себе, хлопнув дверью.

Виктор иронически посмотрел ему вслед и пожал плечами.

* * *

Утром все четверо отправились купаться на канал. Это уже вошло у них в привычку.

Тима чувствовал себя в воде как рыба. Он отлично плавал, нырял, кувыркался, прыгал с вышки.

Катя плавала плохо. С завистью она следила за тем, как Тима, красиво изогнувшись, летел с высоты, врезался в воду, надолго исчезал в глубине и потом выныривал где-то далеко. Катя весело хлопала в ладоши, громко восторгалась ловкостью Тимы. Ван сиял от удовольствия — он гордился другом. Виктор хотя и делал безразличное лицо, но все же было видно, что ему неприятно превосходство Тимы на воде. Сам он был хорошим спортсменом, любил коньки и лыжи, а вот насчет прыжков с вышки и плавания отставал.

«Надо поупражняться», — решил он про себя.

После купания ребята брали лодку. Мальчики садились на весла, Катя — за руль.

— Пойдем сегодня туда! — сказала Катя, махнув рукой по направлению к бетонному мосту. — Мы за мостом еще не были.

Лодка быстро скользила по воде. Три сильных гребца мерно взмахивали веслами. Мимо проплывал парк, пустынный в эти утренние часы; парк кончился, и началось поле, поросшее цветами и травой. Вдали показалась высокая ограда с колючей проволокой наверху.

Из-за забора видна была только странная ажурная башня, увенчанная огромным сетчатым диском, напоминающим антенну радиолокатора.

— Что за этой оградой? — поинтересовался Виктор.

— Это? — лукаво подмигнул Тима. — Это «домик». Тот самый, о котором я как-то упоминал.

— А-а… — протянула Катя. — А что в нем? Посмотреть можно?

— Вылезем из лодки и, если хотите, посмотрим через щелку в заборе. Это лаборатория моего отца. Он называет ее своим детищем.

Через щелку ребята рассматривали внешний вид «домика». Он напоминал железнодорожный вагон, даже выкрашен был в зеленый цвет, только стоял не на колесах.

В «домике» было всего одно окно, но широкое, почти во всю стену. Перед ним росло высокое дерево. Входная дверь была, наверное, с другой стороны, ее ребята не видели. Высокая ограда, непонятная ажурная башня на крыше — все это создавало впечатление чего-то странного, необычного, таинственного.

У Кати загорелись глаза.

— А войти туда нельзя? — спросила она почему-то шепотом.

— Сейчас нет. Когда приедет папа, попросим его показать.

— Ой, сколько ждать!.. — разочарованно протянула Катя. — Да ты хоть расскажи, в чем тут дело?

— Длинная история, сейчас не хочется. Да тебе и неинтересно. К географии «домик» не имеет отношения. И к твоей «Хронике», Виктор, тоже.

— Ты думаешь, что, кроме киносъемок, я ничем не интересуюсь? — сухо заметил Виктор.

— Да, думаю! — вызывающе бросил Тима.

— Ну, сейчас они поссорятся, — комически вздохнула Катя.

В это время за забором раздался сердитый лай собак. Катя вздрогнула:

— Ой, что это?

— Собаки. Разве не слышишь? — улыбнулся Тима.

Между тем собаки подбежали к забору. Слышно было, как они когтями царапают доски.

Катя прильнула было к щелке и тотчас же испуганно отскочила.

— Ох, и трусиха! — насмешливо сказал Тима. — Ведь они до тебя не достанут. Чего же ты боишься?

— А вдруг они через забор перепрыгнут? — боязливо прошептала Катя.

— Ерунда! Забор высок, да к тому же наверху колючая проволока.

— Пойдем отсюда, — попросила Катя, ей почему-то стало не по себе. — Кстати, Тима, ты обещал показать нам какую-то древнюю гробницу. Где она?

— Туда надо пешком идти.

— Ну что ж? Сдадим лодку и пошли.

Через какой-нибудь час ребята, захватив с собой киноаппарат, уже шагали по пескам окраины Джохора. Остановились они у подножия холма.

— Вот, — показал Тима на четырехугольную яму.

Подойдя ближе, все увидели, что она выложена камнем, на котором хорошо сохранились какие-то рисунки и надписи. На дне лежала небольшая прямоугольная плита.

— Это гробница прекрасной Джохор, — сказал Тима тоном экскурсовода. — Ее именем и назван поселок. В переводе на русский Джохор значит: «Жемчужина».

— Это что, легенда? — снисходительно улыбнулся Виктор. — Ну, как же обойтись без легенды, надо же что-нибудь выдумать!

— Ох, ну и парень! — Тима даже зубами заскрежетал. —

Просто не знаешь, как с тобой говорить! Брось ты задаваться! Ну да, легенда! И самая настоящая.

— Виктору не нравится у нас, все не нравится, и легенда тоже, — сухо сказал Ван. Ему было обидно за друга, к тому же его самого раздражала заносчивость Виктора.

— Не обращайте на него внимания! — Решительно заявила Катя и повернулась к Виктору спиной. — Я лично очень люблю легенды. Расскажите, ребята. Это так интересно!

Тима искоса взглянул на Виктора. Тот возился с камерой, желая скрыть неловкость. Тима удовлетворенно хмыкнул и начал:

— История эта древняя-древняя. Кажется, было это в одиннадцатом веке. Да, Ван?

Ван утвердительно кивнул головой.

— Тогда в Средней Азии было большое государство. И правил им хан Гирим из династии Караханидов. Все Караханиды были, конечно, очень важные и жестокие и терпеть не могли, если кто-нибудь делал не по-ихнему. И хан Гирим тоже был не сахар…

— Совсем как ты, — не удержался Виктор. — Ты ведь тоже любишь, чтобы все под твою дудочку плясали.

— Вот мучение! — возмутилась Катя. — Ну помолчи, ну придержи язык! Если тебе неинтересно — не слушай. А мне интересно. Продолжай, Тима.

Тима вспыхнул было, но тут же мигом успокоился, удовлетворенно посмотрел в сторону Виктора и продолжал:

— Ну вот, как-то раз хан Гирим поехал путешествовать.

Наверное, заключать торговые соглашения с другими странами…

— Тогда не заключали таких соглашений, как сейчас, — поправил Тиму Ван.

— В общем, торговать поехал. Ну не знаю, зачем, не в этом дело. Занесла его нелегкая куда-то далеко-далеко. И там ему приглянулась одна красивая девушка, по имени Джохор. Не знаю, где он ее встретил… Может, в кино, или в театре, или на базаре, — засмеялся Тима.

— Не остроумно… — пробормотал Виктор. Но, к счастью, Тима не расслышал.

— Это была красавица необыкновенная, — продолжал Тима. — Глазищи огромные, черные. Косы до пят. Подлиннее твоих, Катя. Ну там, ножки, ручки и браслеты позвякивают — восточная красавица, как в сказке. Конечно, хан Гирим втюрился в нее по горло и решил ее купить. Денег он на это дело не пожалел. Тогда ведь чудно было — можно было покупать девушек. Вот бы тебя, например, Катя, взял бы Виктор да и купил.

— Ну что ты чепуху болтаешь?! — покраснела Катя. — Ты лучше рассказывай как следует. Ну, купил он красавицу?.. — Катя уселась поудобнее, обхватила руками колени, упершись в них подбородком.

— Да, купил и привез в свой дворец. Была эта Джохор гордая, непокорная, а хан сильно ее полюбил и хотел сделать своей женой. А она ну ни в какую. «Не хочу, мол, выходить за тебя замуж! Не люблю тебя, не мил ты мне!» — и плачет, и рыдает, и ногами топает. Ну уж не знаю, что она там еще делала, только заявила под конец, что скорее умрет, чем поцелует его противную ханскую рожу.

— Так и сказала? — поднял брови Виктор.

— Ну, не так, наверное, — миролюбиво согласился Тима, — в общем, это неважно. Я ведь не знаю, как тогда разговаривали. Знаю только, что хан Гирим очень расстроился, рассердился и решил ее наказать за непослушание. Он приказал выстроить ей плохонький домишко далеко-далеко на берегу маленькой речушки Джан-Дарья, она когда-то на этом вот месте протекала, и поселил ее там. Привезли ей, конечно, еду кое-какую, чтобы она с голоду не померла, оставили одну. Прошло несколько недель. Хан Гирим соскучился по своей красавице и отправился ее навестить. Но Джохор, как завидела караван хана, так взяла да и отравилась. И хан застал ее «хладный труп».

— Откуда ты знаешь, что она отравилась? — удивился Ван.

— Это я сам придумал сейчас. В общем, факт: хан застал ее мертвой. Ведь так, Ван? Ну, хан Гирим поплакал, поплакал, а делать-то нечего! Приказал он построить пышную гробницу и

похоронил здесь Джохор. Было это очень давно. Река пересохла, ушла в песок. Так часто бывает в пустыне. Но колодец остался. Был тут раньше маленький оазис. Вот его-то и стали называть по имени этой девушки — Джохор, Жемчужина; так и осталось это название. А гробницу засыпал песок, и никто и не знал, где она.

— Кто же ее обнаружил? — спросил Виктор.

— А вон кто… — Тима показал на Вана. Тот смущенно заулыбался.

— Ван? — удивился Виктор. — Интересно. Вот будут кадры! — оживился он. — Я сниму гробницу и тебя, Ван, на ее фоне. Очень хорошо! Отлично! Недаром я сюда приехал. Такие кадры!

Виктор был по-настоящему увлечен. Катя следила за ним блестящими, радостными глазами. Он суетился возле гробницы, ставил Вана так, чтобы тот лучше вышел, подносил камеру к глазам, кричал:

— Правее, еще правее!.. Теперь чуточку левее… Вот так! Ну не стой же, как идол, делай что-нибудь! Возьми камень в руки, рассматривай… Вот-вот, очень хорошо! Готово! Теперь отойдите все, я сниму одну гробницу… Вот так! Теперь давайте всех вас сниму вместе…

Катя попросила Вана рассказать, как это ему удалось сделать такое замечательное археологическое открытие.

— Очень просто, — сказал Ван. — Я как-то шел здесь один. Спускался с холма. Увидел камень такой правильной формы. Его песком почти засыпало. Такой камень я не видал раньше. Здесь не видал. Строят здесь из другого. Я сказал отцу. Мы стали копать. Увидели стены. Отец сказал — нужно написать в Академию наук. Приехали сюда археологи и сделали раскопки. Вот и все.

— Думали целый город найти, — прибавил Тима, — да не вышло. Не было тут города. Ван здорово тогда работал на раскопках.

— А ты? — спросила Катя.

— Я другим делом был тогда занят, в «домике»…

— Опять «домик»! Долго ты будешь морочить голову «домиком»? Что ты там делал?

— Это я так, к слову вспомнил, не волнуйся. Все покажу и все объясню. Я бы давно объяснил, если бы не он. — Тима кивнул в сторону Виктора.

— Опять я виноват?

— Да, ты. Потому что ты не поверишь, начнешь подковыривать, пожимать плечами. А меня это злит, прямо тебе скажу…

— Мог бы и не говорить. И так видно.

— Я тоже кое-что вижу!

— Что же именно?

— Ну, мало ли что.

— А ты скажи.

— Скажу, когда захочу. Не приставай!

— Да я и не пристаю. Не хочешь — не надо. Проживу и так.

Все замолчали. Катя сидела на песке, обхватив колени руками, и смотрела куда-то вдаль, за длинную цепь холмов. Ван и Тима растянулись поодаль. Они брали в горсть песок и следили, как он просеивается меж пальцев. Виктор взобрался на холм и стоял там, прикрыв ладонью глаза, с видом заправского кинооператора, выискивающего интересные кадры.

Здесь, в Джохоре, он носил настоящий тропический пробковый шлем, который отец привез ему в подарок из Индии, когда был там на съемках. В коротких брюках, в свободной куртке и сандалетах он напоминал европейского туриста, путешествующего по жарким странам.

Катя посмотрела на Виктора, стоявшего неподвижно на вершине холма, потом на далекую цепь холмов, мечтательно вздохнула и сказала:

— Мальчики, вам хочется чего-то необыкновенного?

— Что значит необыкновенного? Что? Ты уточни, — сказал Тима, не повернув головы и продолжая пересыпать песок.

— Ну, не знаю… Приключений каких-нибудь, путешествий. Чтобы все было необыкновенно. Теперь это так трудно! Вот разве, когда полетят на Луну…

— Наверное, скоро полетят. Я так думаю, — отозвался Тима и сел на песок. — А ты как думаешь, Ван?

— Наверное.

— Больше всего мне бы хотелось побывать на Луне… — продолжал Тима.

— И мне… — задумчиво сказала Катя. — А почему я говорю, что трудно на Земле найти необыкновенное? Потому что везде побывали путешественники. Вот и в Антарктиде скоро все изучат. Пока кончишь университет да доберешься туда, там ничего и не останется на нашу долю открывать.

— Папа мне всегда говорит, что это чушь, — ответил Тима и опять растянулся на песке. — Он говорит, что рядом с нами столько интересного, нужно только научиться видеть. Правда, говорить-то он так говорит, а «домик»-то построил необыкновенный. Вот, между прочим, если ты хочешь необыкновенного, — и Тима снова вскочил, — там-то и повидаешь кое-что, чего тебе и во сне не снилось!

— Ах, ты надоел мне с этим «домиком», только дразнишь!

— Слушай, Катя, ты представить себе не можешь, что делается в «домике»! Это такое, такое…

— Ого, опять «домик» на экране! — услышали они вдруг голос Виктора. Он уже спустился с холма и теперь подходил к ним. — Воспользовался моим отсутствием, Тима? Продолжай, продолжай, я могу уйти.

— Не уходи, Виктор, — попросила Катя и ласково взяла его за руку, — и постарайся не ссориться с Тимой. Мы тут заговорили о необыкновенном, а Тима сказал, что…

— …что именно в этом загадочном «домике», похожем на вагон, и спрятано самое необыкновенное?

— Да, вот именно, — серьезно сказал Тима.

— Ну, например?

— Например? Только смотри: если ты начнешь язвить и говорить всякие гадости, я просто дам тебе по шее!

— Так. Отлично! Спасибо за предупреждение. Постараюсь воздержаться, хотя и трудно.

— Серьезно, Виктор…

— Ну хорошо, я ведь слышал. Говори.

И Тима рассказал нечто столь удивительное, что даже Виктор потерял желание делать иронические замечания и слушал так же внимательно, как и Катя. А Ван, который давно все знал от Тимы, иногда вставлял свое слово, напоминая другу о пропущенной им важной детали.

Когда Тима кончил, воцарилось долгое молчание.

— Если ты и врешь, то ловко, — сказал Виктор.

— А я уверена, что он не врет!.. — горячо возразила Катя. — Послушай, Тима. — Она заговорила быстро, взволнованно. — А что, если нам туда сходить? Ты же говоришь, что это совсем безопасно. Иначе тебя не взял бы с собой отец. Управление, ты говоришь, автоматическое. Значит, мы можем сами включить установку…

— Это все так, но отец строго-настрого запретил мне ходить туда одному. Нет, это невозможно!

— Почему невозможно? Право, мы уже взрослые люди! Неужели нужно во всем спрашивать разрешения? Сколько времени нам понадобится?

— Дня два-три, не больше, — задумчиво произнес Тима. — Да, не больше. Мы с отцом за два дня управились.

— Ты говоришь, сейчас лаборатория не работает?

Тима кивнул головой:

— Папа и другой инженер, Вада, в Москве. Они вместе конструировали аппарат. И еще один инженер — Кривошеин. Их трое изобретателей. Кривошеин сейчас, правда, в Джохоре, но в

«домик» ходит редко — раз в три-четыре дня.

— А ключи? Есть у тебя ключи?

— Есть. Не у меня, конечно. Они дома, в папином сейфе.

— Ну так в чем же дело? — обрадовалась Катя. — В лаборатории пусто, ключи есть! Кто же нам помешает?

— Видишь ли, Катя, отец мне сказал, что…

— Господи, ну как маленький! «Отец, отец»! Мало ли что нам говорят взрослые! Они все еще думают, что мы только-только из пеленок вышли.

— Ты не права, Катя, — покачал головой Виктор. — Как бы там ни было, а путешествие это действительно необычное. Мало ли что случится? Тима не может взять на себя такую ответственность…

— Ну, положим, брат, ответственности я не боюсь. Просто не хочется обманывать отца, — сказал Тима.

— Ну, если только в этом дело… — усмехнулся Виктор.

— Да, в этом! — твердо заявил Тима.

— Ты так всю жизнь собираешься все делать с разрешения родителей?

— Всю жизнь — не знаю, да и теперь не во всем спрашиваюсь, а что касается «домика», то папа взял с меня слово…

— Ах, ну какая же это тоска! — Катя вскочила и стала ходить взад и вперед. — В кои-то веки представился случай, а ты со своим словом…

— Тима пай-мальчик — он все делает с позволения папы и мамы… — небрежно заметил Виктор.

— Ты брось подначивать! — огрызнулся Тима.

— Да я вовсе и не подначиваю, — пожал плечами Виктор.

— И плечами не пожимай! — вдруг заорал Тима. — Мне, думаешь, самому не хочется! Очень даже хочется! Но я не могу… Понимаешь, не могу… Ван, объясни ему, может, он тебя послушает.

Но у Вана так блестели глаза от любопытства, от желания попасть в этот «домик», что Тима только рукой махнул.

— Слушай, Тимочка, — между тем ластилась Катя, — мы во всем потом признаемся твоему папе. Я все на себя возьму. Я скажу, что уговорила тебя, что ты не хотел…

— Ты просто дура, вот что! — отрезал Тима. — Очень мне нужно, чтобы меня выгораживали!

— Ну ладно, ладно, не буду выгораживать. Подожди… А твой отец, он нас возьмет с собой? Как ты думаешь? Только говори правду.

— Пожалуй, нет… — задумчиво сказал Тима. — Даже если бы он и захотел, то мама шум поднимет. Она так на него

набросилась, когда узнала про меня… тогда…

— Ну, вот видишь! — вскричала Катя. — Значит, если мы упустим сейчас благоприятный случай, то никогда там не побываем. Ни-ко-гда!

— И это верно…

— А как хочется!.. Тебе тоже, Виктор?

Виктор не сразу ответил.

— Там снимать можно? — спросил он.

— Можно. Есть особый аппарат со специальной пленкой. В лаборатории.

— Н-да… Хорошо бы поснимать. Кадры будут любопытные. Пожалуй, даже мой отец позавидует.

Катя что-то быстро-быстро шептала на ухо Вану, но тот с упрямым видом отрицательно качал головой.

— Впрочем, о чем говорить, — заявил Виктор со своим обычным небрежным видом, — никуда мы не пойдем. Наш пай-мальчик — обыкновенный трус. Да, да, трусишка, Тимочка!..

— Послушай, Виктор, я тебя сейчас поколочу!

— Ну что ж, попробуй!

Мальчики стали друг против друга, словно молодые петухи.

А Катя бегала от одного к другому и твердила:

— Тимочка, не надо! Виктор, брось, не надо! Ну, не надо… Он не пай-мальчик, как ты не понимаешь, тут другое… А ты, Тима, тоже не понимаешь. Оба вы ничего не понимаете! Ну и ладно, — вдруг сказала она упавшим голосом, — бросим говорить об этом! Значит, напрасно я размечталась. Думала, вот оно — необычайное… Всю жизнь ждала. Летела сюда и все твердила: «Вот тут-то и случится что-нибудь необыкновенное». Мне всегда так казалось, когда я ездила в незнакомые, новые места. Но ничего не случалось. И сейчас не случится. И не надо, не надо!..

Тима растерянно смотрел на ее расстроенное лицо. Катя ему очень нравилась. В глубине души ему всегда хотелось сделать ей что-нибудь приятное. Только чтобы не подумали, будто он ей «угождает».

— Ну ладно! — вдруг резко сказал он. — Перестань, а то еще реветь начнешь, терпеть не могу… Поведу в «домик». Только надо разузнать, когда там был Кривошеин в последний раз. Потом придумать что-нибудь дома, чтобы мама не знала.

Лаборатория превращений

Мария Николаевна недовольно поморщилась, когда Тима, глядя в сторону, сказал, что им всем — ему, Кате, Вану и Виктору

— хочется послезавтра пойти в горы с раннего утра.

— Мы ненадолго, дня на три-четыре. И ты не волнуйся, ничего с нами не случится.

— Я все равно буду волноваться, — сказала Мария Николаевна. — Но вас я не удерживаю. Вы взрослые ребята и, надеюсь, будете благоразумны.

— Ну конечно, можешь не сомневаться! — с облегчением вздохнул Тима.

В этот момент он говорил искренне — он действительно решил про себя быть очень осторожным, и то, что он сейчас, в эту секунду, не врет, немного успокаивало его совесть.

«Эх, — думал он с тоской, — был бы здесь папка, он бы все понял! Может быть, даже сам повел нас… Хотя нет — мама ни за что не согласилась бы. Вот сказали, что в горы хотим идти, и то она заволновалась, а туда… нет, ничего бы не вышло. Может, отменить? — колебался он. — Невозможно! Виктор засмеет. И потом, раз сказано, значит, баста», — твердо решил он.

— А что вы с собой возьмете? — спросила Мария Николаевна. — Хлеба нужно купить. Потом надо посмотреть, как у меня с консервами.

— Вы не беспокойтесь, Мария Николаевна, — вступила в разговор Катя, — мы все сами купим, все приготовим.

— Ну, смотрите! А то еще помрете с голоду по дороге, — засмеялась Мария Николаевна. — Палатка твоя в порядке, Тима?

— В порядке. Да ты правда, мама, не хлопочи. Ведь идем не первый раз. Мы с Ваном бывалые… Да, Ван? — Тима хлопнул приятеля по плечу.

Мария Николаевна это знала и все же беспокоилась. На минуту ей показалось, будто Тима что-то скрывает.

«Почему он отпрашивался отвернувшись? — думала она, ворочаясь на своей постели. — Нет, трудно с мальчиками — не понять их вкусов, стремлений, их внутреннего мира. С девочками другое дело. Скорей бы Сережа приехал, с ним все проще и легче. И этот Виктор… Не знаешь, как с ним держаться, такой он сухой, надменный, скрытный. Не то, что мой Тимка, — у того душа нараспашку! Нет, нет, он ничего не скрывает, просто мнительность… Подумаешь, отвернулся к окну! Ну и что же? Где это написано, что отпрашиваться в дальнюю прогулку нужно, обязательно глядя в глаза? Пустяки, моя обычная мнительность, не больше. Просто не люблю, когда „моих мужчин“ нет дома».

Мария Николаевна Тиму и мужа называла «мои мужчины» и действительно не любила, когда они вдвоем отправлялись на рыбалку или в горы, а она оставалась одна.

«Или, как в тот раз, не говоря мне ни слова, затеяли всю эту

историю в лаборатории, — продолжала она размышлять. — Ну, я им такое тогда задала, во второй раз не захотят…»

* * *

Чуть брезжило утро. Джохор еще спал. Ребята, взяв для виду рюкзаки, палатку и все, что полагается для путешествия в горы, отправились в «домик». Тима разузнал, что Анатолий Степанович Кривошеин был в «домике» вчера; сегодня он собирался дня на три уехать на рыбалку. Все отлично складывалось. Трех дней им вполне хватит. Успеют вернуться вовремя, никто и не заметит.

По дороге в условленном месте они встретились с Ваном.

— Ну как, порядок? — спросил Тима у друга.

— Полный, — улыбнулся Ван.

И вся компания зашагала дальше.

Утром Тиме их затея показалась уже в другом свете.

В самом деле, что тут особенного? Раз об их путешествии никто не знает, значит, некому и волноваться. Мама не волнуется, стало быть, все в порядке.

«Вернусь и все расскажу. Конечно, нам достанется, говорить нечего, но дело будет сделано».

— Все будет хорошо, — вслух произнес Тима.

Катя удивленно посмотрела на него:

— Ты что?

— Да так, не обращай внимания, — засмеялся Тима.

Увлеченный предстоящим путешествием, он был бодр и энергичен. Виктор, как всегда, уверен и спокоен. А Катя и Ван радостно возбуждены. Катя потому, что ликовала при мысли о таинственном и необыкновенном путешествии, а Ван думал о предстоящем как о чрезвычайно любопытном научном эксперименте. Взрослые говорили о Ване как о будущем ученом, удивлялись его знаниям, далеко превосходящим обычный школьный уровень. Он очень много читал, отлично запоминая прочитанное, и часто удивлял учителя естествознания сложными вопросами, иной раз даже ставил его в тупик. Микробиология была его страстью. Он готов был целые дни проводить возле микроскопа, рассматривая крошечные существа, плавающие в капле воды.

— Ты совсем как Левенгук, — смеялся Тима.

Они оба недавно прочитали интересную книгу о голландце Антонио Левенгуке, впервые заглянувшем в мир невидимых существ. Их поражало, как это невежественный торговец сукном мог сделать такое величайшее открытие. Подумать только,

тысячелетиями люди даже не подозревали о существовании крошечных живых организмов, пока Левенгук в XVII веке не увидел их через свое увеличительное стекло. А все потому, что Левенгук увлекался шлифованием линз. Он достиг в этом деле такого искусства, что во всем мире ни у кого тогда не было столь совершенных линз, как у него. Соединенные вместе, они давали сильное увеличение, в сто шестьдесят раз. Это было очень много для того времени. Левенгук с любопытством рассматривал через них все, что попадалось под руку: волосы, шерсть животных, растения, насекомых. И все это приобретало неожиданный вид, совсем не похожий на тот, каким он представлялся невооруженному глазу.

Но самое удивительное Левенгук обнаружил в капле воды, когда взглянул на нее через свой микроскоп. Великий боже! Да в этой капле полным-полно каких-то «зверушек»! Они суетятся, плавают, словно рыбы.

С тех пор Левенгук стал искать «живых зверьков» всюду. Он снял белый налет со своих зубов, и там тоже оказался целый зверинец. «Животных у меня во рту больше, чем людей в Соединенном Королевстве», — записал он в свою книжечку.

Как-то раз Левенгук встретил на улицах Дельфта (голландский город, где он жил) древнего старца и огорошил его вопросом:

— Вы чистили когда-нибудь зубы?

— Нет, — ответил ошеломленный старик.

— Вот где богатейший зверинец! — воскликнул Левенгук и потащил старика к себе домой.

…Когда Левенгук сообщил о своем открытии английскому Королевскому обществу, многие ученые подняли его на смех. Им казалось, что этот голландский самоучка просто сумасшедший. Но не все ученые смеялись. Были и такие, которые весьма серьезно отнеслись к сообщению Левенгука. И, когда по их заказу были сделаны самые лучшие микроскопы, какие только смогли изготовить в Англии, почтенные академики собственными глазами увидели «зверьков» Левенгука. Сомнений не оставалось: Левенгук действительно сделал величайшее открытие.

В те годы русский царь Петр I засучив рукава с топором в руке, учился в Голландии корабельному делу. Он узнал об открытии Левенгука и полюбопытствовал сам заглянуть в чудесное стеклышко. Его так заинтересовал таинственный мир крошечных существ, что он не раз повторял свои наблюдения.

В «праздные» дни, когда охотников поглазеть на могущественного русского царя, работающего как простой плотник, было особенно много и трудно было от них спрятаться,

царь Петр приглашал к себе Левенгука, уплывал с ним на своем боте на середину реки и там подолгу рассматривал разных «живых зверьков».

…Открытие микроскопических организмов было неожиданным и долго казалось невероятным. Прошло почти сто лет, а ученые все еще не могли разобраться в этом удивительном мире. Микроскопические организмы даже не получили названия. Их именовали то «червями», то «живыми частицами».

Шведский ученый Карл Линней, классифицируя животный и растительный мир и распределяя животных и растения по отдельным группам — классам, отрядам, попытался присоединить микроорганизмы к какой-нибудь группе, но из этого ничего не получилось. Тогда он назвал их просто «хаос», «неразбериха», заявив, что микроскопические организмы не поддаются изучению потому, что «творец сохранил эту область за собой».

Но, разумеется, Карл Линней ошибался.

С появлением новых, усовершенствованных приборов «хаос» исчез; на его месте возникли систематизированные группы разнообразных микроскопических организмов.

Ученые открыли, что среди микроскопических существ есть наши злейшие враги — возбудители болезней, а есть и друзья. Они выяснили, что без этих микроскопических организмов невозможна была бы жизнь на Земле.

Уже сделано немало величайших открытий, уже исследованы многие законы микромира. Но и сегодня остается там еще немало тайн, немало нерешенных важных задач.

Ван мечтал о том, что и ему когда-нибудь удастся заложить свой кирпич в великое здание науки микробиологии. Вот почему он с такой нетерпеливой радостью шел в этот «домик», откуда открывался необыкновенный путь в мир невидимых живых существ.

Да, именно в мир невидимого! Но каким образом они туда попадут? В этом-то и заключалась тайна «домика».

* * *

…Сергей Петрович Долинский, талантливый изобретатель, вместе со своими друзьями инженерами Владимиром Яковлевичем Вадой и Анатолием Степановичем Кривошеиным давно уже бился над созданием особой аппаратуры, которая, по его мнению, весьма пригодилась бы микробиологам, почвоведам для их исследовательской работы.

Процессы, протекающие в почве, в клетках растения, сложны и многообразны. За ними не всегда уследишь даже с помощью самой усовершенствованной аппаратуры. Ученым о многом приходится только догадываться, создавать искусственные модели и на них проверять правильность своих предположений. Это сложно, да я результаты опытов не всегда точны.

Сергей Петрович мечтал об аппарате, который помог бы исследователям.

Как-то раз, когда в его доме собралось несколько ученых-почвоведов, Сергей Петрович неожиданно заявил:

— А что, если вам, дорогие коллеги, вместо того чтобы возиться с микроскопами, самим бы заглянуть в толщу почвы, прогуляться внутри растения, а?

Ученые засмеялись и сказали:

— Разумеется, это весьма было бы удобно, но, увы, габариты! Они не разрешают!

— Ну, а если уменьшить габариты? Этак в сто тысяч раз, а? Я уже подсчитал…

— Допустим, что подсчитали вы правильно, — возразил Сергею Петровичу один из молодых ученых, — только радости от этого мало! Это же невозможно!

— Ну, как сказать. Вот я набросал примерную схему аппарата. Сложного аппарата, правда, но сконструировать его можно.

— Каков же все-таки ваш принцип уменьшения человека до размеров микролилипута? — спросил молодой ученый. Он относился к разговору несерьезно, но ему любопытно было услышать, что ответит инженер.

— Каков принцип? Об этом легко рассказать, но это очень нелегко понять. Все же я попытаюсь. Вы знаете, что материя и движение неразделимы: движение есть способ существования материи. Нет материи без движения, и нет движения без материи. У движения, как вы знаете, много форм. Без перехода одной формы в другую нет работы, нет проявления энергии…

— Ну, это вещи нам «немного» известны, — иронически заметил молодой ученый. — Ради чего вы это рассказываете?

— Для разбега, и только, — улыбнулся Долинский.

— Ах, вот как! Ну хорошо, продолжайте!

— Итак, энергия есть мера движения при его превращениях из одной формы в другую. Положите в печь дрова, только от этого тепла не будет. Горят дрова — перед вами разнообразные формы движения материи: распадаются одни химические соединения, возникают другие, новые. И вот вы ощущаете тепло. Какое-то количество протекающего на ваших глазах многообразного

движения материи (веществ, образующих «дрова») приобрело особую — тепловую — форму, превратилось в тепловую энергию.

Наше Солнце — могучий источник энергии. Разного рода химические и физические процессы, протекающие в нем, сопровождаются излучением света, выделением тепла, образованием магнитных и всяких иных волн. При этом масса Солнца уплотняется. Например, из четырех ядер атома водорода образуется одно ядро атома гелия.

— Да, — возразил ученый, — но ведь все эти процессы протекают на Солнце, а температура его измеряется миллионами градусов. Мы же имеем дело с Землей и, главное, с человеком. Его и на тысячную долю этой температуры не нагреешь — сгорит!

— Я и не собираюсь его нагревать. Я рассказывал вам об этом лишь для того, чтобы показать, в чем принцип моего аппарата. Вмешавшись в формы движения материи и резко изменив их, я рассчитываю изменить массу материи, а тогда…

— Но что же будет потом? Ведь если такой опыт пройдет успешно, то человек навсегда останется микроскопически маленьким.

— Нет, отчего же. Существуют и обратные процессы, и я надеюсь, что сумею вернуть моему микролилипуту прежние, нормальные размеры.

— Невероятно! — воскликнул молодой ученый. — Такие превращения возможны только в сказках!

— А разве мы уже не осуществили большинство сказочных чудес? Разве человек не летает быстрее птицы, не спускается в бездны океана? Разве радиоволны не связывают нас в одно мгновение с тридесятым царством? Разве всевидящее око радиолокатора не побеждает туман и ночную мглу? Разве простая электрическая лампочка не сверкает ярче пера сказочной жар-птицы? Так почему же невозможно уменьшить размеры человека? Мои расчеты показывают, что технически это вполне осуществимая задача. И, если удастся создать необходимую аппаратуру, вы представляете, что это даст вам — ученому-микробиологу? Вы сможете наблюдать микромир в его природной среде! Вы сможете проникнуть в любое растение, расхаживать по его клеткам, как у себя дома. А?

Сергей Петрович с таким воодушевлением рисовал картину возможных исследований, что в конце концов увлек ею ученых. Он «заразил» этой идеей и двух своих товарищей — инженеров Владимира Яковлевича Ваду и Анатолия Степановича Кривошеина. Втроем они лихорадочно принялись за детальную разработку проекта удивительной аппаратуры, посвящая этому делу все свободные часы.

Когда проект был готов, они втроем отправились с докладом в Москву.

Аппарат был настолько необычен, что понадобилось немало времени, чтобы заставить внимательно выслушать себя.

Но в конце концов им заинтересовались. Инженеры получили возможность построить опытную установку.

И вот на окраине Джохора вырос удивительный «домик». Самое сердце механизма находилось далеко от него, в специально выстроенном под землей помещении, строго охраняемом.

В самом же «домике» находилось только управление. Каждый, кто входил в аппаратную, видел лишь приборы, кнопки, рычажки, лампочки.

Лабораторию, во избежание всяких неожиданностей, обнесли высокой оградой с колючей проволокой наверху. Вход в «домик» стерегли особые механизмы; их включали, когда оттуда уходили немногочисленные сотрудники. Если бы кто-либо попытался тайно проникнуть в лабораторию, не имея специальных ключей, электрические «сторожа» принялись бы отчаянно трезвонить.

Да и собаки поднимали лай. Это были псы старика садовника, который ухаживал за опытным садом при лаборатории. Садовник не доверял «сторожам»-механизмам и держал здесь своих собак. Инженеры смеялись над ним, но собак не прогоняли.

Тима часто приносил им кости, сахар и приручил сердитых псов. При виде него они радостно виляли хвостами.

Тима часто бывал в лаборатории. Видя интерес сына к «домику», Сергей Петрович охотно брал его туда с собой. Тима научился включать приборы и, бывало, даже кое в чем помогал отцу.

Ученые-микробиологи с опаской относились к эксперименту превращения в микролилипутов. И вот однажды Сергей Петрович, чтобы доказать безукоризненность работы аппарата, смело превратил в микролилипута своего сына. Вместе с ним он совершил путешествие в лист клена.

С той поры недоверие ученых было сломлено. Опытная лаборатория четко работала уже полгода.

Сейчас опыты пришлось приостановить, потому что Кривошеин ушел в отпуск, а Сергей Петрович с Вадой уехали в Москву за дополнительными аппаратами для лаборатории, которые изготавливались по их заказу на одном из московских заводов.

Но, уезжая, они просили Кривошеина приглядывать за лабораторией. Мало ли что может произойти в их отсутствие! Из-за этого Кривошеин остался в Джохоре, никуда не уехал.

Впрочем, это он только так говорил. На самом деле его вполне устраивал отпуск в Джохоре: он знал отличные места, где водилось много рыбы, а ему, страстному любителю-рыболову, больше ничего и не нужно было.

* * *

В этот ранний час улицы были пустынны. Но юные заговорщики шли, все время оглядываясь, не увидит ли их кто-нибудь.

— Скоро начнут поливать улицы, — торопил Тима. — Прибавьте шагу, ребята!

— Ну и что же? — решила Катя. — Вид у нас такой, будто мы идем в горы: рюкзаки за спиной, палатка — все, как полагается.

— Тем более обратят внимание, если увидят, что мы входим в «домик»! — настаивал Тима.

Когда Тима стал открывать калитку, послышалось глухое рычание собак.

— Ну, ну, Султан, Джида, это я! — крикнул Тима, вошел во двор и поспешно прикрыл за собой калитку. — Постойте тут, ребята, я уберу собак.

Со свертком, где были заранее припасены кости и сахар, он пошел к сарайчику. Когда лаборатория работала, садовник на день запирал своих псов в сарай, чтобы они не пугали посетителей.

Тима свистнул, и собаки рысцой потрусили за ним. Тима бросил им еду в сарай. Собаки принялись за угощение, а Тима воспользовался этим и, быстро задвинув засов, вернулся к калитке, чтобы впустить товарищей. Потом открыл входную дверь лаборатории, втолкнул туда ребят и опять велел им ждать. Делал он все быстро и молча. Снова вернулся к сараю. Отодвинул засов. Оставлять собак в сарае нельзя: придет садовник и сразу же обнаружит, что кто-то здесь был. Поднимет шум, и тогда все пропало.

Едва Тима открыл сарай, как собаки, несмотря на соблазнительные кости, бросились к дверям лаборатория, злобно рыча и скаля зубы.

Тиме даже стало страшновато. Но он повелительно крикнул им:

— На место!

И собаки нехотя ушли прочь.

Тима облегченно вздохнул. Он вошел в лабораторию, быстро захлопнув за собой дверь. Щелкнул замок. Ребята вздрогнули. Этот щелчок как бы отделял их от внешнего мира. Так им показалось.

— Ну, как вы тут? — спросил Тима.

— Ничего. Ждем тебя.

— Да вы бы дальше прошли, а то топчетесь у двери.

— Ты же не велел, — сказала Катя.

Она заметно притихла.

Поднявшись вслед за Тимой по трем ступенькам, Катя, Виктор и Ван, осторожно ступая, вошли в просторный коридор. Через застекленную дверь, которая вела в аппаратную, лился свет.

Первое, что они увидели, перешагнув порог аппаратной, — это широкое, во всю стену, окно прямо против двери и дерево, растущее за ним.

— То самое?.. — почему-то шепотом спросила Катя.

Вся ее веселость исчезла бесследно. Лицо у нее было напряженное, испуганное.

— То самое, — спокойно подтвердил Тима. — Вот что, ребята, давайте-ка сюда, в этот чуланчик, спрячем наши рюкзаки и прочее. Я и ключи от лаборатории там оставлю.

Тима открыл маленькую дверцу в стене и стал снимать свой рюкзак. За ним последовали и остальные.

— Ну так, — сказал Тима, с удовольствием расправляя плечи. — Он мне надоел, этот рюкзак… Катя, давай твой.

Катя молча подала. Она остановилась посреди аппаратной, боязливо озираясь. Ван тоже осматривался. Он был здесь впервые. Виктор, заложив руки в карманы, разглядывал пульт управления.

— Та-ак, — неопределенно произнес он. — Та-ак… Скажи, Тима, как ты разбираешься во всей этой чехарде?

— Почему — чехарде? — удивился Тима. — Здесь все очень просто, а научиться нажимать кнопки и поворачивать рычаги дело нехитрое.

— А ты наверняка ничего не напутаешь? — вдруг решительно повернулся Виктор.

— Что, струсил? — хитро прищурился Тима.

— Не то чтобы струсил, но согласись, не очень-то приятно остаться на всю жизнь микролилипутом.

— Разве это возможно? — заволновалась Катя. — Ты же, Тима, говорил, что способ совершенно безопасный.

— Я и сейчас это повторю, — возразил Тима. — Ведь не я, а он сомневается. — Тима кивнул в сторону Виктора.

Тот снова повернулся ко всем спиной, делая вид, что рассматривает механизмы.

— Ой, ребята, — вдруг жалобно сказала Катя, — мне стало так страшно, так страшно!..

— Ах, вот как! — возмутился Тима. — То уговаривала, уговаривала, чуть не плакала, так хотела «необыкновенного»! Вы оба, — Тима жестом руки объединил Катю и Виктора, — кричали

об этом целый час, а теперь на попятную? Ну ты — девчонка. Ладно, девчонки всегда смелы на словах, а чуть до дела — так в кусты! А он? Этот важный Виктор, самоуверенный хвастун!..

— Ну-ну, потише! Думай, что говоришь…

— И думать нечего! Тоже еще мужчиной называется! Ладно, я вас не уговариваю. Я лично не боюсь — я уверен, что все будет в порядке, и не потому отказывался. Но раз уж вы побледнели при виде простых кнопок — куда уж вам дальше идти! Давайте-ка я покажу вам, как тут все делается, и айда домой!

Виктор молчал. В душе у него происходила жестокая борьба. Справедливость Тиминых слов глубоко задела его самолюбие. Как, этот мальчишка, моложе его на год, упрекает его, Виктора, в трусости? Тогда как трусость здесь совсем ни при чем. Надо это понимать! Просто нельзя же из-за глупого хвастовства рисковать чуть ли не жизнью!

Катя совершенно растерялась. Жажда необыкновенного вдруг сразу потускнела. «Оказывается, это совсем не так просто, как в книжках написано, — подумала она. — Папа мне всегда об этом твердил, а я не слушала…»

Только Ван оставался спокойным.

Между тем Тима деловито взял книгу и вазу с белыми лилиями («Кто их принес?» — мелькнуло у него в голове) и поставил все это на большую черную блестящую плиту, похожую на мраморную. Черная плита была врезана в пол под окном, через которое заглядывал высокий клен. В стене, под подоконником, был вделан блестящий полудиск, как бы опирающийся на плиту. Если приглядеться, то посередине полудиска, в том месте, где он соприкасался с плитой, было крошечное отверстие. В него упиралась тончайшая серебряная нить, ярко выделявшаяся на черном фоне плиты.

Вдоль стен лаборатории стояли высокие прямоугольные шкафы серебристого цвета. Это были аппараты.

Тима подошел к пульту управления. Трое молча следили за каждым его движением. Он нажал большую красную кнопку, потом перешел к другому аппарату. Три пары глаз последовали за ним. Тима уверенно повернул какую-то ручку, затем одну за другой стал нажимать кнопки. Пульт ожил. Вспыхнули разноцветные лампочки — красные, синие, зеленые, желтые, — задвигались стрелки измерительных приборов: издалека доносился равномерный гул мощных трансформаторов.

— Ну, смотрите на эту плиту, — нарочито спокойно сказал Тима. — Вернее, на вазу и на книгу.

Три пары глаз устремились на плиту.

Смотрели долго, почему-то стараясь не моргать. Потом

надоело смотреть. На плите ничего не происходило. Ваза с цветами оставалась такой же, как была, книга тоже.

— Ну, — прервал молчание Виктор, — не знаю, как вы, а я ничего не замечаю!

— И я!

— И я! — отозвались по очереди Катя и Ван.

— Не так скоро, — усмехнулся Тима. — Подождите.

— Ждем, — согласился Виктор.

Он хотел было сделать ироническое замечание насчет барона Мюнхаузена, но воздержался.

Так прошло минут тридцать — сорок.

Наконец ваза с цветами и книга стали понемногу уменьшаться. Катя даже протерла глаза: уж не кажется ли ей это, не обман ли это зрения. Но, когда предметы уменьшились в десять раз, тут уж не оставалось сомнений.

Тима подскочил к пульту управления и выключил аппарат.

— Пожалуйста, — сказал он с напускным равнодушием, — можете взять в руки эти штучки.

Катя первая подошла к черной плите и осторожно, точно боясь обжечься, взяла двумя пальцами вазу, ставшую совсем крошечной.

— Не пролей воду! — засмеялся Тима. Виктор поднял книгу и, перелистывая страницы, пытался прочитать, что на них написано.

— Пожалуй, не прочтешь без микроскопа… — пробормотал он. Весь вид его говорил о крайнем изумлении, которое он и не пытался скрыть. — Ну, а теперь попробуй обратным ходом! — попросил он.

— Обратным ходом, говоришь? — отозвался Тима. — Пожалуйста. Ставьте вещички на место, на изоляционную плиту — так она называется, к вашему сведению.

Тима снова проделал какие-то манипуляции с кнопками и рычагами на пульте управления. И снова ожили механизмы, вспыхнули лампочки и загудел трансформатор. Постепенно предметы на плите приняли свои обычные размеры.

— Так произойдет и с нами? — спросил Ван.

— Произошло бы… — поправил его Тима, ставя за место вазу и задвигая ящик стола, откуда вынута была книга. — Ну что ж, пошли, ребята!

— Куда? — в один голос отозвались трое.

— Домой, куда же еще? Или в горы, как сказали маме.

— Н-нет… — неуверенно начал Виктор. — Я думаю, нам следует остаться. Как ты, Катя? Что скажет Ван?

— Ребята! — вдруг снова возбужденно заговорила Катя и

стала бегать из угла в угол лаборатории. Когда она волновалась, она всегда начинала быстро двигаться. — Мальчики, да ведь это же чудесно! И совсем, совсем не страшно! Вначале меня ужас взял, правда… Не смейся, Тима, тебе хорошо — ты тут не первый раз. А я так просто умирала от страха! Да еще эти собаки… и вообще. А теперь… теперь нисколечко! Нет, правда, ребята!

— А я, ребята, не то чтобы испугался. Нет. Я просто подумал — ведь все же я старше вас. Я подумал, стоит ни рисковать? — оправдывался Виктор.

— Ну да, брось притворяться! Струсил — так и скажи! — засмеялся Тима и дружески, не сильно двинул его кулаком в бок.

Тот недовольно поморщился, но промолчал. Конечно, он струсил. Только ему не хотелось в этом признаваться даже перед самим собой. Вот он и подыскивал всякие объяснения, но они были очень неубедительны. Никто ему не поверил, даже Катя.

Но эксперимент, проделанный с цветами и книгой, всех успокоил. И теперь даже странно было бы отказаться от интереснейшего и, в сущности, вполне безобидного приключения. Ведь, может быть, никогда в жизни не представится такой замечательный, необыкновенный случай.

Виктор увидел на стене большой рисунок, изображающий дерево с почвой и корневой системой в разрезе.

— Это и есть тот самый клен, что растет за окном? — полюбопытствовал он.

— Тот самый, — подтвердил Тима. — Клен туркестанский.

Ребята столпились возле рисунка.

— «Дендрония», — прочла Катя надпись в верхнем левом углу. — Что это значит?

— От греческого dendron, — пояснил Ван. — Под словом «дендрония» подразумевается особая область, где живет дерево, страна со своими законами, условиями и так далее…

— Профессор, — иронически заметил Виктор.

— Завидуешь? — не глядя на него, отпарировал Тима.

— Преклоняюсь!

— Ребята, чур, не ссориться, успеете потом. Ну, говори, Ван.

— Я все сказал. Теперь пусть Тима покажет нам, как мы пойдем.

Тима с указкой в руке объяснил, что самое трудное — добраться до корня. А дальше дорога прямая — по корню и вверх по стволу.

— Вот видите, ребята, — говорил он. — Дерево изображено здесь во всех деталях в поперечном и продольном разрезах. Нас сейчас интересует продольный разрез. Мы через корневой волосок войдем в наружные клетки корня, оттуда проникнем в

центральную часть его. Там сходятся сосуды, по которым вода поднимается из корня к листьям. Сосуды и доставят нас наверх.

— А что здесь показано, в поперечном разрезе?

— Строение среза дерева. Вот наружная пробковая кора, первичная и вторичная кора, кольцо камбия — образовательной ткани, древесина, в самом центре — сердцевина. Более подробно познакомимся со строением клена там, внутри него самого. Если решили идти, то не будем терять зря время, — весело закончил Тима. — Давайте снаряжаться в поход.

Он деловито подошел к шкафу и извлек оттуда костюмы спортивного вида, изготовленные из мягкой, очень прочной серебристой ткани, непромокаемой и не поддающейся действию кислот, щелочей и других химических веществ. Тима отобрал четыре костюма, подходящих каждому по росту. Затем он достал шлемы — большие шары из какого-то прозрачного материала. В той части, которая приходилась надо лбом, был вмонтирован фонарь. Внизу, как раз против рта, находились два герметически закупоренных отверстия. Тима выдал каждому специальные перчатки, ботинки и тяжелые пояса, похожие на охотничьи патронташи. Затем велел всем снять свои часы и заменил их другими.

— Они водонепроницаемые, — объяснил он. — Ну, одевайтесь, я помогу вам и все объясню.

— Мы снаряжаемся, как на охоту, — заметила Катя, примеряя пояс.

Он был широковат для ее тоненькой талии, и Тиме пришлось просверлить в нем лишние дырочки.

— Теперь возьмите каждый по баллону, — хлопотал Тима. — Его нужно приладить за спиной, как рюкзак. Вот — смотрите внимательно. В каждом баллоне три отделения. В левом — жидкий кислород для дыхания. В среднем — питательный концентрат. В правом — очень вкусный напиток, если пить захотите. Из каждого отделения баллона протянуты длинные трубки. Видите? Их нужно пропустить сквозь специальные отверстия в воротнике. Две питательные трубки справа, одна кислородная — слева. На концах они герметически закупорены.

— А как их открывать? — спросила Катя.

— Сейчас покажу, сначала надень шлем, или скафандр, как хочешь назови. Ну, просовывай голову, Катя, Только сначала надень сеточку на волосы, а то они будут мешать. И вы, ребята, выньте сетки, они здесь, в кармане.

— Шлем стеклянный? — спросила Катя.

— Нет. Пластмассовый, очень прочный. Вот теперь смотрите все, как пользоваться трубками. Я на Катином шлеме покажу.

Видите закупоренные отверстия на шлеме, возле рта?

Ребята кивнули.

— Ну, так вот, — объяснял Тима, — прижмите к левому отверстию конец кислородной трубки. Обе крышечки, и в шлеме и в трубке, автоматически откроются и отойдут в разные стороны внутри шлема… Получилось? Теперь потяните трубку обратно посильней, она очень плотно закрепляется, случайно не выскочит. Так. Она вышла из отверстия в шлеме, и крышечки разом захлопнулись. Просто?

— Очень, — сказала Катя.

— Так же и с питательными трубками будете обращаться. Для них правое отверстие в шлеме. Понятно?

Ребята поупражнялись и решили, что все это очень ловко устроено. Крышечки так и щелкали.

— Ну, хватит, — сказал Тима. — Теперь нужно шлем соединить с воротником костюма. Это тоже просто. Края шлема плотно прилегают к воротнику, герметически. Воротник, как видите, свободный — он не мешает поворачивать голову, и шлем тоже свободный. Он не будет мешать. На воротнике справа кнопка включения фонаря. Зажги, попробуй, Катя!.. Так. Проверьте, ребята, все ли у вас в порядке. Да, постойте! Главное чуть не забыл. Снимайте шлемы! Нужно ведь сначала надеть

наушники.

— А мы будем слышать друг друга? — поинтересовалась Катя.

— Да, будем. Шлем-то вообще звуконепроницаем. Но голос твой будет звучать слишком тихо; поэтому говорить нужно в микрофончик, вмонтированный в шлем. А радиостанция находится в поясе. Когда шлем соединится с воротником костюма, автоматически замкнутся контакты радиостанции.

— Вот это здорово! — заметил Виктор.

— Еще бы! — согласился Тима. — Теперь осталось каждому из вас взять нож особой конструкции.

Он вручил каждому длинный блестящий клинок. Рукоятка заканчивалась петлей. Сквозь нее нужно было продеть кисть руки и затянуть петлю потуже, чтобы нож не соскочил незаметно. На рукоятке была кнопочка. Нажмешь ее — на конце клинка выскочит крючок.

— Зачем это? — спросила Катя.

— Понадобится! — сказал Тима.

Ван пытался фехтовать своей «шпагой», но озабоченный Тима остановил его. Сейчас ему было не до шуток. Он боялся забыть какую-либо мелочь, а в таком путешествии, где все должно быть строго рассчитано, забывчивость грозила бедой.

— Ну, что еще?.. — вспоминал он. — Да, кинокамера. — Тима протянул ее Виктору. — Вот радиомаяки в футлярах. Их два. Один запасный. Мы понесем их с Ваном.

— Ну, все? — спросил Ван, перекинув ремень через плечо.

— Нет еще. — Тима выдвинул ящик стола и достал оттуда аппарат, напоминающий внешним видом револьвер. На рукоятке было несколько разноцветных кнопок.

— Что это? — поинтересовался Ван.

— Лучемет. Он стреляет лучами, — торопливо говорил Тима. — Ну, теперь, кажется, все.

— Тима, ты не переменил часы, — сказала Катя.

— Верно. Вас учил, а сам позабыл. Спасибо, Катюша. Ну, я свои здесь, на столе, оставлю. Теперь уже все окончательно. Ребята, становитесь возле плиты.

Трое выстроились в ряд. Тима, как генерал, осмотрел свое маленькое «войско».

Вид у «войска» в прозрачных круглых шлемах, в серых одинаковых костюмах и широких поясах со множеством отделений был странный. Не то космонавты, не то водолазы.

— Слушайте, ребята, внимательно, — сказал Тима. — У каждого из вас с левой стороны, там, где нагрудный карман, есть кнопка. Если, стоя на черной плите, нажать ее, включится

аппаратура. Всем нам сразу не надо нажимать кнопку. Я это сделаю один. Просто я хочу, чтобы вы все знали, на всякий случай.

Трое кивнули.

Тима сказал, чтобы они перешли на плиту. И трое послушно перешагнули на нее.

Тима внимательно осмотрел аппаратную, все приборы, так учил его отец.

Трое на плите выжидающе следили за ним.

Наконец Тима повернул на пульте черную блестящую рукоятку. Над рукояткой, вспыхнула надпись: «Автомат».

— Ну что же, ребята, поехали? — Тима стал на черную плиту.

— Видите под ногами эту серебряную нить? Станьте на нее обязательно. Это серебряная движущаяся дорога — транспортер, она повезет нас в туннель.

Трое послушно стали на нить.

— Внимание! — Тима положил руку на кнопку. — Внимание! Включаю аппарат. Путешествие начинается!

* * *

Первые десять — пятнадцать минут молодые путешественники не замечали никаких перемен. Но если бы их поставили на весы, то каждый из них с удивлением обнаружил бы, что стал весить меньше обычного.

В тишине лаборатории слышался равномерный гул трансформатора; контрольные лампы то вспыхивали, то гасли, как бы сообщая о том, что внутри аппаратов происходит таинственная, сложная работа.

Сердце у Кати так громко стучало, что ей казалось, будто оно заглушает даже гул машин.

Между тем все предметы в комнате начали понемногу увеличиваться. Ван с недоумением смотрел на приближающийся пол, он даже потрогал колени — уж не подгибаются ли у него ноги? Нет, он стоял прямо. А пол все приближался и приближался… Казалось, будто погружаешься вниз. Потолок ушел так высоко, что нужно было сильно задрать голову, чтобы увидеть его.

Ребята смотрели друг на друга, думая заметить перемену и в себе. Нет, они оставались такими же, как были: Катя — миниатюрная; Виктор — плечистый, высокий; Ван — небольшой, худенький; Тима — тощий и долговязый, с тонкой мальчишеской шеей. Сквозь прозрачный шлем видны были сетки на волосах, и

это делало лица смешными.

Вот комната — та действительно изменилась. И трансформатор стал гудеть все ниже, все басистее. Потом стало казаться, что он удаляется, становится еле слышным и наконец совсем затих. Только чувствовалось, как содрогается черная плита под ногами. Сама плита стала просторной, словно площадь, а серебряная нить, раньше едва заметная, росла на глазах, раздвигалась; она уже превратилась в широкую ленту, на которой рядом могло свободно уместиться два человека; серебряная дорога — прямая, как стрела, — уходила куда-то через арку, появившуюся на том месте белого полудиска, где раньше едва заметна была крохотная дырочка. Сам же полудиск превратился в высокую светлую стену.

— Ну, Катя, как ты себя чувствуешь? — спросил Тима через микрофончик.

— Немного странно, но, в общем, ничего, — послышался в наушниках неуверенный голос Кати.

— А ты, Ван? А Виктор? — интересовался Тима.

Виктор, стараясь казаться спокойным, ответил:

— Превосходно, хотя и несколько необычно. А Ван пробормотал, что он вот-вот улетит, такая легкость во всем теле.

— Только пояс очень тяжелый, — сказал он.

— Это так и должно быть. Он увеличивает наш вес.

Черная плита, казавшаяся раньше безукоризненно гладкой, стала похожа на каменистую равнину, изрезанную глубокими бороздами.

— Это следы полировки, — пояснил Тима. — Только раньше мы их не замечали.

— А что это за глыбы на плите? Откуда они взялись? — спросила Катя. — Или это камни?

— Такой вид приняли пылинки. А вон видишь — блестит, будто лужица воды? Это тонкая пластинка слюды.

Сверху изредка падали какие-то шарики; они, словно снежинки, парили в воздухе, медленно-медленно опускаясь на плиту.

— Споры бактерий, — заметил Ван и, поймав один из таких шариков, попытался его разрезать.

Это ему удалось не сразу — такой плотной была кожица. Из разреза сочилась тягучая жидкость. Катя брезгливо отвернулась, а Ван с любопытством юного ученого рассматривал спору.

— А ты знаешь, что такое спора бактерий? — спросил Тима у Кати.

— Что-то забыла, — призналась Катя.

— Эх, ты! — укоризненно заметил Тима. — Форму споры принимают бактерии, чтобы сохраниться, выжить!

— Или при размножении, — добавил Ван.

— Ну, спора так спора, — сказала Катя. — Подумаешь, эка важность!

Ее внимание поглощал сам процесс превращения.

Если бы путешественники могли посмотреть на себя со стороны, они бы увидели на черной плите четыре крошечные серые букашки, а потом и те исчезли бы из поля зрения.

Но вот на приборах погасли все лампочки. Вместо них тотчас же вспыхнули четыре желтых глазка на стене, справа от плиты, под окном, которого они уже давно не видели. Четыре желтых глазка указывали, что на плите находятся четыре микролилипута. Они предостерегали каждого, кто вошел бы в этот миг в лабораторию, о том, что здесь люди, хотя плита и казалась пустой.

Когда путешественники покинут плиту, вместо желтых лампочек вспыхнут красные. И будут гореть до тех пор, пока микролилипуты не вернутся на плиту из недр почвы.

Тогда снова включится автомат, и приборы должны будут вернуть людям их обычный вид.

Между тем аппараты прекратили работу. Превращение совершилось.

— Ну, ребята, можно трогаться в путь! — объявил Тима.

— Уже? — робко произнесла Катя. — Мы уже микролилипуты? Как странно… Почему же мы нисколько не изменились?

— Да, — подтвердил Виктор, — это очень интересно. Мир вокруг нас изменился, а мы друг для друга — все те же.

— Нам придется пройти по этой серебряной дороге до того места, откуда начинается барьер, — не слушая товарищей, сказал Тима.

— Я уже давно обратил внимание на этот барьер по обеим сторонам серебряного транспортера, — сказал Ван. — Это что, поручни?

Тима молча кивнул головой. Он был озабочен — ведь нужно пустить в ход серебряную дорогу. Он знал, что на фотоэлемент, вмонтированный наверху арки, нужно направить дуло лучемета и нажать при этом на рукоятке одну из кнопок. Лучемет представлял собой генератор, дающий направленные волны-лучи различной длины, до самых жестких, мгновенно убивающих живые существа. И этот же лучемет, если нажать определенную кнопку, должен привести в движение серебряную дорогу — транспортер.

Тима вдруг забыл, какую нужно нажать кнопку: белую, желтую, красную, зеленую? Он стал мучительно припоминать. Лоб покрылся холодным потом. Вдруг ошибешься, что тогда

будет? Кажется, зеленую… А если красную? Что делать? Тима старался вызвать в памяти тот момент, когда отец пускал в ход транспортер.

Мучительно припоминая, он остановил свой рассеянный взгляд на Кате. Очень прозрачный шлем, под сеточкой виднеется зеленая лента. «Зеленая… зеленая… — машинально повторял Тима. — Ой, кажется, нужно нажать зеленую кнопку! — вдруг вспомнилось ему. — Да, да… еще папа сказал тогда — какой сочный зеленый цвет!»

Тима шумно, с облегчением вздохнул.

— Внимание! — сказал он. — Пускаю в ход дорогу. Держитесь за поручни.

С этими словами он направил дуло лучемета на фотоэлемент и со страхом нажал зеленую кнопку. Сердце его сильно колотилось. А вдруг… он все-таки ошибся?

Но лента дрогнула, потом плавно двинулась. Тима поднял руку, чтобы отереть пот со лба, но тут же опустил ее, вспомнив, что на нем шлем.

Дорога плыла, как плывет лодка по реке. Неровности черной плиты медленно проходили перед глазами, словно странные каменистые, мрачные берега.

Движение постепенно убыстрялось.

— Держитесь крепче за поручни! — громко крикнул Тима.

Барьер проходил вдоль всей дороги. Сам он был неподвижен, но по его верху двигалась вместе с дорогой темная лента, похожая на резиновую.

— Как на эскалаторе в метро, — сказал Виктор.

Ветер с силой бил в шлем, защищающий лицо. Путешественники вцепились в поручни.

— Ой, как весело! — послышался голос Кати. — Люблю быструю езду. А нас не унесет ветром?

— Не унесет, — отозвался Тима. — Держитесь крепче, только и всего.

— А ты можешь остановить дорогу? — спрашивала Катя.

— Могу. Вот смотри.

Тима направил дуло лучемета на фотоэлемент и снова нажал ту же зеленую кнопку. Лента транспортера замедлила бег и скоро остановилась.

— Ну, что там у вас? — послышался обеспокоенный голос Вана.

— Ничего, Ван, — ответил Тима, — просто Катя захотела остановиться. Вот и все… Ну, держитесь, ребята, сейчас поедем к почве.

Тима нажал кнопку, и действительно, лента поползла назад.

Он снова ее остановил. И только после третьего раза дорога поползла вниз.

Вскоре путешественники промчались под аркой и въехали в туннель. Позади остался неясно светлевший вход, а еще через некоторое время и он скрылся из глаз — путешественников окутал непроницаемый мрак.

— Зажгите фонари! — скомандовал Тима.

И вот четыре пучка света прорезали густую темноту.

Тима направил луч своего фонаря на потолок — там через равные промежутки были вделаны такие же фотоэлементы, как и над аркой. В любой момент можно было остановить ленту, ехать назад, снова вперед… Тима погасил фонарь. Теперь ни стен, ни потолка не стало видно. Только гул движущейся дороги да ветер, бивший в шлем, говорили о том, что путники не стоят на месте, а мчатся вперед. Тима снова зажег свой фонарь.

— Где мы находимся? — тревожно спросила Катя.

— В стальной трубе, — ответил Тима. — Она проложена до самой почвы.

— А как мы узнаем, где она кончается, эта труба? — снова послышался Катин голос.

— А для чего у нас фонари? — вопросом на вопрос ответил Тима. — Я издали увижу, что стена трубы кончается, — там есть, между прочим, дорожный знак, как на шоссе. Он обязательно попадет в луч моего фонаря и засветится, а мне только вовремя нужно остановить ленту. Вот и все!

Тима, как заправский шкипер, напряженно всматривался вперед. Он не знал — да и никто из его спутников тоже не замечал, — сколько прошло времени с тех пор, как они стали на серебряную дорогу и понеслись на ней в подземное царство. Тима весь напрягся, стараясь не пропустить сигнал. Когда он стоял на этой ленте вместе с отцом, то ни о чем не заботился. Он знал — отец все сделает вовремя и хорошо. Теперь другое дело. Он сам стал проводником. На нем лежала большая ответственность перед товарищами. Разумеется, он очень волновался. В конце концов, он был здесь всего второй раз, а сколько может случиться непредвиденного? Как тогда быть?

«Вот когда случится, тогда и будем думать, — отмахивался Тима от этих мыслей. — А пока, старина, следи-ка за сигналом!»

Вдалеке вспыхнул зеленый огонек. Сигнал! Обычный дорожный знак. Тима нажал кнопку лучемета. Лента замедлила ход. Она остановилась раньше, чем достигла края трубы, откуда поворачивала вниз, а затем уходила под трубу.

— Эх, не довез вас малость! — сокрушался Тима. — Ну ничего, пройдетесь немного пешочком.

Путешественники сошли на дорогу, построенную из невиданных кристаллов, похожих на ветви елок. Они переплетались между собой, образуя прочную стальную конструкцию.

Казалось, прикоснись к этим стальным веточкам, и они зазвенят, как натянутые струны.

Ветвистая дорожка была короткой. Четыре серенькие фигурки остановились на краю ее. Лучи фонарей вырывали из тьмы беспорядочное нагромождение огромных темных, бесформенных глыб. Это была почва.

В царстве хаоса

Почва. Ну что в ней особенного? Каждый видел ее. Не видеть ее невозможно. Для этого нужно было бы всю жизнь провести в комнате, или на голой скале, или на каком-либо судне среди моря.

Но только специалисты — ученые, посвятившие многие годы исследованию почвы, ее особенностей, — по-настоящему знают, что такое почва. Взяв горсть земли, они могут выяснить ее химический и минералогический состав. А судя по тому, насколько густо населена она бактериями и другими микроскопическими организмами, определяют ее качество: в одном грамме хорошей почвы «население» состоит из нескольких десятков миллионов живых микроорганизмов.

И вот на пороге этого удивительного мира почвы остановились четыре путешественника.

Тревожно забились их сердца при виде открывшейся картины.

Прямо перед ними зияло глубокое ущелье, по дну которого то там, то здесь передвигались неясные тени. Что это такое — игра света, или там бродят какие-то живые существа, огромные, страшные, ни на что не похожие? Если это только тени, то почему они поблескивают голубоватыми огоньками? Может быть, так отражается свет фонарей от влаги в почве? А может, это сверкают глаза неведомых чудовищ, поджидающих там, внизу, свои жертвы?!

Левее, до самого потолка, вздымалось нагромождение гигантских прозрачных глыб. Когда на них падал прямой луч от фонаря, они начинали светиться изнутри так сильно, словно там полыхали зарницы.

— Что это? — тихо прошептала Катя.

— Это почва, Катюша, — ответил Тима. — Вот какая она, оказывается, если проникнуть в нее так, как мы сейчас это сделали. Нам придется, ребята, идти по краю обрыва. Другого

пути к корню нет. А может, вернемся? Тебе не страшно, Катя?

— Страшновато… Они нас не тронут? — боязливо показала она на дно ущелья, где плавно передвигались чудовища.

— Думаю, что нет… — задумчиво сказал Тима. — Тогда нас с отцом никто не тронул. — И прибавил уверенно: — К тому же моим лучеметом можно мгновенно расправиться со всеми этими чудовищами. Сдохнут и не пикнут! Ну, так как?

— Поздно теперь рассуждать! — засмеялся Виктор. Он уже налаживал камеру. — Постойте минутку, товарищи, я вас сниму, а потом пойдем дальше, если Катя не возражает.

— Нет, не возражаю. И вообще с вами, ребята, мне спокойно. А вот очутись я здесь одна, так бы и бросилась обратно!

— Послушай, Тима, а как мы найдем дорогу назад, к туннелю? Здесь ведь, наверное, и заблудиться недолго? — спросил Ван.

— Я сейчас как раз тем и занят, чтобы наладить указатель.

Тима возился со своим футляром. Он открыл его и установил у самого края туннеля; повернул какой-то рычажок сбоку — послышался характерный щелчок переключателя, и тотчас же раздались музыкальные перезвоны. Они повторялись через определенные промежутки времени.

— Радиомаяк, — пояснил Тима. — Это его позывные. На случай, если кто-либо из нас отстанет, заблудится, идите на эти сигналы. Ну, а сейчас вперед! Я, как проводник, пойду первым. За мной — Ван, за Ваном — Катя, а ты, Виктор, будешь замыкать шествие. Идет?

— Идет! — ответили все хором и медленно, глядя под ноги, тронулись в путь.

Шли молча. Только мелодичный перезвон радиомаяка нарушал безмолвие таинственного подземного мира.

Дорога была трудная. То приходилось обходить крупные камни, то целые холмы влажной глины, то бревна — это были остатки каких-то растений. Путники шли по краю обрыва. Иногда приходилось проползать под нависшими скалами. Свет фонарей то плясал и прыгал по темным стенам, то вдруг отражался от гладкой поверхности воды. Чем дальше они шли, тем чаще им попадались какие-то большие продолговатые серые валики. Они встречались поодиночке и группами, в виде цепи.

Это были железобактерии, живущие за счет энергии, освобождающейся при окислении железа. Продуктом их деятельности являются нерастворимые в воде окислы железа. Болотные железные руды образовались при их участии.

Путешественники довольно долго пробирались по извилистым тропинкам вдоль обрыва, пока наконец не добрались

до небольшой площадки. Тут они уселись на уступе скалы и стали обсуждать план дальнейших действий.

— Где же наконец этот корень? — сказала Катя. — Идем, идем, а его все нет.

— Не так просто, голубушка, — ответил Тима. — Мы с отцом долго до него добирались.

— А ты дорогу помнишь? — поинтересовался Виктор.

— Дорогу нам покажет компас, — заявил Тима.

— Компас? — воскликнули хором Катя и Виктор. — Какой же здесь может быть компас?

Ван молчал. Он давно уже и сам думал о «компасе».

— А вот может! — забавлялся Тима удивлением товарищей.

Порывшись в многочисленных кармашках своего пояса, он извлек оттуда какой-то плоский флакончик.

— Ну, чем не компас?

Тима держал флакон двумя пальцами и поворачивал в разные стороны, как фокусник, который просит зрителей убедиться, что в руках у него ничего, кроме этого флакончика, нет, но сейчас вместо флакончика на глазах удивленных зрителей появится стол с закуской.

— Не дури голову! — попросила Катя. — Лучше объясни, что это такое.

Тима повернул к ней флакончик той стороной, где была наклеена этикетка, и, отчеканивая каждый слог, произнес:

— У-ни-вер-саль-ный ин-ди-ка-тор!

— Универсальный индикатор! — живо подхватил Ван. — Да, да… Это, конечно, отличный компас.

— Ничего не понимаю… — недоумевала Катя.

Виктор, не желая обнаруживать свое незнание, молча ожидал объяснений.

— Ну как ты не понимаешь! — воскликнул Тима. — Это же очень просто. Объяснить им, в чем дело? — обратился он к Вану и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ладно, ладно, слушайте. — Он поднял флакончик. — С помощью вот этого волшебного флакончика, точнее — жидкости, заключенной в нем, — тоном школьного учителя начал Тима свои объяснения, — мы можем определить кислотность почвы. Чем ближе к корню, тем выше становится ее кислотность. Вот и все. Ну, чем же не компас? — закончил он весело. — Только нужно принести немного почвенной воды.

— Я принесу, — вызвался Ван. — Подождите меня минутку. Где-нибудь тут должна быть вода.

С этими словами он исчез за выступом скалы. Шел он медленно, освещая дорогу фонарем, вдруг заметил впереди

какое-то углубление. Ван осторожно подошел к нему, остановился на краю, направил в глубину фонарь и… оцепенел от неожиданности.

Дно ямы так и кишело какими-то странными существами, напоминающими осьминогов. Поборов первое ощущение ужаса, Ван стал рассматривать чудовища. Продолговатое туловище. Многочисленные щупальца. Толстые и, наверное, скользкие. «Вот бы я угодил к ним в эту яму! — содрогнувшись, подумал Ван. — Что это такое? Бактерии? Конечно, бактерии… Надо позвать остальных, пусть полюбуются!» Ван крикнул в микрофон:

— Ребята, идите сюда, ко мне! Что я вам покажу! Только осторожнее… осторожнее…

Скоро он увидел три колеблющихся луча — это шли его товарищи.

— Сюда, сюда! Только, пожалуйста, осторожнее.

— Да что там у тебя? — спрашивал Тима.

— Чудовища! Как осьминоги! — объявил Ван.

— Где же они? — полюбопытствовала Катя.

Ребята уже подошли к котловине. Вытянув шею, они заглянули в нее и отшатнулись.

— О-о! — простонала Катя.

Больше она ничего не могла произнести. Ужас сжал ей горло.

Если бы не шлем, можно было бы увидеть, как побледнел Виктор.

— Да… — произнес Виктор. — Вот они какие, эти бактерии!.. Нужно осторожнее ходить, товарищи, — забеспокоился он. — А то попадешь еще на обед этим тварям.

Виктор вынул кинокамеру. Теперь он был уверен, что его пленку возьмут куда угодно, даже в студию научно-популярных фильмов. Богатейший материал. Такого нигде нет!

— Кстати, как называются эти бактерии?.. — деловито осведомился он. — Запиши, Ван. Это понадобится нам для фильма. Ты будешь писать к нему объяснительный текст, ладно?

Он начал снимать котловину, где шевелились отвратительные щупальца, извиваясь, хватая, ударяя друг друга.

— Это серобактерии. Да, Ван? — сказал Тима. (Ван, увлеченный наблюдениями, молча кивнул головой.) — Они опасны для нас сейчас не своим ядом, а силой… — продолжал Тима. — Они могли бы нас задушить, несмотря на все наше снаряжение, если бы мы попали туда. — И сердце Тимы сжалось от страха.

«Нужно быть осторожным, ох, как осторожным!.. — повторял он про себя. — Как-то я не замечал опасности, когда шел с отцом, а теперь вижу — тут не все просто…»

А вслух только сказал:

— Долго мы будем любоваться на этих красавцев? Посмотрели — и хватит!.. Где вода, Ван?

— Да я ее не нашел, — ответил Ван, не отрывая глаз от котловины. Эти отвратительные существа словно гипнотизировали его.

— Ну, так пойдем искать вместе, — сказал Тима.

Вода оказалась неподалеку. Тима зачерпнул ее кружкой, которая была предусмотрительно вложена в одно из отделений пояса, и капнул в нее индикатор. Вода окрасилась в розовый цвет.

— Теперь пойдем дальше и опять возьмем пробу. Если вода окрасится еще сильнее, значит, кислотность повышается и мы идем правильно. А если окраска станет слабее, будем искать другого пути. Но, мне кажется, мы взяли верное направление.

Пробы показывали, что Тима был прав. Розовый цвет становился все гуще и гуще. Близость корня придавала ребятам уверенность. Со стороны туннеля явственно доносились мелодичные перезвоны — они также действовали успокаивающе. Этот радиомаяк связывал их с внешним миром, где радостно сияло солнце, зеленела трава и пышные кроны деревьев отбрасывали благодатную тень.

Здесь же, внутри почвы, царила густая мгла, было сыро, холодно, неуютно; каждый шаг грозил опасностью.

Это понял и Тима, и его товарищи, но по молчаливому уговору они не высказывали свои мысли вслух.

— Скажите, Тима, Ван, — поинтересовалась Катя, — почему теперь, чем дальше мы от туннеля, тем чаще встречаются нам разные живые существа? А ведь раньше их почти не было видно.

— Я тот же вопрос задал отцу, — отозвался Тима. — И он мне все объяснил. Понимаешь, в чем дело: виновата в этом серебряная дорога. Серебро для многих микроорганизмов сильнейший яд. Да, да… Серебро бактерицидно.

— В воде оно не растворяется, — прибавил Ван.

Сейчас в мире почвы, куда попали наши путешественники, познания Вана приобрели особую важность. Они помогали практически.

— Да, — продолжал Ван, — серебро в воде не растворяется, но даже ничтожное количество атомов серебра губительно для многих микроорганизмов…

— … о чем мы с вами, конечно, жалеть не будем! — весело подхватил Тима.

— Тогда нужно было сделать наши костюмы из серебра! — воскликнула Катя.

— Ты так полагаешь? — заметил Ван. — Что же тогда узнали бы ученые? Они пришли бы в почву в своих серебряных костюмах, убили бы все микроорганизмы. Что же тогда изучать? А ведь главное — наблюдать их в природной среде.

— Д-да… Пожалуй, ты прав. Я об этом не подумала.

Между тем путешественники подошли к каким-то густым зарослям. Пробраться сквозь них оказалось невозможным. Сплетение огромных стволов и белых исполинских полупрозрачных лиан не пускало их.

— Что за лес? — спросил Виктор.

— Я думаю, — соображал Ван, — это мицелий грибов. Да, да, конечно. Плесень. Вот смотрите…

Ван с силой ударил ножом по стволу и перерубил его. Из разреза потекла вязкая бесцветная жидкость; в ней плавали блестящие круглые кусочки.

— Ядра грибной клетки, — констатировал Ван. — Любопытно… В каждой клетке много ядер. Поэтому иногда говорят, что грибы неклеточного строения.

Путешественникам пришлось идти в обход. Им еще и еще раз преграждали путь заросли, но не такие густые; через них уже можно было, хоть и с трудом, пробиться, орудуя ножами, как топором.

Миновали заросли. Пошли дальше.

Лучи света фонарей натыкались на бесформенные глыбы, то буро-черные, то полупрозрачные, а порой и розоватые. Вот луч света наткнулся на песчинки, и они засияли тусклым, таинственным светом, идущим будто изнутри песчинки; они то меркли, то вспыхивали всеми цветами радуги. Тогда казалось, что вот-вот из тьмы подземелья появится сказочная царевна, заточенная злым чудовищем, и скажет своим «сказочным» голосом: «Идите за мной, о люди! Я выведу вас из этого мрака! Вы освободили меня от чар, и я отплачу вам за это добром!»

Но лучи света скользили уже по черной пористой массе, световая игра померкла, а с ней исчезли и таинственные видения. Темень охватывала путников плотно, она подступала близко; лучи света упирались в стену, и тогда путешественники осторожно искали путь в обход. Иной раз они нет-нет да посматривали вверх, не появится ли над головой ободряющее мерцание звезд. Но там, нависая тяжелыми массами, видны были только темные глыбы; они грозили обрушиться на головы маленьких странников, завалить проход, и Тима торопился поскорее увести друзей из узких щелей в более безопасное место.

Все чаще встречались обитатели подземелья. Ван уверял, что они безвредны, но все четверо невольно вздрагивали, когда в полосе света вдруг появлялись какие-то движущиеся тени; или это казалось? Мурашки пробегали по спине, а рука невольно хваталась за рукоятку ножа.

Мелодичный перезвон радиомаяка становился таинственным… Казалось, будто кто-то невидимый прячется за черными скалами и позванивает в серебряные колокольчики.

Вдруг луч фонаря осветил вход в пещеру, и на пороге ее все увидели какой-то прозрачный движущийся холмик. Ребята остановились.

— Амеба! — прошептал Ван. — Хищник…

Бесформенный холмик вытягивал свое прозрачное тело то в одну, то в другую сторону, переливался с места на место, как бы пытаясь уйти от приближающихся путников.

— Удирает от света, — предположил Ван, с интересом наблюдая за тем, как амеба смешно и странно двигалась.

— Безмозглая, а понимает, что надо от нас убегать, — заметил Виктор, тоже наблюдая амебу. — Каким образом она это понимает?

— Да она ничего не понимает, — сказал Тима. — Действует, и все тут. Так же, как в нашей крови блуждающие клетки набрасываются на микробов и защищают наш организм от них. Ты думаешь, они понимают, что делают? Все это очень интересно. Мы с Ваном читали, как Мечников открыл своих фагоцитов. Однажды он ввел внутрь личинки морской звезды крупинки кармина. Личинка прозрачная, все видно, что внутри делается. И вот представь, Катя! Мечников видит, что блуждающие клетки — он их еще раньше обнаружил внутри морской звезды — набросились на кармин и сожрали его. Мечников назвал блуждающие клетки фагоцитами. И вот эти блуждающие клетки защищали морскую звезду от посторонних тел. Ты понимаешь? Они и нас защищают. Тебе случалось занозить руку, Катя?

— Конечно. Был нарыв на пальце.

— Ну вот, это тоже фагоциты, блуждающие клетки. Вокруг занозы образуется гной, а он и состоит главным образом из блуждающих белых кровяных телец. Фагоциты защищают наш организм от микробов. Они их убивают.

— И отлично делают… и отлично делают! — приговаривал Виктор. Он одновременно слушал Тиму и снимал удирающую от света амебу.

Дорога привела путешественников к озеру. Вода в нем была неспокойной. Подойдя к самому краю, путники увидели, что озеро волнуется от множества живых существ, плескавшихся в нем, словно большие рыбы. Вот из воды высунулась чья-то усатая, как у моржа, морда. Морда пошевелила своими усами-жгутами и скрылась. Рядом всплеснулась и подпрыгнула над водой какая-то ни на что не похожая «рыба».

— Булавовидный вибрион, — узнавал Ван. — А это, мне кажется, спирилла. Да, Тима?

Тима подтвердил. Спирилла плыла, извиваясь всем телом, расталкивая прочую мелюзгу, наполняющую озеро.

— Смотри, Тима, чем не многоножка! — воскликнул Ван.

«Ноги» этого существа передвигались быстро-быстро.

И Ван, пытавшийся было их пересчитать, безнадежно махнул рукой.

— Нет, ты подумай, Тима, сколько раз я их видел под микроскопом, но тут совсем другое дело! — волновался Ван.

— Что ты так радуешься? — удивилась Катя. — Точно старых друзей повстречал.

— Старых знакомых, Катя, — рассеянно ответил Ван,

поглощенный наблюдениями.

— Имейте в виду, ребята, — объявил Тима, — все эти существа населяют наш канал. Их там видимо-невидимо, этих микробов. В каждой капле воды.

— Никогда в жизни ни за что не выпью и глотка воды из канала, — сказала Катя содрогнувшись.

— Ага! А небось раньше смеялась, когда родители говорили: «Не пей сырой воды!»

— Смеялась. Хотя и видела на уроках под микроскопом каплю воды вот с этими самыми микробами. Правда, сразу же после урока я давала себе слово не пить, а потом забывала. Да и как убережешься? Когда купаешься в реке, сколько воды наглотаешься!

Ребята долго стояли на берегу озера и следили за тем, что там происходит. Вот из многочисленных расщелин в скалах, из-под коричнево-черных глыб земли стали выползать какие-то длинные, похожие на змей, твари, вроде как бы с султанами на голове, вернее — на переднем конце длинного тела. Быстро извиваясь, они ползли по влажной земле и исчезали в озере. Путники в страхе отступали назад, боясь попасться им на дороге.

— Судя по извилистой форме, это спирохеты… — сказал задумчиво Ван. — А ты как думаешь, Тима?

— Наверное. Смотри-ка, что тут происходит!

Спирохеты устремились к остаткам гниющих растений, возле которых скопились гнилостные бактерии, санитары земли, разрушающие все мертвое. И когда спирохеты исчезли вдали, то оставили хорошо заметный след: множество убитых бактерий.

— Вот она, битва жизни! Ну и чехарда! Только и делают, что убивают друг друга, — заметил Виктор, вооружаясь киноаппаратом.

— Да, конечно, убивают друг друга, — сказал Ван. — Выделения спирохет убивают «санитаров земли», а самих спирохет уничтожают булавовидные бактерии — бактериофаги, и так далее. Зато и бактерии размножаются с огромной быстротой. За несколько суток одна бактерия может дать такое многочисленное потомство, что оно заполнило бы все водоемы земного шара. Но этого не случается: быстро размножаясь, бактерии и гибнут в огромном количестве… Между прочим, — продолжал Ван, — надо отметить, что бактерии и сами себя уничтожают. Да, да… Почему скисает молоко? Потому, что молочнокислые бактерии выделяют молочную кислоту. Так? Но если ее скопится много, то они сами от нее погибнут. Вот почему еще бактерии не могут заполнить даже небольшой водоем — как бы быстро они ни делились, начнут погибать от своих же

выделений. Между прочим, эти яды нестойкие, легко окисляются, разрушаются и тогда превращаются в полезные для бактерий вещества. И опять все начинается сначала: бактерии живут, размножаются, подавляющее большинство гибнет от врагов и собственных ядовитых выделений. Уцелевшие снова размножаются…

— … и гибнут, и «сказке про белого бычка» нет конца! — развеселилась Катя.

— Сказка сказкой, — в тон ей продолжал Ван, — а мы живем только благодаря этой «сказке», потому что без нее почва не даст урожая.

— А не хватит ли торчать тут?.. — сказал Тима. — Ну-ка, Ван, возьми пробу! Приближаемся мы к корню или нет?

Ван зачерпнул немного воды в кружку.

На этот раз от капли индикатора вода стала ярко-красной. Еще ни разу не получалось пробы такого цвета.

— Ого! — сказал Тима, заглядывая в кружку. — Здорово! Ребята, корень уже близко, совсем близко! Ур-ра!.. — Ну, теперь не мешало бы и отдохнуть немного, а? — предложил Тима. — И подкрепиться! Выберем удобное местечко, подальше от этого озера. Ладно? Я лично зверски проголодался.

— Обедать, завтракать, ужинать, не знаю что! — подхватила Катя. — Я тоже голодна как собака!

— А я — как стая волков! — подхватил Виктор.

Катя уселась поудобнее. Виктор и Ван устроились рядом с ней.

Тима только хотел сесть, как выяснилось, что его товарищи не знают, в какой трубке концентрат, а где — питье.

— Эх, все объяснения мои перезабыли! — сокрушался Тима. — Вот эта трубка вас накормит, а другая напоит… Не торопитесь… Тяните медленнее. Вот так… — Тима потянул из своей трубки.

— Вкусно, — сказала Катя причмокивая.

— Угу, — невнятно произнес Виктор. Трубка во рту мешала говорить. — Только мало!

— Ничуть не мало. — Тима уселся рядом и с наслаждением медленно потягивал концентрат. — Это тебе так кажется — штука эта очень сытная, вот увидишь. В баллоне запас на три дня.

— И как это вы можете болтать? — удивлялась Катя. — Ели бы да помалкивали. Я так не могу разговаривать…

— А сама болтаешь! — засмеялся Тима.

— Это вы меня заразили, — оправдывалась Катя. Все замолчали, сосредоточенно потягивая из своих трубок. Они сидели, скрестив под собой ноги. Катя первая оторвалась от

трубки.

— Вкусно и сытно! — сказала она. — Теперь что же, попить надо?

— Попей, — невнятно пробормотал Тима.

Катя потянула из другой трубки совсем немного — больше не хотелось — и придвинулась к Виктору. Она попросила его повернуться к ней спиной, чтобы удобнее было облокачиваться.

— Ну что, Виктор, много съел? — выдергивая кончик трубки из отверстия в шлеме, спросил Тима.

— Да нет, понимаешь, не очень, — с некоторым удивлением ответил тот. — Сытно!

— Я тебе говорю: на три дня мы вот так обеспечены. — Тима провел ладонью руки над шлемом-шаром. — Ну что же, ребята, отдохнем, да и в путь?

— В путь, в путь! — закричали все хором.

Хрустальная пещера

Впереди показалось ущелье с отвесными стенами. Путники гуськом двигались по дну его, время от времени беря пробы. Индикатор говорил о том, что корень совсем близко, просто рукой подать.

Вдруг Тима, шедший впереди, остановился.

— Что такое? — послышались голоса.

— Смотрите! — Тима показал на потолок. При пляшущем свете фонарей все увидели там огромное круглое отверстие.

— Ну и что же? — удивился Виктор. — Ну, дыра! И пусть себе. Она же нам не мешает идти дальше.

— Разумеется, не мешает… — задумчиво протянул Ван. — Но кто мог проделать в земле такое вертикальное отверстие, вот в чем дело? Думаю, что это земляной червь… Да, Тима?

— В том-то и дело!

— А спешит наверх он потому, что почуял дождь, — продолжал Ван. — И это плохо для нас.

— Очень плохо, — подтвердил Тима. — Почва пропитается водой, все поры заполнятся ею… К тому же бактерии… Они в воде… Не-при-ятно! Вот что: пока есть время, поищем-ка местечко, где можно в безопасности переждать дождь.

Это было самое разумное решение. Мощные потоки воды все зальют. Они смешают почвенные воды, кислотность окажется равномерно распределенной — корень все равно не найти: индикатор не сможет им помочь.

— Эх, осел я, осел! — сокрушался Тима. — Что бы мне прогнозом погоды поинтересоваться! Но мы собрались так

внезапно… Потом, дожди у нас редкость. Вот ураганы — это другое дело.

— Ничего! — успокаивал его Ван. — Надо только найти укрытие. Разойдемся в разные стороны и поищем. Кто первый обнаружит хорошее местечко, пусть даст сигнал. Идет?

— Идет! — согласились все.

Чтобы не потеряться, они все время перекликались.

— Ау, ребята! — кричала Катя.

— Ау, — слышалось в ответ.

— Ну что?

— Да пока ничего.

— И у меня тоже!

Сколько прошло времени, они не знали. Им казалось, что много. Они осторожно двигались, освещая путь фонарем, но

долго ни один из них не мог найти надежного укрытия.

И — наконец-то! — послышался в наушниках обрадованный голос Вана.

— Сюда, ко мне! — звал он. — Ко мне, скорей! Путники поспешно двинулись на голос Вана. Они почти одновременно подошли к скале, на уступе которой их поджидал Ван.

— Сюда! Скорей, скорей! — торопил он.

Не успели они подняться к нему, как сверху хлынула вода. Еще немного, и она захватила бы их в своем стремительном движении, но они вовремя добрались до Вана. И тот, схватив Катю за руку, сначала ее втащил на уступ, а за ней — Тиму с Виктором. Все четверо молча поспешно поднимались все выше и выше. Внизу плескалась быстро прибывающая вода.

Наконец путники дошли до новой площадки. Там виднелся вход в пещеру, образовавшуюся в кварцевом камешке. Нашим микролилипутам она показалась очень большой, и они забились в дальний ее угол.

— Ну, здесь мы, кажется, в полной безопасности, — отдышавшись, сказал Тима. — А пещера-то хоть куда! — прибавил он, оглядываясь кругом.

Выдолбленная в кусочке прозрачного кварца, пещера в лучах фонарей сверкала и переливалась разноцветными огоньками. В ней было светло, сухо и даже уютно. После напряжения последних минут всем стало весело.

— Настоящий дворец! Волшебный, хрустальный! — воскликнула Катя. — И ведь может же быть такое под землей! Наверное, и в Кунгурской пещере, на Урале, нет такой красоты!

— Красота красотой, — озабоченно сказал Тима, — а вот который сейчас час?

— Одиннадцать часов вечера, — объявил Виктор. — Ого, шли целый день! Надо признаться, я немного устал. А ты, Катя, наверное, просто с ног валишься?

— Устала и хочу спать, — сказала она, свертываясь калачиком и стараясь поудобнее положить голову. — Ой, как мешает шлем! — бормотала она.

Но через минуту заснула крепко-крепко, как дома, в собственной удобной кровати.

— Даже ничего не поела, — сказал Виктор.

— Здорово устала! — отозвался Тима.

— А какая терпеливая! Ни разу не пожаловалась! — одобрительно заметил Ван.

От усталости никому не хотелось есть. Лениво потянув через трубки немного напитка, мальчики посовещались между собой и решили установить дежурство. Бросили жребий — первое

дежурство выпало на долю Вана. Он должен был бодрствовать два часа, затем разбудить Виктора, который встанет на вахту на другие два часа, после него — очередь Тимы. Катю дружно решили освободить от вахты. Пусть как следует поспит.

Тима и Виктор улеглись на полу пещеры, и через секунду они уже спали.

Ван, вооружившись лучеметом, сел у входа в пещеру. Но скоро сон стал одолевать его; он вскочил и начал ходить взад и вперед. Свет от фонаря плясал по пещере, и Ван залюбовался игрой искрящихся стен. Потом он остановился у входа. Внизу шумела вода. Ван невольно вздрогнул. Он подумал, каково бы им было, если бы не эта спасительная пещера.

Потом он представил себе, что делается там, наверху, на земле. Дождь стучит по крыше… танцует в лужах… Дома, наверное, беспокоятся о них: как, мол, они там, в горах, под дождем. Ох, если бы там знали правду! Не миновать крупных неприятностей по возвращении. Ведь придется все рассказать. Да, достанется им, тут можно не сомневаться. «Но… что поделаешь? — решил он. — Это ведь ради науки. Да, ради науки!» Ван не мог пропустить случай, который позволил ему собственными глазами наблюдать микроорганизмы в их природной среде. Стоит ли думать, что будет через три… нет, уже через два дня?

А там, наверху, завтра утром снова засияет солнышко, Дожди здесь идут буйные, но недолгие. Деревья, травы хорошенько умоются и засияют ослепительной, чистой зеленью! Хорошо! Вода в канале, побуревшая от дождя, снова будет густо-голубой, как небо. Вечером засветятся над водой сигнальные огни — желтые, зеленые, красные. Красных почему-то больше всего. Странно, почему он их видит… сейчас? «Что это — галлюцинация или я сплю?»

Ван широко раскрыл глаза. Хотел было ущипнуть себя, но через плотный рукав не удалось. Тогда, чтобы убедиться в том, что он не спит, Ван сделал несколько шагов.

Нет, он ясно видит. У входа в пещеру, прямо на пороге, лежит что-то красное. Оно мерцает в луче фонаря.

«Да ведь это же красные палочки! — осенило Вана. — Ну конечно! Как я сразу не догадался? Однако как они сюда попали? Сами они передвигаться не могут — у них нет жгутиков. А то, что их здесь раньше не было, можно утверждать определенно. Ни одной! Мы же не могли их не заметить, да еще у самого входа».

Ван выглянул из пещеры. Луч его фонаря заплясал на воде, стоящей высоко, почти в уровень со входом. Вода тихо-тихо плескалась.

«Нет, все-таки я болван! — сокрушенно вздохнул Ван. — Чего уж проще! Их принесла вода и выплеснула нам в подарок».

Ван тихо рассмеялся. Еще раз выглянул из пещеры.

«Вода как будто больше не прибывает. Может, дождь перестал? Хорошо бы. А то еще немного — и нас тут зальет. Что тогда делать?»

Эта мысль привела Вана в замешательство. Он стал осматриваться, ища в пещере какой-либо уступ повыше, куда можно бы забраться в случае чего. Ерунда какая! Куда же здесь заберешься? Снова выглянул из пещеры. Нет, уровень воды не повысился.

«Ну, может, и обойдется!» — решил Ван и стал внимательно разглядывать красные палочки, перебирая в своем уме все, что он читал об этих бактериях, самих по себе совсем безвредных, но послуживших причиной многих несчастий, рожденных невежеством и суеверием.

«Подумать только, что всему причиной красный цвет этих палочек», — размышлял он.

Бактерии эти, имеющие форму палочек, хорошо размножаются на крахмале, на пресном хлебе, на белках. Попав на них случайно, они быстро разрастаются, и тогда кажется, будто выступают пятна крови. В этом все дело.

Тысячелетиями люди думали, что это именно кровь. И появление таких красных пятен считалось дурным предзнаменованием, карой, посылаемой богами.

В древнем Египте жрецы запрещали употреблять в пищу белые бобы, потому что не раз замечали на них красные пятна. Объясняется это просто — белые бобы богаты белками. Но ведь никто этого не понимал.

А какую панику посеяли эти безобидные красные палочки в войске знаменитого полководца древности Александра Македонского! Они завелись в пресном хлебе, который раздавали воинам. Закаленные в боях, бесстрашные воины бледнели от ужаса, глядя на хлеб, покрытый красными пятнами.

Шли века. Язычество сменилось христианством, а красные палочки по-прежнему считались дурным предзнаменованием.

Христианские священники не раз пользовались этими красными палочками в своих целях.

Так было, например, во времена средневековья. В некоторых церквах городов Нюрнберга и Франкфурта на белых накрахмаленных одеждах священнослужителей были замечены красные пятна.

Священники объявили во всеуслышание об этом «божьем знамении». «Бог требует очистительных жертв!» — зловеще

провозгласили они и предали казни десять тысяч ни в чем не повинных людей.

Несколько десятков лет спустя такие же «кровавые пятна» появились на одеждах священников в церкви города Вильенака. Это событие запечатлено в истории под названием «Вильенакского чуда».

Но настал день, когда наконец были сдернуты зловещие покровы со всех этих «чудес», «божьих предзнаменований», стоивших жизни стольким невинным!

Было это в Италии. Как-то раз у одного крестьянина, по имени Питарелло, на хлебе появилась кровь. Легко представить себе ужас, обуявший беднягу Питарелло и его односельчан. Какие еще беды готовы свалиться на их и без того несчастные головы? Чем они провинились перед господом богом?

Слух о кровавом хлебе Питарелло дошел до итальянского доктора Сетте. Это был человек ученый, ни в какие «божьи знамения» не веривший. Он был убежден, что тут просто одно из тех явлений природы, которое еще не понято человеком.

Он заинтересовался хлебом Питарелло и решил его исследовать.

Доктор Сетте положил крошку хлеба с пятнами на предметное стеклышко микроскопа и увидел множество палочек — бактерий красного цвета.

Так люди узнали, что зловещие «кровавые пятна» не что иное, как колонии особых микробов.

Все это вспомнилось Вану, когда он рассматривал лежащие у входа в пещеру красные палочки, принесенные сюда водой.

— Да, все хорошо, но как обстоит дело с дождем? — встряхнулся Ван и выглянул из пещеры.

Вода спала. Дождь, значит, кончился. Ван вздохнул с облегчением. Взглянул на часы. Его дежурство кончилось. Он стал будить Виктора.

Виктор вскочил, хотел было протереть глаза, но руки натолкнулись на шлем.

— Ну как? — спросил он Вана. — Все в порядке?

— В полном порядке. Вот только у нас гости. — И он показал на красные палочки, смирно лежащие на пороге.

— Это еще что за нечисть?

Ван ему коротко объяснил, что это безвредные бактерии, но хорошо было бы убрать их с дороги, потому что они завалили выход.

— Вот я этим и займусь, — решил Виктор, — чтобы не было скучно. А ты ложись.

Все два часа Виктор был занят тем, что вышвыривал красные

палочки. Он устал, но к моменту, когда нужно было будить Тиму, выход из пещеры был свободен. Рано утром, часов в шесть, Тима поднял товарищей.

Катя проснулась, села и с удивлением стала озираться по сторонам. Вид у нее был такой недоумевающий, что мальчики расхохотались.

Еще не совсем понимая, что происходит, она тоже заулыбалась.

— Ох, как я спала, мальчики! Как никогда в жизни! — заявила она и тут же прибавила, что умирает от голода.

Дождь давным-давно кончился, в почве все пришло в обычный порядок. И, позавтракав, наши путешественники двинулись дальше.

Индикатор сообщил им, что они уклонились в сторону от корня. Начались новые поиски, пока наконец «компас», будто сжалившись над путешественниками, показал, что они нащупали верную дорогу.

К десяти часам утра они подошли к небольшому озерку в углублении скалы и снова взяли пробу.

Ван нагнулся, чтобы зачерпнуть в кружку воды. И тут он увидел, что вода прямо из озерка идет вверх!

— Ребята, — позвал он, — взгляните! Вода без насоса течет… вверх! Сама по себе!

— Ну да, не может быть! — решительно заявила Катя. — Так не бывает!

— Да? Ты уверена? — усмехнулся Тима. — А ты знаешь, что такое капиллярное поднятие воды? Забыла? Сейчас десять часов утра. Солнце там, наверху, сильно припекает. Вот вода и испаряется. А на место испарившейся из глубины снова поднимаются новые порции воды. Вот и все.

— Профессор… — пробормотал Виктор. Ему было досадно, что сам он решительно позабыл об этом «капиллярном поднятии» и не смог дать Кате никаких объяснений по поводу столь удивившего ее поведения воды.

Новая проба, сделанная Ваном, подтвердила, что корень совсем близко. Тима ушел вперед и скоро скрылся за уступом скалы.

— Только бы опять чего-нибудь не случилось! — твердила Катя. — Мы ведь второй раз к нему приближаемся! Что еще может…

Но она не успела договорить — Тима звал их к себе.

Они быстро обогнули скалу и там, перед входом в пещеру, увидели Тиму.

— Вот он! — торжественно заявил мальчик. — Прошу вас.

Это — корень…

Издалека доносился приглушенный мелодичный перезвон радиомаяка.

Дендрония

Робко озираясь, путешественники вошли под темные своды обширной пещеры.

Ни потолка, ни дальних стен они не различали. Здесь было темно, мрачно, сыро.

— Где же корень? — с недоумением оглядываясь, спросила Катя.

— Как — где? Вот он!

С этими словами Тима направил луч своего фонаря на огромный цилиндр, свисавший с невидимого потолка. От него в разные стороны торчали, словно горизонтальные ветви, какие-то выросты. Концами своими они уходили в стены пещеры, и создавалось впечатление, будто эти ветви поддерживают главный цилиндр, будто он висит на них.

— Неужели же это и есть корень?

— Будь покойна, я не ошибся.

На темном фоне полупрозрачный цилиндр выделялся своей светлой окраской. Видно было, что внутри он разделен множеством перегородок на отдельные клетки, а за ними, в глубине, темнел длинный стержень, пронизывающий его сверху донизу.

— Удивительное сооружение! — пробормотал Виктор, вынимая из футляра кинокамеру.

Катя хотела было подойти поближе к корню, но, сделав несколько шагов, в ужасе отскочила в сторону. Она увидела прямо у своих ног темное тихое озеро, где копошилось множество бактерий.

— Ой, опять они! Когда же мы от них избавимся? — воскликнула Катя. — Надеюсь там, внутри дерева, они не будут нас преследовать?

— Нет, нет, успокойся! — засмеялся Ван. — Они останутся здесь.

— Ты в этом уверен? А посмотри, сколько их на конце корня и выше.

— Вижу, — сказал Ван. — Но внутрь корня они вряд ли попадут.

— А если пролезут, что тогда?

— Корень будет болеть, появится опухоль.

— Вот противные! Один вред от них!

— Нет. Далеко не всегда. На корнях бобовых растений иной раз образуются наросты, клубеньки. Это потому, что в корень попали азотобактерии. А они превращают азот воздуха в нужные для растений азотистые соединения. Растению это на руку. Это ему полезно. А потом, когда растение отомрет, азотистые вещества попадут в почву, ими будут пользоваться другие растения, и так далее. А бактерии, разрушающие растительные и животные остатки? Они превращают сложные органические соединения в простые минеральные вещества, пригодные для питания растений. Разве это не польза? А я привел тебе всего два примера…

Ван отошел в сторону, уселся на выступе в стенке пещеры, вынул свою записную книжку и стал исписывать од-ну страницу за другой. Ван вел подробный дневник путешественника. Эти записи очень пригодятся ему впоследствии. Да и Виктор просил его помочь ему. Конечно, фильм, над которым тот трудится, без подробных пояснений никому не будет понятен. Сам Виктор мало разбирается в том, что снимает, он ищет просто эффектных кадров, а вместе они сделают большое, полезное дело.

Так мечтал Ван.

Часто Ван с досадой думал о том, как он мало знает; многое из того, что видел, не понимал. Ван старался подробно описывать все, что происходило перед его глазами. А потом он покажет свои записи специалистам, и те все ему объяснят. Во всяком случае, путешествие, несомненно, обогатит его знаниями. Оно еще больше укрепляло его желание стать в будущем микробиологом.

— Виктор, обязательно сними кончик корня! — крикнул он усердному кинооператору, не терявшему времени зря и снимавшему корень со всех сторон.

— Есть снять кончик! — весело откликнулся Виктор, сидевший на выступе стены и снимавший Катю и Тиму на фоне корня. «Для масштаба», — как он объяснил.

В своем рвении он готов был залезть хоть на потолок, чтобы снять общий вид пещеры сверху. Но Тима то и дело спрашивал, скоро ли он кончит, потому что пора трогаться дальше.

Снимая конец корня, Виктор заметил одну особенность, которая его удивила.

— Тима, слушай, что это за нашлепка на самом кончике, а?

— «Нашлепка»! — возмутился Тима. — Эх ты, нашлепка! Это корневой чехлик, неуч ты этакий!

Виктор обозлился. До чего хвастливый парень этот Тима! Только бы показать, что он знает больше всех.

— Может быть, можно обойтись и без «неуча»?

— Можно и так, — миролюбиво согласился Тима. — Я только

одного не понимаю: как это у тебя все из головы выскочило? Ведь мы же проходили это в пятом классе! Неужели все перезабыл или не узнал?

Виктор ничего не ответил. Справедливое замечание Тимы еще больше разозлило его. Он упрямо решил, что Тима нарочно хочет уязвить его самолюбие. Виктор надулся и отошел в сторону, делая вид, что занят съемкой. А Тима и не думал обижать товарища. Сказал — и все тут! Да и что особенного? Ну, допустим, Виктор все перезабыл, а он, Тима, нет. Ну и что? Не обратив особого внимания на обиженный вид Виктора, он стал развивать мысль о том, что в школе все они часто учатся формально. Ответил урок — и с плеч долой.

— Верно, Тима! — вздохнула Катя. — По себе знаю! Если предмет не увлекает, выбрасываю все из головы.

— А бывает и по-другому, — рассуждал Тима. — Как будто все знаешь, а до дела дойдет — и выясняется, что ты дурак дураком. Вот хотя бы взять этот клен. Я знаю его устройство довольно прилично. А когда мы пошли с отцом, я ничегошеньки не узнавал: как идти, куда идти, какие клетки, где мы. Ну ничего!

— Практическое применение знаний, — уточнил Ван. — Дав этом все дело. Нужно не только знать, но и уметь применять знания в жизни. Необходима практика.

— Подождите, мальчики! — спохватилась Катя. — Мы зафилософствовались и забыли, с чего начали. Для чего же все-таки корню нужна нашлепка?

— Корневой чехлик, — поправил Тима. — Очень просто. Здесь, в кончике корня, все время образуются новые клетки. Эта самая молодая часть корня очень нежна. И она же проделывает очень тяжелую работу: врастает все глубже и глубже в почву. Нежный кончик протискивается между твердыми частицами грунта. Колпачок защищает его, предохраняет от ранений. Вот и все.

— Виктор, иди сюда, я теперь могу объяснить тебе, зачем корню чехлик! — крикнула Катя.

Виктор сделал вид, что не слышит, и не подошел.

Между тем пора было трогаться в путь. Тима и Ван обсуждали вопрос, откуда проще всего войти внутрь корня. Решили, что самым подходящим будет один из близлежащих волосков. Волоски — это нежные выросты клеточек поверхности молодых корешков, молодой части корней. Их много. Они расположены повыше корневого чехлика и, отходя в разные стороны, проникают во все частицы почвы. Своей поверхностью они впитывают воду с растворенными в ней питательными веществами. Сам по себе каждый волосок невелик. Но их так

много, что если приставить их концами друг к другу, то получится длиннейшая нить, в десятки километров. С их помощью корню удается как бы обежать огромное количество частиц почвы и извлечь из них необходимые питательные вещества.

Небольшие и тонкие волоски для наших путешественников превратились в огромные и толстые. Концами своими волоски зарывались в стены пещеры, и, вскарабкавшись по уступам, молодым людям легко было добраться до одного из них.

— Вот что, ребята, я уже приглядел волосок, — деловито сказал Тима. — Мы сейчас взберемся на него. Нам нужно сегодня же попасть в лист. А завтра чуть свет — домой, обратно!

Тима нет-нет, да и вспомнит о доме, о матери, о том, что она может обнаружить обман раньше, чем они вернутся, а это будет ой как нехорошо! Конечно, неприятностей не избежать. Тима чувствовал себя здорово виноватым и готов был к сильнейшему нагоняю. Тут уж ничего не поделаешь. Придется терпеть.

Но он хотел только одного — дойти до места. Он боялся, что мама, узнав об их путешествии, поднимет шум и организует погоню. Правда, ни папы, ни Кривошеина, ни Вады нет в поселке. Но Кривошеин на рыбалке, за ним можно послать. И тогда… «Ой, как нехорошо!» — совсем расстроился Тима. Он уже представил себе, как их настигает Кривошеин, как ведет их домой, как мама устраивает всем им хорошую баню. Другое дело, если они сами явятся как победители. Пусть тогда ругают сколько хотят. То, что они не хуже взрослых сумели все сделать — и с аппаратами управились, и весь путь прошли без сучка и без задоринки, — будет доказано. И это главное. Только надо торопиться. Что это Виктора никак от съемок не оторвешь?

— Кончай, Виктор! — крикнул Тима. — Пора!

Виктор неохотно спрятал камеру. «Вечно этот Тимка не дает ему снимать столько, сколько ему хочется», — раздраженно подумал он. Хотя Тима ни разу раньше ему не мешал.

Между тем Тима, ловко вскарабкавшись по глыбам грунта, уже добрался до волоска, сел на него, свесив ноги, и с довольным видом похлопал по его эластичной, влажной оболочке. Она была плотная, как сыромятная кожа.

За ним полезли остальные.

Устроившись поудобнее, Тима сильно размахнулся и вонзил в оболочку острый клинок.

Надрез получился в виде буквы «С», достаточно большой, чтобы можно было протиснуться внутрь волоска.

Тима зацепил крючком край надреза, сильно оттянул его и, сделав приглашающий жест, весело провозгласил:

— Прошу! Сезам открылся!

Чтобы сделать проход пошире, Тима двумя руками оттянул «створку» своей необычной «двери».

Ван хотел было перешагнуть «порог», но замер на месте. Он увидел густую жидкость, наполнявшую клетку. Само по себе это, разумеется, не было для него неожиданным. Ничего иного он и не рассчитывал увидеть. Но жидкость двигалась — она пульсировала. Такого он никогда еще не видал.

— Живая! — прошептал Ван.

— Ой, я боюсь! — шутливо пропищала Катя, заглядывая через плечо Вана.

— Ерунда! — сказал Тима. — Это протоплазма. Я нарочно сделал надрез сверху, чтобы она не выливалась. Ван, быстрей, дружище! Катя, Катя! Ну что ты стала? Виктор, подтолкни-ка ее.

Катя, вошедшая внутрь волоска следом за Ваном, вдруг громко закричала. На этот раз она действительно испугалась: неожиданно ее что-то подхватило и понесло, да так, что у девочки закружилась голова и сердце замерло.

Ван, барахтавшийся в водовороте, смеялся над ней. Смеялись Тима и Виктор, которых тоже завертело течением. Виктор даже позабыл, что сердит на Тиму, так ему стало весело. В конце концов расхохоталась и Катя. Путешественники то сталкивались, то отскакивали друг от друга; они тщетно пытались удержаться на одном месте.

Наконец Виктору удалось зацепиться своим крючком за стенку клетки. Он смешно болтался, ноги его все время относило в сторону. Тима, проплывая мимо, ухватился за его ногу. Ван зацепился за Тиму, и все вместе поймали Катю.

— Фу, — набросилась Катя на Тиму, — почему ты не предупредил? Просто свинство!

— Прости, Катюша, забыл! Честное пионерское, забыл! Ну, отдышалась?

— Да ну тебя! И долго так будет продолжаться?

— Как тебе сказать… Порядочно… Сейчас перейдем в другую клетку. Ты отдохни, а мы прорежем эту стенку, затем соседнюю, потом…

— Да этому конца не будет! Ужас, просто ужас! Где твои бактерии, Ван? Хочу к ним обратно! Там, в почве, по крайней мере, нет этой протоплазмы и не надо что-то без конца резать!

— Почему — без конца? Вот прорежем дырку в соседней клетке, и все!

— Да, но ведь это придется делать каждый раз, если хочешь сдвинуться с места.

— Положим, нет ничего легче, как сдвинуться, —

расхохотался Виктор. — Отпусти-ка руку!

— Ай, не надо, не надо! Не хочу вертеться в этой вашей протоплазме!

— Ничего, Катюша, — добродушно отозвался Тима. — Нам теперь придется долго плыть. Будем как на дне реки, Но ты увидишь, как все хорошо устроится. Вот и «дверь» наполовину открыта.

Дружными усилиями мальчики уже прорезали отверстие, как вдруг Катя опять завопила:

— Ай! Что это?.. Там! Из-за угла… движется. Ай!

Катя показала в дальний угол клетки.

Оттуда, наперерез течению, действительно двигалось нечто округлое. «Оно» шло по направлению к той «двери», через которую путешественники пролезли в волосок.

— Тьфу ты! — рассердился Тима. — Вот напугала! Это ядро. Ядро клетки, понимаешь? Что тут страшного?

Они перешли в другую клетку, оттуда — в третью, и так, с трудом проделывая отверстия в стенках, путешественники продвигались внутрь корня. Они замечали, что не во всех клетках содержимое имеет одинаковый вид. Самые молодые клетки были наполнены только протоплазмой — слизистым веществом, то более густым, то пожиже.

В более старых клетках встречались участки водянистого сока. Они выглядели словно пузырьки в густой слизи. И обычный человек, глядя на клетки растения в обычный микроскоп, так и увидит их: водянистые пузырьки в более густой слизистой жидкости. В этом клеточном соке растворены различные вещества, и, чем старше клетка, тем больше места занимает в ней клеточный сок.

— Это все живые клетки, — говорил Ван. — В них происходят сложные процессы превращений и изменений самых разнообразных веществ. А в мертвых нет ни протоплазмы, ни сока. Один остов — оболочка. Вот и все.

Издали сквозь тонкие, прозрачные стенки клеток была видна темная высокая стена. Это был центральный цилиндр корня.

Когда подошли к нему поближе, то увидели, что стена его сложена, как из кирпичиков, — из коричневых клеток с толстыми, плотными оболочками. То тут, то там виднелись светлые пятна. Это были клетки с тонкими, прозрачными стенками. В отличие от мертвых, толстостенных клеток, они содержали протоплазму, были живыми. Через них внутрь центрального цилиндра проникала вода с растворенными в ней веществами.

Фантазерка Катя нашла сравнения: она заявила, что стена центрального цилиндра похожа на круглую башню старинной

крепости, а светлые пятна не что иное, как бойницы, или окна.

— Бойницы так бойницы! — весело согласился Тима. — Заглянем через них.

Путешественники прильнули к «бойнице». Они увидели ряды клеток, наполненных протоплазмой. Их пронизывали какие-то трубы, начинавшиеся где-то глубоко внизу и уходившие высоко вверх.

— Слева, я думаю, это лубяные волокна, судя по строению клеток — длинных, толстостенных, — сказал Ван.

— Ты прав, — согласился Тима. — Они проходят в той части коры, которую обычно называют лубом.

— А что это за высокие колонны? — поинтересовалась Катя. — Видишь? Они опоясаны колечками, словно поясками.

— Это ситовидные трубки луба — сосуды, по которым передвигаются в растении различные вещества. Там, где ты снаружи видишь кольца, внутри на этом месте — перегородка с дырочками, словно сито; поэтому такие трубки и назвали ситовидными.

«Бойница», как называла Катя клетки с тонкой стенкой, вела прямо к одной из клеток соединительной ткани внутри цилиндра. В нее и попали путешественники. Их с силой втянуло туда. Борясь с течением протоплазмы, они пробирались из одной клетки в другую, чтобы достигнуть пористого сосуда.

Передвигаться в густой протоплазме часто наперерез течению не слишком-то удобно. Но зато как интересно наблюдать жизнь клеток!

— Так и снимал бы без конца! — твердил Виктор. — Боюсь, пленки не хватит. А где я смогу перезарядиться?

— В воздушной клетке листа.

— Отлично!

Наконец путешественники добрались до пористого сосуда. Он был внушительных размеров. Поры в его стенках были настолько широки, что через них свободно могла пройти голова в шлеме. Пришлось совсем немного расширить отверстие, чтобы влезть внутрь.

— Смотрите, ребята, не прислоняйтесь к порам: так присосет, что не оторвешь! — предостерег Тима. — В случае чего — цепляйтесь за край поры. Стенка в сосуде твердая, крючок соскользнет с нее, даже не поцарапает. Катя, предупреждаю, чтобы не вопила: как только мы попадем внутрь сосуда, нас понесет, как в лифте. Ну что же, ныряем?

Течение было не такое уж быстрое, но все же поначалу пришлось с ним побороться.

— Ой, не могу! — весело кричала Катя.

— Ничего, держись! — откликался Тима. — Постарайся приноровиться.

Сам он, отличный пловец, уже приспособился к движению жидкости.

Но вот путь пересекла наискось поставленная перегородка. Это была одеревеневшая пластинка с дырочками. Пройти через эти отверстия было нетрудно, и вся хитрость заключалась в том, чтобы изловчиться и на всем ходу угодить в одно из них. Тиме это не удалось — он ударился со всего размаха головой о преграду. Хорошо, что его защищал шлем. Тут наскочили на него и трое остальных. Получилась свалка. Никто не ушибся, и всем было весело. Виктор, смеясь, рассказывал, как его понесло было вверх ногами. Ван говорил, что ему с трудом удалось повернуться на бок. Катя уверяла, что она все время просто кружилась, как в вальсе.

— Сил нет, право же, мальчики! — весело щебетала она. — А в общем хорошо. Я люблю быструю езду. Между прочим, так нетрудно угодить прямо в стратосферу!

— Дальше листа не уйдем! Попробуем плыть, взявшись за руки, — предложил Ван.

Но едва он пролез в дырку перегородки, как его потащило вверх. Все четверо встретились лишь при следующей невольной остановке возле перегородки.

Снова и снова упирались путешественники в продырявленные стенки, снова веселились и хохотали, собравшись вместе; отдохнув немного, пускались дальше. Все шло хорошо, пока сосуд был прямым. Но вот он стал изгибаться, и путешественники начали ударяться о его стенки.

— Мы в шейке корня, потому и повороты! — крикнул Тима.

— А я думала, мы уже давно в стволе! — отозвалась Катя.

— Нет. Только переходим. Пожалуй, уже и перешли. Да.

Некоторое время в стволе поднимались спокойно, плавно. Катя просто наслаждалась.

Но вот снова раздался предупреждающий окрик Тимы:

— Осторожно! Поворот!

Ван, плывший следом за Тимой, не успел подготовиться и пребольно ударился плечом о стенку сосуда. Катя и Виктор проскочили благополучно.

Вскоре заметили, что сосуд принял наклонное положение.

Путешественники прибыли в ветку, нависшую над крышей лаборатории.

— Сделаем остановку! — предложил Тима. — Побродим внутри ветки, посмотрим, как она устроена. Здесь много молодых клеток, стенки у них тонкие — их легко резать.

Покинув пористый сосуд, путешественники очутились в одной из клеток. С точки зрения Кати, она ничем не отличалась от тех, через которые они шли в корне к центральному цилиндру.

Решили двигаться по направлению к коре. Путь лежал через клетки сердцевинного луча. Ван и Тима по размерам клеток, которые становились все меньше и меньше, определили, что находятся недалеко от камбия — образовательной ткани. Значит, недалеко было и до лубяных волокон, а за ними находилась первичная кора.

Путешественники дошли до молодых клеток камбия и пошли дальше.

Путь лежал через область вторичной коры. Здесь располагались лубяные волокна и ситовидные сосуды, по которым питательный сок идет от листьев к корню. Нигде в другом месте ствола, кроме как в области вторичной коры, ситовидных сосудов не встретишь.

Вот впереди показались многогранные клетки первичной коры. Зеленые комки хлоропластов, ядро, слизистые нити протоплазмы, протянувшиеся в клеточном соке. Эти клетки совсем не были похожи на одревесневшие клетки древесинных сосудов. В клетки проникал солнечный свет. Потушили фонари, и прозрачная жидкость, прозрачные стенки засветились, словно изумруд.

— Эх, жаль, что пленка у меня не цветная! — сокрушался Виктор.

Дальше виднелись пробковые клетки корки — прочный защитный слой из мертвых клеток, наполненных воздухом. Соблазнительно было пройти туда, снять шлемы и подышать свежим воздухом, но пробковый слой толст и крепок — чтобы проделать вход, понадобилось бы много времени. Посовещавшись, решили возвратиться обратно.

Золотистые одеревеневшие клетки древесины обошли стороной — их крепкие стенки было тоже трудно прорезать.

В конце концов нашли нужный сосуд, и он «повез» их в лист. Подъема уже не было, потому что сосуд расположен горизонтально. Но течение по-прежнему подталкивало путешественников.

Наконец хлынул такой яркий поток желто-зеленых лучей, что путешественники даже зажмурились. Он лился со всех сторон, веселый, радостный.

Сосуд сузился. По-видимому, он проходил через черешок.

Путешественники попали в самый лист.

Зеленый лист

— Приехали! — объявил Тима. — Вылезайте!

Путешественники один за другим покинули свой «лифт» и, собравшись кучкой, остановились в одной из клеток листовой мякоти.

Стенки клеток были еще прозрачнее, чем в корне и в ветке. Путешественники видели, что делается у них под ногами и над головой.

Вот причудливо ветвятся тоненькие жилки. Вот наверху стоят ряды клеток, как частокол. Вдоль стен-столбов этого «частокола», на «полу», по «потолку» располагались зеленые шары хлоропластов; они медленно плыли, увлекаемые током протоплазмы вдоль стен клеток. Над «частоколом», как кровля, расположились продолговатые, плоские клетки кожицы листа. А над ними — наружная тонкая и плотная неклеточная пленка.

— Кутикула! — сказал Ван. — Нам ее почти не видно. Потом разглядим.

Путешественников окружали клетки неправильной формы, наполненные протоплазмой и хлоропластами. Своими концами они примыкали друг к другу то так, то этак. Плотной ткани не было — во многих местах оставались свободные пространства, заполненные воздухом. Это была губчатая ткань листа.

Туда и направились наши путешественники.

Там они сняли шлемы. Наконец-то можно дышать свободно, как обычно, без специальных приспособлений, трубок, баллонов. Это было удивительно хорошо. Как это раньше они не ценили! Путешественники сидели, поджав ноги; они наслаждались свежим воздухом, светом, радовались, что не было вокруг надоевшей жидкости, что можно было не плыть, а сидеть и разговаривать друг с другом не по радио, а просто так, как на Большой земле. Так называли они теперь Джохор.

Под прозрачным «полом» они видели плоские клетки нижней кожицы листа, заметно отличавшейся от верхней.

Некоторые клетки были попарно изогнуты дугой; они

соединялись между собой концами дуг, а внутри между ними оставалась продолговатая щель.

— Вот они, устьица, — сказал Ван. — Их здесь видимо-невидимо.

— А поточнее? — спросил Виктор..

— В листе нашего клена — не знаю, — развел руками Ван. — А ты, Тима, знаешь?

— Н-нет… У липы, например, в одном листе их больше миллиона.

— Вот что, друзья: не знаю, как вы, а я не прочь немножко закусить. Никогда в жизни не была так голодна, как сейчас!

— Вчера ты то же самое твердила, — напомнил Ван.

— Ну да, конечно. Здесь появляется отличный аппетит! — засмеялась Катя.

В самом деле, следовало подумать об обеде. Путешественники ничего не ели с утра. Виктор было взялся за одну из питательных трубок, но Тима его остановил:

— Подожди. Сейчас устроим чай с булочками.

Виктор недоверчиво взглянул на Тиму?

— Какой еще чай? Разыгрываешь. Предупреждаю, я голоден, как шакал.

— Потерпи. Все голодны.

Тима открыл футляр, где лежал запасной радиомаяк, фонарь и еще какие-то инструменты. Он извлек оттуда нечто сплющенное, как бумажный фонарик, который вешают на елку, потянул за ободок — и получилось ведро. Тима вынул и крышку к нему.

— Нужно сходить к ситовидному сосуду, добыть сладкого сока. Кто пойдет? — спросил Тима.

Ван вызвался с охотой.

— Отлично. А я отправлюсь в другое место.

Мальчики натянули костюмы, шлемы и пошли «на охоту», как объявил Тима.

Катя и Виктор остались одни.

Виктор возился с кинокамерой. Катя ходила из угла в угол. После утомительного плавания хотелось размять немного ноги. «Пол» клетки был мягкий, пружинистый, скользкий. Катя раза два чуть не упала.

— Уж лучше сяду, — сказала она.

Виктор ничего не ответил. Он дулся на Катю, сам не понимая толком почему. Его раздражало то, что Катя весело болтает с Тимой, Ваном и совсем не обращает на него внимания.

Раньше было по-другому. Авторитет Виктора стоял высоко, а теперь…

Действительно, Катя, приглядываясь ко всему, что их окружало, часто задавала вопросы то Тиме, то Вану. Виктора бесполезно было спрашивать. Ведь он сам ничего не знал. Это было справедливо и потому больше всего злило. Говоря правду, он чувствовал себя совершенно беспомощным в этом странном, удивительном мире и брел словно с завязанными глазами, крепко держась за руки товарищей. В этом было что-то унизительное для его самолюбия.

— Виктор, почему у тебя такое недовольное лицо? — сказала Катя.

— Так… устал… — неохотно, сквозь зубы, бросил Виктор.

— Ты не раскаиваешься, что пошел с нами?

— Что это тебе взбрело в голову? Сделаю фильм…

— Да, ты ведь мечтал об этом.

Катя сидела на «полу», обхватив руками колени. Виктор молча перезаряжал кинокамеру, укладывая в особое отделение отснятую пленку. К ней он присоединил записную книжку Вана, заполненную до последнего листочка.

— Может, ты на меня сердишься, Виктор?

— Глупости!

— Мне показалось. Тогда улыбнись.

— Не умею по заказу.

— Нет, сердишься. Только не понимаю — почему?

Виктор ничего не ответил. Замолчала и Катя. Она обиделась.

Так сидели они в разных углах: Виктор — злой, Катя — надутая, когда вернулся оживленный Тима. У него в руках была груда хлоропластов. Он бросил их на пол и стал стаскивать шлем.

Он почувствовал в молчании, встретившем его, что-то неладное и пристально посмотрел на Катю. Перевел взгляд на Виктора.

— Что, поцапались?

— Нет, нет, что ты! — Катя поспешно кинулась собирать в кучу раскатившиеся зеленые комки. — Зачем ты их принес?

— Сейчас увидишь. Будем печь булки!

— Все фокусы! — недовольно сказал Виктор, разглядывая хлоропласт. — Есть хочется, а ты дразнишь, не велишь почему-то глотнуть концентрат.

— А ты послушался? — засмеялся Тима. — Не ожидал, не ожидал. Думал, назло мне все проглотишь.

— Глупо… — пробормотал Виктор и снова занялся своей камерой.

Тима уселся возле собранных в кучку зеленых комьев и стал разрезать их, вынимая оттуда какие-то бесцветные лепешки и палочки.

Катя помогала ему.

— Ты хоть объясни, что это?

— Крахмал.

— А что мы будем с ним делать?

— Есть…

Катя в недоумении вытаращила глаза и открыла было рот, чтобы задать вопрос, но Тима отмахнулся, заявив, что ему сейчас некогда.

Он разложил лепешки и палочки рядом, достал лучемет и стал облучать их синими лучами. Крахмал сморщился. Тогда Тима нажал другую кнопку, красную, и опять стал водить дулом лучемета по рядам крахмала.

Он работал сосредоточенно. Катя и Виктор молча следили за всеми его движениями, ничего не понимая.

В это время вернулся Ван с полным ведром сладкого сока. Он осторожно поставил ведро, подошел к Тиме и заглянул через его плечо:

— Что ты делаешь, Тима?

— Пеку булочки!

Между тем зерна крахмала под действием красных лучей стали шевелиться, вспухать, покрылись темной корочкой, как настоящая булка.

— Вот это здорово!

Ван с удовольствием потирал руки, предвкушая блаженный час, когда можно будет утолить зверский голод.

— Можете пробовать, только не обожгитесь! — заявил Тима. — Это меня отец научил. Он сказал, что с помощью лучемета можно сделать из крахмальных зерен нечто вроде булки. Мы с ним ели, мне понравилось. Не знаю, как вам.

Катя разломила горячую булочку — от нее так и валил пар — и стала дуть на нее, чтобы поскорее остудить. Потом недоверчиво сунула в рот кусочек. Пожевала. Подумала. Сунула еще кусок и в конце концов съела всю булку, аппетитно похрустывая корочкой.

— Вкусно! — прищелкнула она языком.

А Тима в это время хлопотал над соком. Он достал из кармашка пояса какую-то баночку, высыпал часть ее содержимого в ведро, и жидкость тотчас же вспенилась. Тогда он облучил ее. Пена осела. Сок стал прозрачным. Из ведра повалил пар.

— Чай готов! — торжественно объявил Тима. — Особый сорт, кленовый. Давайте кружки.

Ведро поставили посередине, разложили булочки, и началось пиршество. Скоро подобрали все до крошки.

— Сыты? — заботливо осведомился Тима.

— Ух, — ответил Ван, — даже отяжелел! Спасибо зеленому

листу! Накормил и напоил.

— Он всегда нас кормит, — сказал Тима. — Всех на земле кормит. Без зеленого листа и нас с вами не было бы! Вот какие дела!

Зеленый лист!

«Ни один растительный орган не испытал на себе человеческой несправедливости в такой степени, как лист… — говорил знаменитый русский ученый Климент Аркадьевич Тимирязев, всю жизнь посвятивший исследованию зеленого листа. — В течение веков, до конца прошлого столетия, человек упорно отказывался видеть в нем прямую пользу. Тогда как польза корня, как органа питания, цветка и семени, как органов размножения, была неоспоримо признана за ними с незапамятных времен, лист продолжал пользоваться легкомысленной славой пышного, но бесполезного наряда… А между тем… можно сказать, что в жизни листа выражается самая сущность растительной жизни, что растение — это лист».

Зеленый лист! Он делает бессмертной жизнь на Земле!

В мире много секретов и загадок. Человек постепенно разгадывает их одну за другой, вырывая у природы ее сокровенные тайны. Он постигает сложнейшие явления и отвечает на бесконечные: «как, что и почему?»

Тысячелетиями люди видели солнечный свет и были уверены, что он белый. Но вот знаменитый английский ученый Ньютон поймал солнечный зайчик, пропустил его сквозь трехгранное стекло — призму — и нашел, что солнечный луч — это смесь семи основных цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и фиолетового.

Теперь это знает каждый школьник. Знает он и то, почему мы видим разные предметы окрашенными в разные цвета. Знает, что лист растения потому нам кажется зеленым, что хлорофилл отражает зеленые лучи солнечного спектра и именно они-то и попадают в наш глаз.

Спектральный анализ хлорофилла открыл нам очень важную тайну работы зеленого листа. Какую? Об этом будет сказано немного позднее.

А сейчас поговорим о том, какую роль играет зеленый лист в нашей жизни.

Почему мы стараемся озеленить города и поселки? Это известно каждому: растения очищают воздух — они поглощают углекислоту и выделяют живительный кислород.

Но об этой очень важной функции зеленого листа узнали не так уж давно. Было время, когда для ученых совсем не ясен был вопрос: откуда в воздухе берутся неиссякаемые запасы

кислорода?

Мы дышим: вдыхая кислород, мы выдыхаем углекислый газ. Горят дрова, уголь, при горении также поглощается кислород и выделяется углекислый газ.

Куда же девается «испорченный» воздух? Откуда вновь и вновь появляется кислород? Ведь никаких запасов, как бы ни были они велики, не хватило бы при таком расходе. А между тем незаметно, чтобы состав воздуха менялся, перенасыщался углекислым газом. Его всегда немного в воздухе — сотые доли, и в кислороде нет недостатка. Кислорода вполне хватает миллиардам живых существ, населяющих нашу планету.

Над этим вопросом задумывались ученые. Для того чтобы разгадать тайну, они ставили опыты.

В стеклянную банку, где на донышке была налита вода, они ставили огарок свечи и прикрывали ее стеклянным колпаком. Воздух извне туда не мог проникнуть, края колпака были погружены в воду.

Свеча горела не долго. Она потухла, потому что под колпаком исчерпался кислород, а новые порции его не поступали. Воздух под колпаком насытился углекислотой.

А если вместо свечи под колпак поместить растение, что с ним будет? Ученые подозревали, что в процессе очищения воздуха участвуют растения. Но это еще нужно доказать.

Несколько дней стояло в воде под колпаком растение и не только не увяло, но напротив — продолжало развиваться. Что же произойдет, если теперь зажечь под колпаком свечу? Долго ли она будет гореть?

Огонек светил долго, пока не сгорела вся свеча.

Что же произошло? По-видимому, воздух под колпаком в присутствии растения изменился. Свеча при горении насыщала его углекислым газом, который, надо думать, поглощало растение, выделяя необходимый для горения кислород.

Ну, а что, если под колпак с растением поместить не свечу, а живое существо — скажем, мышь? Как она себя будет чувствовать?

Ученый посадил мышь, прикрыл ее колпаком и стал наблюдать. Мышь, по-видимому, не испытывала недостатка в кислороде. Она дышала, двигалась, жила, не проявляя ни малейшего неудовольствия.

Отлично! Значит, действительно зеленые растения поглощают углекислый газ и выделяют в воздух кислород.

Это было замечательное открытие. Оно показало, какую огромную роль играют в нашей жизни зеленые растения. Оно показало, что зеленый лист вовсе не бесполезный наряд, как

думали раньше.

Ученые тщательно исследовали зеленый лист.

Зачем растению нужен углекислый газ, было известно давно. Углекислота содержит углерод, а углерод — важнейшая часть растения, его основа. Из углекислого газа в соединении с водой получаются углеводы: сахар, крахмал, клетчатка.

Предполагали, что углекислый газ впитывают из почвы корни.

Но это предположение оказалось неверным. Опыты показали, что этот газ добывают листья из воздуха. Он проходит через устьица, и через них же лист выделяет в воздух кислород.

Замечено было, что работает зеленый лист только на свету. Если света недостаточно или нет совсем, то растение не выделяет кислорода.

Но что при этом происходит в самом листе?

Ученые брали зеленый лист, накрывали его черной плотной бумагой. Черный цвет, как известно, поглощает все лучи солнечного спектра. А в одном или в нескольких местах бумаги делали отверстия, чтобы там солнечные лучи падали прямо на лист.

Через некоторое время ученые снимали черную бумагу и рассматривали лист под микроскопом. В тех местах, где его закрывала бумага, в хлорофилле не было никаких изменений. Но там, где через отверстия на лист падал луч солнца, появились бесцветные палочки и крупинки.

Тогда лист клали в спирт. Спирт становился ярко-изумрудным, а лист бесцветным. Его поливали раствором йода, и в тех местах, где были замечены крупинки, он становился темно-фиолетовым. Значит, крупинки эти не что иное, как крахмал. Только крахмал под воздействием раствора йода окрашивается в фиолетовый цвет.

Вспомните: крахмал появлялся лишь в местах, открытых для солнечных лучей. Там же, где черная бумага закрывала лист, крупинок крахмала не было. Значит, опыт доказывал, что крахмал в зеленом листе образуется только на свету.

Каким образом это происходит? Какие процессы совершаются в зеленом листе?

Раньше ученые предполагали, что в зеленом листе углекислый газ разлагается на кислород и углерод. Кислород уходит через устьица, а углерод, соединяясь с водой, которая всегда есть в клетках, образует нерастворимый крахмал, который затем легко превращается в растворимый сахар.

Однако новейшие исследования показали, что этот процесс происходит иначе. Хлорофилл направляет энергию солнечного

луча не на углекислый газ, а на воду, находящуюся в клетках растения. Водород входит в соединение с углекислым газом, образуя углеводы. А кислород воды выделяется в воздух.

В первую очередь в листе образуется сахар. Он превращается в нерастворимый в воде крахмал, который и накапливается в хлоропластах. А затем уже крахмал превращается в растворимый сахар.

Как видите, результаты процесса те же, но протекает он иначе.

Сахар, «странствуя» из клетки в клетку, попадает в корень, стебель, цветки. Из него образуется клетчатка, остов растения, из него же создаются и более сложные вещества — белки и другие.

Зеленый лист — словно чудесная фабрика природы, единственная, где впервые из мертвых, неорганических веществ вырабатываются органические, из которых и состоят все организмы.

Но почему эта фабрика зеленого листа работает только на свету? Потому что ей нужен двигатель — сила, которая приводила бы ее в движение.

Двигатель — это свет. Источник силы — солнечный луч.

Чем больше света, тем энергичнее работа. Лист потому и построен широким, плоским, чтобы поверхностью своей улавливать как можно больше света.

Эту способность зеленого листа использовать лучи солнца Тимирязев назвал фотосинтезом, то есть созиданием при помощи света.

Вот теперь пришла очередь рассказать о том, какую важную тайну работы зеленого листа открыл спектральный анализ хлорофилла.

Зеленый лист поглощает солнечный свет, а луч солнца — это поток «сгустков» энергии.

Не все лучи лист поглощает одинаково.

Известно было, что он задерживает часть красных, больше всего — синих и фиолетовых. Но ученые считали, что главную работу производят не эти сильно поглощаемые листом лучи, а оранжевые.

Дело в том, что желтые и оранжевые лучи самые яркие в спектре: они больше других раздражают наш глаз, они ослепляют нас в ясный солнечный день.

И вот по аналогии с действием света на наш глаз ученые решили, что именно желтые и оранжевые лучи производят главную работу в зеленом листе, именно они осуществляют фотосинтез.

Но как же так — оранжевые лучи поглощаются зеленым

листом меньше, а производят главную работу? Здесь была явная «неувязка». Поглощаются одни лучи, а действуют другие.

И вот Климент Аркадьевич Тимирязев своей блестящей работой доказал, что фотосинтез осуществляется именно в тех лучах, которые сильнее всего поглощает зеленый лист: красных и фиолетовых.

Ничто на свете не исчезает и не появляется вновь — так говорит закон сохранения энергии в природе. Луч света, пойманный зеленым листом, затратился на работу, он перестал быть светом, но энергия его не исчезла — она только видоизменилась. Поток сгустков энергии превратился в органическое вещество, в потенциальную энергию. Сила солнечного луча, видоизменившись, превратилась в запас, который потом будет использован.

В своей замечательной книге «Жизнь растений» Тимирязев приводит наглядный пример того, что такое потенциальная энергия.

«Подобный запас энергии, — пишет он, — мы делаем каждый день, заводя свои часы; явная энергия заводящей руки превращается в потенциальную энергию часовой пружины, которая затем исподволь в течение суток принимает форму явной, в движении стрелки».

Запасом солнечной силы, которая отложилась в зеленом листе, пользуется не только растение, но и человек и животное. Органическое вещество, создающееся впервые в зеленом листе — и только в нем, — попадает так или иначе в нашу пищу: с хлебом, молоком, мясом, с овощами и фруктами.

Пища подкрепляет, придает нам силы. Почему? Потому что вместе с органическим веществом, которое находится в пище, мы поглощаем и сохраненный в нем солнечный луч. Источник этой силы — в потенциальной энергии луча солнца, отложенной про запас в зеленом листе.

Зеленый лист…

Не было бы в мире зеленого листа, и вся наша планета превратилась бы в мрачную, бесплодную пустыню, окруженную отравленной атмосферой.

Растения создали кислород воздуха; он появился на Земле вместе с первым зеленым ростком.

Без зеленых растений не было бы и тех органических веществ, из которых построено наше тело, мускулы, нервы.

Не стало бы и той пищи, где таится луч солнца, запасенный зеленым листом.

«Этот луч солнца согревает нас. Он приводит нас в движение. Быть может, в эту минуту он играет в нашем мозгу».

Так говорил Тимирязев.

— Катя, а ты знаешь, почему лист зеленый? — лениво спросил Тима.

Он лежал в своей любимой позе, растянувшись на спине и подложив руки под голову, созерцая через прозрачные стенки клетки движение протоплазмы и зеленых хлоропластов в других клетках, наверху, в «частоколе».

— Знаю, конечно, — улыбнулась девочка. — Ты думаешь, я уж вовсе ничего не знаю!

— Да, у Тимы есть такая черта: он воображает, что очень ученый, — медленно сказал Виктор.

— Ничего-то я не воображаю, — спокойно отозвался Тима. — Просто есть вещи, мне более знакомые, близкие, чем, скажем, тебе. А ты силен в других областях, например в киносъемке. Вот и все!

— Спасибо и на этом.

— Ты, кажется, опять взялся за старое?

Назревала ссора. Но Катя поспешила вмешаться.

— Слушай, Ван, — спросила она с крайне важным видом, — а есть такие растения, у которых отсутствует хлорофилл?

— Есть. Это растения чужеядные — паразиты. Они живут на чужой счет. Вот заразиха, повилика… Заразиха пристраивается к корням, а повилика обвивается вокруг стеблей каких-либо растений и высасывает из них соки. У нее вместо листьев какие-то чешуйки.

Ван что-то долго еще объяснял, но Катя его не слушала. Она была довольна, что предотвратила ссору, а сейчас думала о чем-то другом. Она вынула из кармана цветастой юбки гребешок и стала расчесывать свои длинные светлые волосы.

— Ты сейчас похожа на русалку, Катя, — сказал Тима. — Как в сказке Андерсена, помнишь? От зеленого света ты сама стала какая-то бледная, а волосы — зеленоватыми.

Катя разделила волосы на две пряди и начала заплетать косы.

— Куда девалась моя лента? Тима, ты не лежишь на ней?

Тима приподнялся, посмотрел:

— Какая она?

— Зеленая.

— Нету. Поищи где-нибудь возле себя. Куда ей деваться! — Тима снова улегся.

Но лента словно в воду канула. Катя искала ее, искала, наконец махнула рукой.

— Ну ее, обойдусь и так. — Она соединила концы двух кос, вплела в них оставшуюся ленту, заложила косы вокруг головы и надела сетку.

Товарищи торопили ее. Решено было пойти дальше, осмотреть лист.

— Ван, тащи запасный маяк, — сказал Тима. — Он мне все плечи оттянул.

Смеясь и толкаясь, путешественники покинули гостеприимную зеленую «комнату».

Сначала всем захотелось спуститься в самый низ. Путь лежал через удивительные пещеры. Своды и колонны их были наполнены хлоропластами, и они светились ярким изумрудом.

Внизу, в клетках нижней кожицы листа, хлоропластов почти не было. Они виднелись лишь в тех, что, изогнувшись дугой, оставляли между собой щели устьиц. Катя подошла близко к одной из них.

— Осторожнее! — закричал Тима. — Там пропасть!

Катя заглянула вниз и отшатнулась. Подскочивший к ней Тима схватил ее за руку.

— Я же говорил! Не хватало еще, чтобы ты свалилась!

— А что, разобьюсь?

— Нет, для этого ты слишком легкая. Просто улетишь! Ищи тогда ветра в поле! Так и будешь летать пылинкой по белу свету.

Девочка содрогнулась.

— Пойдем отсюда! — попросила она.

С самого низа путешественники должны были пройти сквозь толщу листа, чтобы выбраться на его поверхность.

Представьте себе, что вы попали в странный дом, где нет ни дверей, ни окон, ни лестниц. Для того чтобы из подвала пробраться на крышу, нужно карабкаться по стенам к потолку, прорезать там люки, чтобы перейти в следующий этаж, и так далее.

Примерно таким образом путешественники поднимались в листе. Прорезать отверстия в стенках и в «потолке», передвигаться в протоплазме стало для них делом привычным, и они ловко с ним справлялись.

Попав в клетки «частокола», они поднялись к «потолку», пробираясь между зелеными комками. Комки эти ползли вдоль стенок клетки, увлекаемые током протоплазмы, и нужно было смотреть во все глаза, чтобы не получить хорошего толчка.

Миновав «частокол», путники оказались в одном из небольших воздушных промежутков, которые кое-где встречались здесь между клетками «частокола». Над ними был еще тонкий и плотный слой — полупрозрачная кутикула.

— Потом вернемся в одну из воздушных комнат, — решил Тима.

Поверхность листа была бугристая, неровная, но кое-где

виднелись гладкие, блестящие «полянки», словно свежий лед катка с зеленью в глубине.

— Солнце! — вскричала Катя. — Настоящее солнце!

Сбросив шлемы и костюмы, путешественники разбрелись в разные стороны.

Погода стояла тихая, теплая — можно было гулять без опасений, что снесет ветром.

— О, чуть было не забыл! — спохватился Тима и стал искать что-то в своем поясе. — Ребята, идите сюда, что я вам покажу!

Все тотчас прибежали. Тима велел им достать из пояса такую же трубку, какая была у него в руках. Оказалось, что это подзорная труба, только линзы были подобраны так, что уменьшали все окружающие предметы до таких размеров, какие они имеют в глазах обычного человека.

Путешественники прильнули к уменынителю.

— Если плохо видно, подкрутите ободок, как в бинокле… — посоветовал Тима. — Ну, кто что видит?

— Я вижу канал, — сказал Виктор.

— А я — телевизионную башню, — сказал Ван.

— А я — поле с цветами, — сказала Катя. — Наверное, то самое, которое отделяет «домик» от парка.

Среди пышно разросшейся травы мелькали две детские фигурки в ярких платьицах. Это были девочки лет пяти. Одна — белобрысая, с короткими, туго заплетенными косичками, смешно торчащими в разные стороны. Другая — темненькая, с гладкими, коротко остриженными в кружок волосами, с челкой.

Девочки то бежали вприпрыжку, то останавливались, чтобы сорвать цветок. В кулачке у каждой был зажат букетик.

Вот они одновременно схватились за один и тот же цветок. Он им, видно, так понравился, что каждая хотела украсить им свой букет. В Катином окуляре мелькали их сердитые личики, они что-то кричали друг другу. «Совсем как Тима и Виктор», — подумала Катя. Но вот белобрысые косички пересилили, отняли цветок.

Катя опустила уменыиитель. Ее внезапно охватило острое желание оказаться там, с девочками; на нее напал страх, как тогда, в лаборатории перед черной блестящей плитой…

— А-а, Машенька и Дашенька… — услышала она голос Тимы. — Ты их помнишь, Ван?

— Еще бы! Можно подумать, что мы год, как ушли из Джохора.

— Тима, я хочу домой! — вдруг тихо сказала Катя. В ее голосе слышались слезы.

Все опустили уменыпители и повернулись к Кате.

— Что ты, Катя? — спросил Тима.

— Не знаю. Мне стало страшно. Я подумала, что мы на всю жизнь останемся такими…

— Перестань, что за ерунда! — сердито сказал Тима. — Можно подумать, что ты какая-нибудь доисторическая слабонервная барышня!

Виктор поднял брови.

— Доисторические «барышни» не были слабонервны, — заметил он небрежно.

— Ну, дореволюционная, подумаешь! Какая разница!

— Значительная.

— Обрадовался! Зацепил!

Слушая эти пререкания между Тимой и Виктором, такие знакомые, привычные, Катя успокаивалась. Готовые было брызнуть из глаз слезы высохли.

Катя засмеялась:

— Эх вы, драчуны неисправимые!

— Ну, вот и отлично! — обрадовался Тима. Он терпеть не мог слез. — Прошло?

— Прошло! Давайте в догонялки играть.

Она коснулась рукава Виктора и побежала. Виктор за ней. Тима и Ван тоже пытались ее поймать, но она ловко изворачивалась.

— Витя, сними нас! — крикнула она на бегу. Два раза просить об этом не пришлось.

— Об одном жалею, — говорил Виктор: — нет у нас цветной пленки. Какие бы получились кадры!

— Чудо! Прелесть! — щебетала Катя. Она совсем позабыла о своих недавних страхах.

Уже стемнело, когда ребята, вдоволь надышавшись свежим воздухом, опустились внутрь листа.

Там путешественники устроились в одной из воздушных «комнат» и начали готовить ужин.

Ужин ничем не отличался от обеда, но, в общем, не походил ни на то, ни на другое.

— Просто чай с булочками! — решила Катя.

Но сок все же мало напоминал чай, а крахмал еще меньше походил на булочки. Да разве важно это? Еда необыкновенная, а это уже само по себе чего-то стоит! Так дружно решили все четверо.

— Тима, завтра мы не пройдем к коре ветки? — спросил Виктор.

— Нет, куда там! Надо торопиться. Чем меньше мы здесь пробудем, тем лучше. Я побаиваюсь, как бы Анатолий Степанович

не нагрянул в лабораторию.

Эта мысль упорно преследовала Тиму.

— Спать, спать! — торопил он. — Завтра подниму вас чуть свет.

Дежурных решили не назначать. Тима умел просыпаться в точно назначенный для себя час и обещал всех разбудить.

Подостлав костюмы, ребята улеглись на них, радуясь, что можно спать без шлемов — в них так неудобно!

— Хорошо бы костер развести, — мечтательно сказала Катя. — С костром уютно. Помню, мы ходили с ребятами в лес — хорошо было. Кругом деревья, птицы поют, костер горит…

— Я тоже люблю жечь костер, — присоединился к ней Виктор.

— И мне нравится на огонь смотреть, — сказал Ван.

— Ничего, ребята, потерпите до завтра. Разведем дома костер, прямо у нас в саду! — пообещал Тима.

— Так тебе и позволили!

— Ну, не позволят в саду, уйдем в горы. На этот раз по-настоящему.

— А ты все же молодец, Тима, — сказала Катя. — Прямо как настоящий начальник экспедиции. Провел нас и вывел — и не заблудился. А здесь трудно найти дорогу — все так непонятно вокруг, а главное, кажется совершенно одинаковым. Одну клетку от другой прямо-таки не отличишь. Никаких примет. Я бы нипочем не смогла, обязательно заплуталась бы.

— Ну что ты, Катя… Ты забываешь — я ведь здесь не первый раз. Иначе, пожалуй, и мне было бы трудно. А так…

— Еще много значит, когда представляешь себе общее устройство дерева, — вмешался Ван. — Тогда и не кажется все одинаковым.

Наступило долгое молчание.

— Хорошо все-таки, ребята, что завтра мы возвращаемся, — сонно пробормотала Катя. — Я соскучилась по Джохору, и, вообще, мне…

Катя не договорила. Она крепко уснула, подложив под щеку ладонь. Она всегда засыпала первая. Ван и Виктор тоже, как видно, задремали. Только Тиме не спалось. Он лежал с открытыми глазами, переворачиваясь с боку на бок, — то ли он боялся проспать, то ли мысли о завтрашнем дне не давали ему покоя?

«Может ли мама узнать? — спрашивал он сам себя. — Но как? Откуда? Впрочем, всякое бывает».

Лучше не думать. Он еще раз перевернулся и закрыл глаза, чтобы скорее уснуть.

Его уже начала одолевать дремота, как вдруг чуткое ухо уловило какой-то шорох. Но повернуться, посмотреть, в чем дело, было лень. А шорох не прекращался. Он то замирал, то усиливался.

Решив, что это ему кажется, Тима только крепче зажмурился. Но что-то упорно продолжало шелестеть. Тогда Тима открыл глаза, повернулся и… от удивления сел. Перед ним, одетый в полное обмундирование, с кинокамерой через плечо и с шлемом в руках, стоял Виктор.

— Ты куда?

— Хочу побродить немного, кое-что доснять. На обратном пути будет некогда, — деловито сказал Виктор.

— Как это — побродить? Да ведь ты заблудишься.

— Почему я обязательно должен заблудиться? Ты же не заблудился.

— Что из этого? Я знаю устройство дерева, а ты нет. Потом, я здесь не первый раз, ты же знаешь. Кроме того…

— Кроме того, я не маленький и сам за себя отвечаю, — раздраженно перебил его Виктор. — Давно обхожусь без нянек.

— Обходись, как хочешь, там, на земле, мне на это решительно наплевать, а здесь я несу за тебя ответственность. Я не могу тебя отпустить.

У Виктора поднялись брови.

— Мне кажется, ты берешь на себя слишком много, — медленно произнес он. — Уж не думаешь ли ты на самом деле, что можешь меня отпускать или не отпускать?

— Вот чудак, — усмехнулся Тима. — Разве в этом дело? Мы пошли вчетвером. Держимся друг друга. Только тогда и не страшно, когда все вместе.

— Что может случиться со мной в этой пустыне с протоплазмой? Смешно!

— Не знаю. Ты можешь заблудиться, попадешь в такое место, откуда не выберешься. Может испортиться радио, наконец…

— Ерунда. Повторяю — я не маленький.

— Виктор, ты не должен уходить. Слышишь? — В голосе Тимы звучали повелительные нотки.

— А я уйду!

— Не смей!

— Ого! Кажется, ты приказываешь?

— Пойми…

— Ничего не желаю понимать. Оставь меня в покое! Ты и в самом деле вообразил себя начальником настоящей экспедиции, задрал нос. Смотреть противно!

— Ты сошел с ума! — крикнул Тима. — Нельзя разлучаться!

Нельзя!

— Тише, не кричи. Всех поднимешь. Ван уже проснулся.

— А я не спал, — сказал Ван. — Я все слышал. Виктор, не стоит уходить одному.

— Да он и двух шагов не сделает, как заплутается, а потом иди разыскивай его! — вскричал Тима, с силой хлопнув себя по коленке.

— Если я и двух шагов не сделаю, то искать меня будет нетрудно, — резонно заметил Виктор.

— Подцепил, поймал на слове! Вечная манера! А что из-за тебя кутерьма будет — не сомневаюсь.

— Поразительная самоуверенность! — надменно сказал Виктор. — Но довольно. Пустой спор. Я ухожу.

Тима подскочил к нему, схватил за руку, пытаясь удержать насильно. Между мальчиками завязалась борьба.

Но тут вмешался Ван.

— Остановитесь, ребята! — сказал он спокойно. — Пусть Виктор идет, если он хочет. Тима, брось, не держи его! В самом деле, он не маленький.

— Э, пусть идет к черту! — сказал Тима и отпустил Виктора.

Виктор, чуть отдышавшись после борьбы, надел шлем, оттянул надрез в стенке клетки и скрылся в темноте. Только видно было, как прыгал огонек его фонаря.

Ван и Тима некоторое время сидели молча.

— Я пойду за ним, — неожиданно заявил Ван.

— Чепуха какая! — пробормотал Тима. — Не дал людям отдохнуть.

— Ничего, дружище, — Ван ласково положил руку на плечо Тимы, — не расстраивайся.

— Ты знаешь, Ван, я хочу сейчас только одного: скорее вернуться, чтобы все осталось позади. Вот и Катя нервничает. Я был спокоен. Все шло нормально. А теперь из-за этого дурня, того и гляди, наживешь беду.

— Постараюсь, чтобы ничего не случилось.

— Я бы и сам пошел, но…

— Будет только хуже. Уж лучше я. Как-нибудь слажу с ним. Не волнуйся, спи.

Тима некоторое время следил за двумя огоньками, видневшимися один ближе, другой дальше. Через некоторое время огоньки сошлись. Постояли на месте. Потом исчезли. Тима, скрипнув в ярости зубами, лег, закрыл глаза, всеми силами стараясь успокоиться и заснуть… Снова вскочил. Подошел к чемодану, вынул из него радиомаяк. Установил. Тотчас же послышались мелодичные перезвоны. Тима вынул запасный

маленький фонарик. Подключил его к радиомаяку — вспыхнул тонкий яркий луч.

— Ну, теперь им нетрудно будет найти нас… — пробормотал Тима и снова лег.

Усталость взяла свое — в конце концов он задремал.

* * *

Ван догнал Виктора, когда тот стоял в раздумье возле какой-то непонятной для него трубки-сосуда, не зная, что делать дальше: войти в него или сначала как-то узнать, в каком направлении движется сок. Виктор собирался пройти в ветку, значит, нужно двигаться… В какую сторону? Нет, он решительно не мог сообразить куда. Кругом все было удручающе одинаково. Катя права — не поймешь, где правая, а где левая сторона. Он так задумался, что не сразу заметил приближающийся к нему огонек.

«Неужели Тима? — подумал он. — Пускай он только сунется, я ему дам!»

Но, узнав Вана, Виктор вздохнул с облегчением. Сказать правду, одному в этой чертовой протоплазме стало совсем не весело. Он уже не рад был, что затеял всю историю. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать, что он ни в ком не нуждается и отлично может путешествовать без провожатых.

«Чтобы сбить спесь с Тимы», — думал он про себя. В том, что ему хотелось пофорсить перед Катей, он даже себе самому не признавался.

Однако с первых же шагов он убедился, что «сбить спесь с Тимы» ему будет нелегко, и потому обрадовался появлению Вана. Хороший выход из положения Ведь он, Виктор, не просил, чтобы его провожали. Провожатый сам навязался. Стало быть, Виктор тут ни при чем. Перед Ваном он все же не хотел показывать своей радости — сделал вид, что недоволен, нахмурился и угрюмо спросил:

— Что, за мной явился? Напрасно. Я не вернусь.

— Да нет. Просто мне не спалось, и я решил тоже прогуляться… Куда пойдем?

— В ветку.

— Ну, тогда залезай сюда. Это ситовидный сосуд.

«Вон оно что! Ситовидный! — подумал Виктор. — А я и не догадался… Все-таки хорошо, что подоспел Ван».

Мальчики залезли внутрь сосуда.

Ситовидная трубка не очень-то была приспособлена для путешествия. Перегородки встречались чаще, чем в пористом

сосуде, дырочки в них были мельче — их приходилось беспрерывно расширять.

— Этак мы далеко не уйдем, — заметил Ван. — Не лучше ли…

— Не лучше! — перебил Виктор. — Я не вернусь. Как хочешь!

Часы показывали уже второй час ночи, когда путешественники добрались наконец до ветки. Судя по всему, они находились в коровой ее части. Во-первых, здесь проходил ситовидный сосуд, а бывает он только в этом месте. Во-вторых, Ван разглядел лубяные волокна.

— Если теперь идти к центру, то скоро встретятся клетки камбия — образовательной ткани, — угадав мысли товарища, произнес Ван.

— Это мне как раз и нужно, — небрежно заметил Виктор. — Один-два кадра клеток камбия, которые растут в сторону коры. Я не успел их снять.

— А еще что?

— Больше ничего.

— Из-за этого ты поднял такой шум?

— Сразу видно, что ты ничего не соображаешь в съемках, — снисходительно улыбнулся Виктор. — Иной раз из-за нескольких кадров снаряжаются целые экспедиции.

— Наверное, тогда, когда это действительно нужно. А в данном случае просто каприз.

Ван, конечно, был прав. Он понял причину, заставившую Виктора пойти на эти съемки. Съемки — предлог. Просто он хотел «развенчать» Тиму как «начальника экспедиции», потому что невольно завидовал ему. Это же ясно. Слепой и тот увидит.

Заметил он и растерянность Виктора, когда тот стоял возле ситовидного сосуда. «Не знает, что делать дальше, а скрывает», — улыбнулся тогда про себя Ван.

«До чего же все это глупо, — с досадой думал он. — Не появись я, Виктор так и не знал бы, куда ему идти. Он плохо отличает одно волокно от другого, не понимает, какое лубяное, какое древесинное. И, наверное, сам не нашел бы камбий, а если бы и увидел, то не понял бы, что перед ним».

Ван отчаянно устал, хотел спать. Хорошо бы вернуться, да и Тима, наверное, беспокоится. Об этом он сказал Виктору.

— Не надо было ходить! — пожал плечами Виктор. — Я ведь тебя не просил, нет? А что касается Тимы, то он, наверное, видит десятый сон!

Виктор двинулся куда-то в сторону. Ван поплелся за ним. Они долго продирались из клетки в клетку, пока не подошли к древесине.

— Мы прошли камбий и не заметили, — сказал Ван. — Точнее, мы прошли как раз те его клетки, которые растут в сторону коры.

— Эх, досада! Ну, пошли обратно. Поищем их.

— Ничего не стану искать! — решительно заявил Ван. — Довольно валять дурака! Снимай сейчас. Я еще не знаю, каким путем мы вернемся.

— Ну хорошо, — покорно согласился Виктор; он и сам устал и хотел поскорей вернуться. — Сниму то, что есть.

— Так будет лучше! — сухо отозвался Ван.

Его не на шутку раздражало упрямство этого «кинооператора», который неизвестно ради чего испортил всем настроение и отдых.

Виктор наскоро что-то снял.

— Уже? — удивился Ван.

— Уже. Можем возвращаться.

Когда они шли здесь днем, было светло и потому легче ориентироваться. Теперь же, в темноте, все приняло какой-то странный вид. Фонари освещали узкое пространство, не видно было, что с боков. Устали оба настолько, что еле двигались. Вдруг Ван остановился. Он заметил в стенке клетки свежий надрез. Что это? Шли-шли — и вернулись на старое место!

— Виктор, мы заблудились. Видишь, это наш собственный надрез. Мы кружим.

— Хм… Как же быть?

— Не знаю. Дай сообразить. По-моему, мы в клетках сердцевинного луча, довольно крупных. Значит, на полдороге и от камбия и от сердцевины.

Ван поворачивал фонарь, чтобы осветить впереди себя ряд клеток.

— Пойдем направо. Там, по-моему, есть какой-то сосуд… Между прочим, тебе не кажется, что качает?

— Кажется, — сказал Виктор. — А я подумал, что у меня просто кружится голова.

— Может быть, она и у меня кружится?

В этот момент их так качнуло, что сомнений не оставалось: это не головокружение, ветку сильно трясло.

— Ветер? — предположил Ван.

— Это опасно? — спросил Виктор.

— Откуда я знаю! Во всяком случае, идти трудно, когда тебя бросает из стороны в сторону. А в листе и того хуже… Качка сильнее.

В это время далеко-далеко мелькнул огонек. Он колебался то вверх, то вниз.

— Тима! — радостно закричал Ван.

— Ван! — послышался в наушниках голос Тимы. — А я пошел вас искать. Сильный ветер, Ван. Я возвращаюсь за Катей. Ждите нас в ветке!

Огонек затрепетал и скоро скрылся.

Ван и Виктор тревожно посмотрели друг на друга.

— Пойдем к черешку листа, — сказал Ван. — Скорей. Мало ли что? Может быть, им понадобится наша помощь…

— Да, да, — быстро согласился Виктор. На сердце у него стало неспокойно. Он дорого бы дал, чтобы в эту минуту быть со всеми вместе.

— А ты говоришь, Тима десятый сон видит, — сказал Ван укоризненно. — Нет, я его знаю. Он очень беспокоился, потому и вышел навстречу…

Действительно, Тима спал недолго, беспокойно, чутко.

Окончательно проснулся он во втором часу ночи. Нежно позванивали колокольчики радиомаяка. Светил запасной фонарь. Катя сладко спала. Ни Виктора, ни Вана не было.

Охваченный тревогой, Тима решил идти на поиски. Мало ли что могло с ними случиться? Услужливое воображение рисовало ему одну картину мрачнее другой: то он представлял себе, что погасли фонари и двое блуждают в темноте, а то еще хуже — что-нибудь заело в кислородном баллоне, и они задыхаются.

Тима наскоро набросал записку Кате, чтобы она не беспокоилась, если проснется. А сам, быстро натянув костюм, зажег фонарь и вышел из воздушной клетки.

Он уже был в черешке листа, когда почувствовал, что его качает. «Что такое? Кажется… У страха глаза велики», — решил он и пошел дальше. Но качка усиливалась. К тому времени, когда он добрался до ветки, его уже просто бросало из стороны в сторону. «Надо скорее возвращаться за Катей, — думал он. — Но как быть с теми двумя? Хоть пополам разорвись!»

В этот момент, к радости своей, он заметил вдали огоньки. «Ух, точно гора с плеч! — обрадовался он. — Теперь уже немедля — назад!»

Катю он застал испуганной, бледной. Она уже была в костюме, держала шлем в руке и с нетерпением поджидала товарищей. Записка Тимы озадачила ее. Куда и зачем отправились Ван и Виктор? Почему Тима должен был идти за ними?

А лист между тем так и ходил ходуном. Когда Катя увидела вдали огонек, она схватила маленький фонарик, оставленный Тимой, и замахала им: мол, вижу вас, идите скорей! Появился один Тима.

— Где же остальные? — тревожно спросила Катя.

— Там, в ветке. Помоги убрать радиомаяк. Скорей!

— Почему качает?

— Ветер. Надо поскорей убираться отсюда.

Им пришлось не столько идти, сколько плыть через клетки, не пользуясь сосудами.

Катя старалась держаться рядом с Тимой, но это было трудно. Их так и бросало из стороны в сторону.

Тима попробовал было держать Катю за руку, но тогда неудобно стало плыть.

У Кати закружилась голова, ее подташнивало, как во время качки на корабле. Но девочка стискивала зубы и плыла следом за Тимой как могла быстро.

— Держишься? — изредка оборачивался к ней Тима.

— Держусь!

— Еще немного, Катюша, потерпи!

Но вот навстречу им блеснули два луча.

— Наши! Ну, теперь уже совсем близко, — сказал Тима.

Он схватил Катю за руку, напряг все силы и потащил ее за собой.

Прошло минут двадцать. А может, и больше. Им осталось преодолеть клетки две-три, и тогда они окажутся в более надежном месте — в ветке.

Вдруг раздался оглушительный треск, как гром. В какую-то долю секунды Тима почувствовал, что Катя с силой вырвала свою руку. Потом его закружило, завертело и понесло.

Больше ни он, ни Катя уже ничего не видели, не чувствовали. Оглушенные, они оба потеряли сознание.

* * *

В это время Ван и Виктор находились совсем близко. Их тоже оглушил треск и так качнуло, что они отлетели друг от друга. До слуха донесся вой ветра, скрип дерева. Странно, раньше они ничего не слышали…

Они поспешно стали пробираться вперед. Но почему больше не светят фонари их товарищей? Только что свет горел, Может, сами они идут не вперед, как им казалось, а в противоположную сторону и свет у них за спиной? Здесь ведь ничего не разберешь. Стали оглядываться. Нет, кругом темнота. За тонкими стенками клеток бушует буря.

Виктор остановился в недоумении.

— Почему у них погасли фонари?

— Не знаю, — сказал Ван.

Он поспешно перешел в соседнюю клетку. Виктор — за ним. Ван хотел было идти дальше, но резко остановился.

— Ну, что же ты? — торопил его Виктор. — Идем скорей.

Ван не сдвинулся с места.

— Смотри! — сказал он.

Виктор заглянул через его плечо. Он увидел обрывки клетки, густой ком протоплазмы, сползающей к краю… Вот он исчез, провалился в бездну.

— Что? Что произошло?!

Виктор судорожно вцепился в плечо Вана.

— Лист оторвался, — устало произнес Ван. — Разве ты не видишь?

Виктор похолодел. Сердце бешено застучало. Ноги подкосились.

— Быть этого не может! — вскричал он. — Значит, и Катя с Тимой… Нет, нет, они где-нибудь здесь! Мы их только не видим. У них фонари потухли… Катя! Тима! — звал он.

— Где же здесь? — все так же устало сказал Ван. — Кругом одни обрывки клеток. Говорю тебе — их унесло!

— Что же теперь делать?!

— Не знаю… Пожалуй, надо возвращаться… Поднимем всех на ноги. А здесь? Чем мы им поможем?

* * *

Обратный путь Вану и Виктору показался мучительно долгим. Насколько весело всем им было вчера, настолько тоскливо сегодня. Мальчики почти не разговаривали друг с другом, но оба думали об одном: где теперь их товарищи, что с ними, увидят ли они их когда-нибудь?

Долго добирались они до корневого волоска. Оттуда спрыгнули в пещеру. При этом Виктор упал. Ремень соскользнул у него с плеча, и кинокамера с шумом плюхнулась в озеро, где по-прежнему резвились бактерии.

— Виктор, пропали все твои труды! — горестно воскликнул Ван.

Но Виктор, как ни странно, оставался совершенно равнодушным к своей потере.

— Э-э, чепуха! Жаль, что пропали твои записки, я их в футляр засунул. А пленка? Черт с ней!

Ван пристально посмотрел на Виктора. Сквозь прозрачный шлем видны были его глаза, полные отчаяния. Вану стало жаль

товарища. Ведь он мучается оттого, что кругом во всем виноват. Не уйди он ночью, все четверо вовремя убрались бы из своего ненадежного убежища и теперь шагали бы вместе.

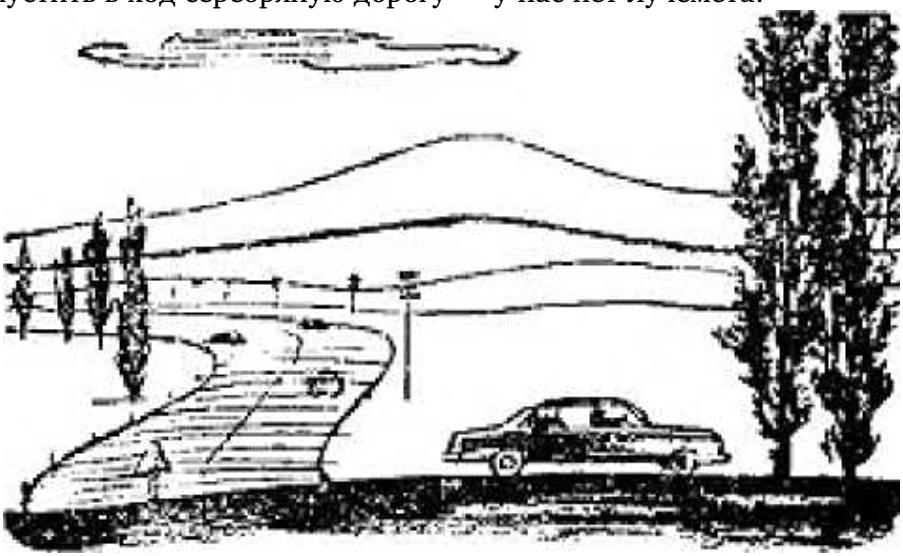
— Ван, неужели мы не найдем их? Неужели это навсегда?! — вдруг вырвалось у него.

Ван молчал. Что он мог ответить? Если бы он это знал!

…Радиомаяк указывал им дорогу. На его перезвоны они держали направление. Шли быстро, почти не глядя под ноги. Удивительно, как они не угодили в одно из озер, кишащих бактериями!

Ван шел впереди. Когда они были уже возле серебряной ленты, Ван так неожиданно остановился, что Виктор едва на него не наскочил.

— Виктор, — тихо произнес он, — еще беда… Мы не сможем пустить в ход серебряную дорогу — у нас нет лучемета!



Часть вторая

Возвращение

Машина мчала Сергея Петровича Долинского по автостраде, соединяющей аэродром с поселком Джохор. Сидя рядом с молодым водителем Борисом, он рассеянно смотрел в окно, насвистывая полюбившуюся ему детскую песенку о каком-то чибисе, который неизвестно куда попал и неизвестно кого все спрашивал: «А скажите, чьи вы…» Слов этой песенки Сергей Петрович никогда не мог запомнить, но мотив ему нравился, и он любил насвистывать его, особенно когда бывал в хорошем расположении духа.

Сегодня Сергей Петрович был отлично настроен. После месячной командировки он — наконец-то! — возвращался домой, в Джохор, который так любил.

Сзади, на мягких подушках, развалился его товарищ по работе, давно уже ставший одним из лучших его друзей, — Владимир Яковлевич Вада.

Долинский, Вада и Кривошеин особенно сдружились во время совместной работы над своей лабораторией превращений.

— Что это Анатолий нас сегодня не встречал? — вдруг вспомнил Сергей Петрович.

— В этакую-то жарищу! — вяло сказал толстый Вада, вытирая большим носовым платком лысеющую голову.

— Да Анатолия Степановича и в Джохоре-то нет, — вмешался Борис. — Он дня три, как на рыбалку уехал.

— Нет, ты слышишь, Владимир? — так и подскочил Сергей Петрович. — На рыбалку отправился! Сумасшедший любитель! И про лабораторию забыл. А ведь дал слово, что не отлучится из Джохора больше чем на один день.

— Ну что особенного? Брось, Сергей! Почему бы человеку и не порыбачить?

Вада снова полез в карман за платком. Ужасная жарища!

По обе стороны дороги, прямой, как стрела, расстилалась унылая песчаная пустыня. Трудно было найти в ней какую-либо красоту, но Сергею Петровичу все здесь нравилось, как всегда нравятся родные места: и бесконечные пески, и небо густо-голубое, почти синее, и этот орел, парящий где-то высоко-высоко, неподвижно распластав мощные крылья.

Автострада была довольно оживленной. Часто навстречу им мчались грузовики и легковые машины. Обгонять себя Борис

никому не позволял. Машина шла «с ветерком», так и пощелкивали о борта поднятые вихрем с дороги мелкие камешки.

— Интересно, Борис, пришли наши аппараты? — спросил Сергей Петрович.

— Пришли позавчера какие-то ящики из Москвы, только не знаю, с чем.

— Наверное, они. Наши радиопеленгаторы для лаборатории. А что нового слышно в Джохоре, Борис?

— Да будто ничего, все по-старому, Сергей Петрович. Живем помаленьку. Вот разве что сегодня ночью такой ветряка поднялся, ужас. Прямо ураган. Я-то спал, ничего не слышал, жена сказала.

— А повреждений не было?

— Да будто нет. Говорят, где-то на окраине несколько молодых деревьев повалило.

— А наш клен? В лаборатории?

— Стоит. Что ему сделается? А листьев нападало, как осенью!

— Ну, это не беда, — беспечно сказал Сергей Петрович и снова стал насвистывать полюбившуюся ему песенку.

Впереди из-за горизонта показалась телевизионная башня. В стороне от нее, левее, вынырнули очертания какого-то другого сооружения — сразу и не понять какого. Только подъехав ближе, можно было разглядеть систему огромных вогнутых зеркал и другие детали солнечной электростанции, делающие ее похожей на какие-то марсианские сооружения из романов Уэллса.

Вот уже приближалась зелень садов, блестящая гладь канала, мост через него… Вот и уютные, спрятавшиеся в тени деревьев коттеджи с белыми шиферными крышами.

— Люблю я наш Джохор! — сказал Сергей Петрович. — Кажется, нет на земле места краше!

— Привычка… — пробормотал Вада.

— Сколько здесь вложено нашего труда! Вот потому, наверное, и люблю Джохор.

Машина остановилась возле дома Долинских. По дорожке сада уже бежала навстречу Мария Николаевна.

— Так ты говоришь, ребята в горы ушли?

Сергей Петрович сидел на террасе и пил кофе. Мария Николаевна рассказывала ему, как она здесь жила без него.

— Сегодня или завтра вернутся… — сказала она. — Хочешь еще стакан? Ты знаешь, получи я твою телеграмму на день раньше, они бы остались, подождали тебя. И я была бы этому очень рада.

— Все волнуешься? Никак не привыкнешь, что сын наш уже большой. Скоро и вовсе, как говорят, из гнезда выпорхнет, что тогда?

— Грустно будет, вот что, и пусто! Не люблю, когда дом пустой.

— А ребятам, наверное, весело вместе.

— Еще бы! Только не нравится мне, что Тима с Виктором часто ссорятся.

— Ну, это их дело. Об этом не беспокойся. А родители Вана, говоришь, уехали срочно в Москву? Парня тебе подбросили, а ты и рада!

— Я люблю Вана. Потом, он все равно целые дни у нас.

Сергей Петрович встал из-за стола.

Он был очень высок — Мария Николаевна едва доставала ему до плеча. У него была такая же густая шевелюра, как у сына, только с проседью, такие же веселые, живые глаза, только окруженные морщинками. Они очень походили друг на друга — отец и сын. Сергей Петрович говорил, что предпочел бы, чтобы Тима унаследовал внешность матери, но Мария Николаевна отвечала, что ей кажется лучшим то, что есть! Вот и все.

— Ужасно рада, что ты приехал! — сказала Мария Николаевна.

Она рассматривала подарки, привезенные из Москвы. Тиме отец купил фотоаппарат.

— Вот Тима обрадуется! — сказала она. — Он давно мечтал о таком фотоаппарате. А тут еще Виктор со своей узкопленочной камерой и вовсе его раздразнил. Пожалуй, Тиме теперь подавай киноаппарат, а?

— Будет и киноаппарат. Когда кончит школу.

— Ну, Сергей, мне пора в институт. А ты? Тоже уйдешь?

— Чуть позже.

— Обед, как всегда, в шесть, не опаздывай. Может, и ребята к тому времени подойдут.

— Было бы превосходно!

Сергей Петрович, оставшись один, стал разбирать бумаги в портфеле, а потом полез в сейф за ключами.

«Странно, куда же я их девал? — пробормотал Сергей Петрович, не обнаружив ключей в сейфе. — Помнится, я клал их сюда. Или… я, кажется, решил отнести их к Анатолию, от греха подальше. Правда, Тима никогда их не трогает, но все же… Да, да, именно так я подумал перед отъездом и, конечно, отнес ключи Кривошеину».

Сергей Петрович запер сейф и пошел к Анатолию Степановичу.

Но Кривошеин еще не возвратился с рыбалки.

Сергей Петрович направился к Ваде. Ведь у него тоже были свои ключи.

Владимир Яковлевич как раз собрался в лабораторию, и они пошли вместе.

Собаки за забором подняли было лай, но, узнав своих, мирно завиляли хвостами.

— Сколько листьев нападало, — мимоходом заметил Владимир Яковлевич, вставляя ключ в замок. — Что значит климат жаркий — легко отрываются.

На пороге аппаратной инженеры остановились в величайшем изумлении: над черной плитой горели четыре сигнальные лампочки.

Вада досадливо поморщился:

— Анатолий кого-то впустил… Что это ему взбрело в голову?

Сергей Петрович обвел глазами знакомую до мелочей аппаратную. Ему бросилось в глаза, что дверь в чуланчик, всегда плотно закрытая, сейчас приотворена.

А чьи это ручные часы? Почему они ему так знакомы?.. Зашевелились смутные подозрения.

— Постой, Володя… Часы, мне кажется, Тимины… — Сергей Петрович рванул дверь чулана. Там были навалены рюкзаки, складная палатка, ботинки… Сергей Петрович понял все.

— Да, это мой парень! Вот негодяй! Обманул мать — сказал, что идет в горы, а сам…

Вада только руками развел:

— Н-да… Чего не надумают эти мальчишки! Но ты не волнуйся, Сергей. Аппараты, по-моему, работают исправно…

— Аппараты-то работают отлично, а вот головы у этих сорванцов — неважно. Не для них, желторотых, предназначена лаборатория. Ведь они же могут черт знает что натворить! Знаешь, я пойду за ними, а ты обожди здесь. Ох, и задам же я Тимке, да и всей компании! Будут у меня помнить.

Спускаясь по серебряной дороге, Сергей Петрович увидел два сияющих ему навстречу луча.

«Они! Возвращаются. Тем лучше. Ну, держись, Тимка! Долго будешь помнить. Если бы мать узнала, она бы с ума сошла!»

Едва он соскочил с ленты, как к нему подбежали двое. Он не разобрал сразу, кто именно.

— Почему вас только двое? Где остальные? Тима, ты?

— Нет, это я, Ван. — Голос Вана дрожал.

Сергей Петрович насторожился.

— Здесь только я и Виктор, — продолжал Ван. — Мы не знали, как нам подняться.

— А где же Тима? Где Катя? — Сергей Петрович схватил Вана за плечо и с силой тряхнул.

— Их нет… Они улетели… с листом.

У Сергея Петровича в глазах потемнело.

— Когда? — отрывисто спросил он.

Ван, задыхаясь от волнения, торопясь, теряя слова, рассказал все, как было. Сергей Петрович слушал молча, затем молча шагнул на серебряную ленту дороги, знаком велев мальчикам следовать за ним.

Пока серебряная лента несла их наверх, Сергей Петрович еще раз заставил Вана рассказать все подробности.

Ван ни словом не обмолвился о ссоре Тимы и Виктора. Он изобразил дело так, будто Тима и Катя случайно задержались.

Чем больше слушал Сергей Петрович, тем яснее для него становились размеры катастрофы. Искать ребят невероятно трудно. Неизвестно, куда их унесло ветром. Радиопеленгаторы? Да, конечно, но предполагалось, что с их помощью можно обнаруживать микролилипутов на участке лаборатории возле дерева. Тогда это просто. Но сейчас? Как искать пылинку, если, ко всему вдобавок, неизвестно, куда ее унесло?!

Вада, узнав о случившемся, рассвирепел. Шагая взад и вперед по аппаратной, он отчитывал ребят.

Ван и Виктор подавленно молчали. Сергею Петровичу даже стало жаль их.

— Оставь, Вада, — сказал он другу. — Ну что ты на них накинулся? Этим делу не поможешь!

— Ты и сам хорош! — кричал Вада. — Сколько раз я тебе говорил: незачем позволять Тиме крутиться здесь! Ведь он же мальчишка — рано давать ему в руки такие опасные игрушки! А ты и слушать не хотел. Наоборот, сделал из него чуть ли не механика. Вот теперь радуйся!

— Да перестань ты! — вышел из себя Сергей Петрович. — Давай лучше подумаем, как быть. Нельзя терять время. Какое счастье, что пришли радиопеленгаторы! Мы должны найти ребят, если… Да что там: говори, с чего начинать?

Первое, что решили сделать, это собрать те листья, которые лежат возле дерева, и просмотреть их под микроскопом. Если, к счастью, удастся обнаружить лист с ребятами, все будет в порядке. А если нет, ну, тогда придется действовать по-другому.

Вана и Виктора послали собирать листья. Сергей Петрович вышел вместе с ними, чтобы запереть собак.

Через несколько минут Долинский вернулся в аппаратную. И там они с Вадой стали обсуждать, каким образом организовать поиски в том случае, если ребят унесло ветром за пределы сада при лаборатории.

Разумеется, нужно спешно монтировать радиопеленгаторы. Эх, Кривошеина нет! Он сейчас так необходим! Втроем они бы

сделали все куда быстрей.

— Пойдем, Вада, нельзя терять ни минуты! — лихорадочно твердил Сергей Петрович. — Надо немедленно начинать.

— Пойдем, пойдем, — соглашался Вада. — Только… не нервничай так! Ну, ну, я все понимаю… Но мы ведь их найдем, я уверен! Главное — не терять голову…

Он подошел к другу и мягко положил ему руку на плечо.

Сергей Петрович молчал. Он думал о том, что сказать жене. Он охотно скрывал бы от нее, какая беда обрушилась на них, до тех пор, пока Тима не найдется. Но разве можно что-либо скрыть в маленьком поселке?!

Мария Николаевна слушала сбивчивый рассказ мужа и некоторое время ничего не могла понять.

Что такое он говорит? Аппаратная… микролилипуты. Какой-то оторванный лист… Какое это имеет отношение к Тиме? Ведь он же в горах.

— Да нет, говорю тебе! Они не ходили в горы!.. — ласково повторял Сергей Петрович. — Это они наврали…

— Ах, наврали! Я так и знала, что тут что-то не то! Ты распустил мальчишку! А теперь… теперь… Сережа, милый, неужели же это правда? Неужели он пропал и таким ужасным, невероятным образом? Микролилипут… Ужас какой! Ужас!..

Мария Николаевна разрыдалась.

Сергей Петрович молча гладил ее по голове:

— Маша, пойдем отсюда.

Сергей Петрович пришел со своей недоброй вестью к жене в институт.

В комнату все время кто-то заглядывал, не решаясь войти. Это были сослуживцы Марии Николаевны. Они еще ничего не знали и с недоумением перешептывались:

— Что-то случилось! Мария Николаевна плачет, и сам Долинский мрачнее тучи…

Сергею Петровичу никого не хотелось видеть, и он поспешил увести жену домой.

Слух о происшествии в семье Долинских быстро облетел весь Джохор. Он казался настолько странным, что многие отказывались ему верить.

О том, что в поселке существует «лаборатория превращений», известно было всем. Никто не делал из нее тайны. Первое время она вызывала жгучее любопытство, а потом все как-то привыкли к мысли, что есть в Джохоре странная лаборатория, где можно превратиться в невидимку, но ничего при этом не происходит особенно любопытного (кроме самого факта превращения, конечно): лазают где-то в почве, внутри дерева, только и всего.

И вдруг неожиданно лаборатория снова стала в центре внимания всего поселка.

Все заволновались. Долинских хорошо знали. И, кажется, не было ни одного человека в Джохоре, который отнесся бы равнодушно к их беде.

Происшествие было из ряда вон выходящим. Казалось невероятным, что можно будет найти пылинки, затерявшиеся где-то здесь, близко, но вместе с тем и недосягаемо далеко.

Случилось так, что в этот же день товарищи Тимы возвращались из дальнего похода в горы.

Шли они в ногу, растянувшись цепочкой, лихо распевая песни.

Все они немного похудели, загорели и настроены были на самый что ни на есть веселый лад.

Ребята соскучились по дому и теперь возвращались с радостью.

На окраине поселка ребята разошлись в разные стороны — каждый к себе домой.

Трем подружкам — стройной быстроглазой Наташе, маленькой озорной толстушке Лиле и застенчивой, медлительной Ксении — было по дороге, и они втроем отделились от остальных. Путь их лежал вдоль канала, мимо поля, поросшего цветами.

На поле они увидели двух мальчиков в широкополых войлочных шляпах. Мальчики медленно пересекали поле, глядя себе под ноги, словно что-то искали. В руках одного из них была корзинка. Изредка они поднимали что-то с земли, клали в корзинку и шли дальше, все так же внимательно глядя вниз.

— Похоже на Вана, — сказала быстроглазая Наташа.

— Наверное, с Тимой, — предположила толстушка Лиля.

— Нет, по-моему, это не Тима, — заметила застенчивая Ксения.

— Ну, тебе лучше знать! — захохотала Лиля, лукаво подмигивая.

Ксения покраснела. Подружки знали ее особую склонность к Тиме.

Подойдя поближе, они действительно убедились в том, что один из мальчиков был Ван, но другой, высокий, совсем незнакомый.

— Кто это, девочки? — поинтересовалась Наташа.

— Сейчас узнаем, — сказала Лиля и, помахав рукой, весело крикнула: — Привет, Ван! Как живешь?

Ван поднял голову. Изобразив на своем лице нечто вроде улыбки, он нерешительно остановился.

— А где твоя тень? — не унималась Лиля.

— Да это он тень Тимы, — поправила ее Наташа.

— Неважно. Что ты там ищешь? Ягоды, что ли?

Ван пробурчал в ответ что-то непонятное и, не проявляя никакого желания вступать в разговор с подружками, пошел дальше. Виктор даже не посмотрел в их сторону.

Обиженные таким невниманием, девочки тоже не стали задерживаться — они затянули веселую песню и скоро скрылись

среди деревьев парка.

Вану не хотелось рассказывать им, что произошло. «Потом узнают сами», — решил он про себя. Он посмотрел им вслед и с тоской подумал, что вот и они с Тимой могли бы сегодня возвращаться из похода вместе со всеми. И ничего бы не было… Тима был бы здесь, а теперь…

Ван тяжело вздохнул и снова стал пристально глядеть себе под ноги — не завалялся ли среди высокой травы листок клена, заброшенный сюда своенравным ветром.

* * *

Наташа взбежала по ступенькам крыльца, с шумом сбросила с себя рюкзак и толкнула входную дверь. Бабушка так и всплеснула руками от радости:

— Наконец-то, Наташенька! А я уж думаю, что так долго, не случилось ли чего? Все беспокоилась.

— Ну, что ты, бабуся! Что может случиться? Так хорошо было, просто ужасно!

Наташа звонко в обе щеки расцеловала старушку и сразу весь дом наполнила шумом и суетой.

— Есть, поди, хочешь, Наташенька? — забеспокоилась старушка. — Сейчас, сейчас тебе подам.

— Подожди, бабуся, сначала надо пыль дорожную смыть.

Дома никого не было — все разошлись по делам: и Борис и его жена Надя, работавшая в институте лаборанткой.

Наташа плескалась в ванной, распевая во все горло песни.

Наконец, умытая, свежая, с мокрыми распущенными волосами, она уселась за стол в кухне и принялась с аппетитом уничтожать обед, приготовленный искусными руками бабушки.

— А я по тебе соскучилась, бабуся, — сказала Наташа, вскочила и снова расцеловала старушку.

— Да ты ешь, — ласково отмахивалась бабушка, — ешь спокойно.

— Ну, что дома? Как Борис, Надя?

— Ничего, живут. То на работе, то гулять уйдут, а я все одна топчусь тут по дому. Слава богу, ты вернулась. А то все думаю да тревожусь…

— Пустяки! О чем тревожиться? Ты всегда выдумаешь, бабушка!

— Да как же, родная, мало ли что бывает! — сказала она вдруг таинственно.

Наташа не обратила на эту таинственность никакого

внимания. Она привыкла, что бабушка всегда и за всех волнуется.

— Ну, а что в Джохоре слышно, какие новости?

— Ох, есть новости, — с тем же таинственным видом сказала бабушка. — Плохие… Слышно, у Сергея Петровича сын-то, Тимка вихрастый, пропал!

Наташа опустила ложку:

— Как — пропал?

— Так вот пропал, улетел. А ты говоришь…

— Ничего я не говорю. Куда улетел? В Москву, что ли?

— Какое там в Москву! Здесь в Джохоре.

— Куда же тут улетишь? Ты что-то не то говоришь, бабушка.

В это время дверь с шумом распахнулась, и в кухню стремительно влетел Миша Медведев, одноклассник Наташи, тоже вернувшийся сегодня из похода.

Он был так взволнован, что даже забыл поздороваться с бабушкой, и уже с порога закричал:

— Наташа, Тима улетел!..

Наташа переводила удивленный взгляд с Миши на бабушку и обратно на Мишу.

— Да что вы все, с ума, что ли, сошли? Вот и бабушка тоже говорит: улетел.

— Здравствуйте, бабушка! — спохватился Миша. — Понимаешь, Наташа… — И он, захлебываясь от волнения, рассказал то, что сам узнал сейчас дома от матери. Наташа слушала, не сводя с него тревожных глаз. Потом, не говоря ни слова, решительно встала, завязала лентой мокрые волосы и направилась к выходу. Миша за ней.

— Куда ты, Наташа? И поесть-то не успела! — заволновалась бабушка.

Наташа только крикнула с порога:

— Какая тут еда? Человек пропал, а ты… — и стремглав бросилась вон из дома.

Они с Мишей, не сговариваясь, побежали в парк. Там у них было место, где их класс всегда встречался либо перед походом, либо в экстренных случаях, когда надо было собраться вместе и потолковать.

Их нагнали Лиля с Ксенией. Даже обычно медлительная Ксения бежала так быстро, что Лиля за ней еле поспевала.

— А мы за тобой заходили! — запыхавшись, бросили они Наташе. — Ты уже знаешь?

Наташа молча кивнула.

В парке они увидели беспорядочную толпу школьников. Здесь были не только Тимины одноклассники, но и ребята из других классов. Все они взволнованно переговаривались.

— Ну что? — спросила Наташа, подбегая к товарищам.

— Ждем Олега, — ответили ей. — Он пошел узнавать, что нам делать. Говорят, поиски уже начались.

— Как же искать? Просто не понимаю, — развела руками Наташа.

— Идет, идет! — послышались голоса.

Олег Леонидов — серьезный парень с умным, энергичным лицом и удивительно добрыми глазами — размашисто шагал по дорожке парка. Он один из первых узнал о событиях от своего отца, научного сотрудника Института селекции, и тотчас же кинулся к Марин Николаевне.

— Мария Николаевна… извините! — начал он, нерешительно остановившись на пороге. — Может, я некстати, но… я… мы… Тимины товарищи, хотим узнать, не нужна ли наша помощь?

— Спасибо, Олег! Спасибо… Пойди к Сергею Петровичу. Он лучше моего знает, что нужно, — сказала Мария Николаевна и тяжело вздохнула. — Беги к нему, Олег.

Сергея Петровича Олег не видел. В лаборатории, куда направился юноша, его встретил только что вернувшийся с рыбалки Анатолий Степанович Кривошеин. Растерянный, сбитый с толку, чувствуя за собой вину, он обрадовался, увидев Олега. Кривошеин как раз думал о том, что надо бы побольше людей отрядить на сбор опавших листьев. Листья кружились и разлетались всюду. Школьники могли бы разбиться на отдельные группы по участкам и внимательно осмотреть все вокруг в радиусе четырех-пяти километров.

— Ну что? — накинулись на Олега товарищи. — Узнал?

Олег остановился, нервно провел рукой по волосам.

— Узнал, — сказал он.

— Как это произошло? — раздались голоса.

— Я не спрашивал. Не это важно. Важно, как их искать.

— Кого — их? Разве Тима не один?

— Нет, их двое. С ним еще одна девочка…

— Какая? — удивилась Ксения.

— Не все ли равно, какая! — нетерпеливо возразил кто-то.

— Ксении, видно, не все равно, — хихикнул Миша.

На него все зашикали, а Ксения густо покраснела.

— Мишка, ты дурак! — возмутилась Наташа. — Тут такое случилось, а ты с глупостями!

Смущенный Миша шмыгнул в толпу.

— Вот что, ребята, — сказал Олег: — нам нужно разделиться на группы и собирать листья клена. Все, какие только попадутся. Возможно, что в одном из них окажутся… они. Думаю, ни один из нас не останется дома.

Толпа загалдела разом. Как можно об этом спрашивать! Да все они будут искать хоть целую неделю, до тех пор, пока не останется ни одного оторванного листочка на десять километров в округе.

— Мы тоже пойдем! — закричали школьники младших классов. — Неужели же мы останемся! Собирать листья все могут!

— Конечно, все, — сказал Олег. — Если мы дружно примемся за дело, мы их найдем!

Но в голосе его не было уверенности. Да и вообще вся история казалась ему — и не одному ему — настолько невероятной, что просто невозможно было отнестись к ней с полной серьезностью. Казалось, что кто-то пустил по Джохору веселую шутку и теперь смотрит, какое она произвела впечатление.

— Давайте разобьемся на группы, — предложила Лиля, а потом, подумав, прибавила неуверенно: — А может, нужно всем нам сначала зайти к Долинским, к матери Тимы? А?

— Зачем? — загалдели все снова. — Олег уже был. Чем мы ей поможем?

— Нет, надо! — раздались голоса.

— Нет, не надо! — кричали другие.

— Надо, надо! Мы скажем ей…

— Что скажете? Сочувствие выразите? Только хуже будет!

— Нет, не хуже! Она должна знать, что мы готовы сделать все, чтобы…

— Вот и будем делать, а незачем ходить да болтать!

Поднялся шум. Олег вскочил на скамейку, протянул руку, стараясь обратить на себя внимание:

— Ребята, ребята, подождите, не шумите! Я хочу сказать…

— Ну и говори, кто тебе мешает! — кричали одни.

— Да вы же не даете ему рот раскрыть! — старались перекричать их другие.

На скамейку, рядом с Олегом, вспрыгнула Наташа.

— Ребята, — закричала она, — как не стыдно! Что вы шум подняли? — Она была вся красная от волнения, в голосе звенели слезы.

Ребята притихли.

— Вы галдите без толку, а листья-то лежат. Надо подбирать их скорей, мало ли что может случиться каждую минуту. Тиму могут просто растоптать!.. Ой, ужас какой!

— Верно, верно! — раздались испуганные голоса. — Пошли скорей!

— Сейчас мы разобьемся на группы, — предложил Олег, — и распределим, кто на какой участок пойдет. Нужно «прочесать»

пять километров в окружности.

Ребята столпились вокруг Олега. Он назначил бригадиров. И скоро все школьники разбрелись в разные стороны, внимательно глядя себе под ноги.

— Вот, оказывается, что делал Ван, — вспомнила Наташа недавнюю встречу в поле.

— Да… — задумчиво произнесла Ксения. — А мы тогда песни пели.

— Но ведь мы же ничего не знали! — как бы оправдываясь, сказала Лиля.

Машины в тот день двигались по Джохору еле-еле. Шоферы не очень-то верили странной истории с Тимой, но из уважения к Долинскому, которого все любили, пообещали подбирать по пути кленовые листья. Они пристально всматривались в лежащую перед ними дорогу.

Заметив лист, останавливались, соскакивали, подбирали его и тогда ехали дальше.

Весь поселок был взволнован. Только и было разговоров, что об исчезнувших ребятах. Охали, ахали и старательно подбирали листья.

Какая-то старушка шла по улице. Увидела под ногами лист. Нагибаться ей было трудно. Она поджидала прохожих. Ее обогнала стайка малышей.

— Дети, — сказала старушка и палкой показала на лист, — поднимите.

Дети охотно подбежали.

— Это, бабушка, тополь. Такой не нужен. Мы собираем только кленовые.

— А-а… Ну бог с ним. Я плохо вижу — не разобрала. — И пошла дальше, тяжело опираясь на палку.

Сергей Петрович возился на институтском дворе. Здесь собирали и устанавливали новые радиопеленгаторы. Именно за этими аппаратами инженеры ездили в Москву. Заказаны они были на тот случай, если кто-либо из исследователей, превращенных в микролилипута, во время работы случайно упадет с листа. С помощью пеленгатора его легко было бы найти.

Правда, Сергей Петрович и его товарищи считали, что падение с листа почти исключено. Перед тем как отправляться в почву и внутрь дерева, ученые всегда брали сводку погоды. Если предсказания говорили, что возможен дождь, а это бывало очень редко, или сильный ветер, что случалось гораздо чаще, — то исследования откладывались до наступления благоприятной погоды.

Сейчас на эти радиопеленгаторы возлагались все надежды.

Вместе с Сергеем Петровичем работал во дворе института и Владимир Яковлевич Вада. А Кривошеин был в лаборатории — на тот случай, если вдруг Тима и Катя вернутся самостоятельно, хотя это было маловероятно.

Сергей Петрович проверял аппарат, когда к нему подошел невысокий, грузный Кулешов, бухгалтер института:

— Здорово, Долинский.

Он крепко пожал протянутую ему руку.

— Вот что, Сергей, — помолчав, начал он: — хочу сказать, что все мы готовы тебе помочь. Ты только говори, что нужно. Все сделаем.

— Спасибо, — сказал Сергей Петрович. — У меня сегодня весь Джохор перебывал. И ребята из школы приходили. Не знаю, как и благодарить…

— Да какая тут благодарность! Само собой разумеется… — Помолчал. Потом спросил: — А жена как?

Сергей Петрович только рукой махнул:

— Плохо… Беда двойная: Тима не один, с ним девочка… гостила у нас!

— Слыхал, слыхал… Может, обойдется? — неуверенно сказал Кулешов.

— Надеюсь… Не хочу и думать о чем-либо другом…

— Я тут тоже горсточку листьев собрал, — немного смущенно сказал Кулешов.

Ему это занятие казалось каким-то несерьезным.

Хотя он и не раз бывал в лаборатории и видел процесс превращения на черной плите, но все же не укладывалось в голове, что в тоненьком листочке может быть человек, и даже не один! Впрочем, если был один, то почему бы и не быть там хоть сотне?

Сергей Петрович молча положил листья в стоявшую неподалеку корзинку. Пришел молодой лаборант, чтобы отнести их в лабораторию для исследования.

Сергей Петрович вопросительно взглянул на него. Тот только отрицательно покачал головой. Ничего утешительного.

Появились Ван и Виктор тоже с листьями. Вид у них был замученный. Они ни на минуту не присели с тех пор, как вернулись из своего злосчастного путешествия.

Задавать вопросы они боялись. Да к чему спрашивать! И без того по лицу Сергея Петровича видно, что нет хороших новостей.

Виктор мучился ужасно. Он порывался было признаться в своей вине Сергею Петровичу, но язык у него не поворачивался.

Ван понимал, что происходит в душе товарища, и как-то сказал ему:

— Не говори сейчас, Виктор, никому. Делу не поможешь, и не до тебя сейчас…

Виктор ничего не ответил. Он вообще почти перестал разговаривать. На сердце у него лежал камень. Он так давил, что, казалось, трудно было дышать. «Зачем, зачем я это сделал?..» — твердил про себя Виктор.

До поздней ночи собирали мальчики листья, в темноте ходили с фонариками, пока не почувствовали, что ноги их больше не носят. Ведь предыдущую ночь они не спали!

Ночевать пошли к Вану. Там, не раздеваясь, бросились на постель и забылись тяжелым сном.

Рано утром вскочили и снова отправились на поиски.

Ранним утром поднялись и Долинские. Оба не спали. Сергей Петрович вернулся домой в третьем часу ночи. Аппараты были собраны, но пришлось отпустить людей хоть на несколько часов. Все очень устали — нужно было дать им немного поспать. Решили выехать на поиски в шесть утра.

— А где же Ван и Виктор? — вспомнила Мария Николаевна.

— Они не хотели тебя тревожить, — отвечал Сергей Петрович. — Пошли к Вану.

Мария Николаевна забеспокоилась. Вчера она забыла обо всем на свете, а сегодня привычка заботиться о других вступила, помимо ее сознания, в свои права. Она приготовили бутерброды, налила в термос кофе и велела мужу отдать все это ребятам.

— Пусть обязательно поедят, — наказывала она. — А то еще с ног свалятся, бедняги.

Сергей Петрович ласково обнял ее за плечи:

— Ничего, Маша, мы их найдем! Может быть, даже сегодня они будут дома!

Мария Николаевна тяжело вздохнула.

Грузовик с установленной в кузове высокой башней стоял на дворе института, готовый к выезду. Аппарат, его рабочая часть, находился на башне.

Чем выше стоит радиопеленгатор, тем большую площадь может «прощупать» его антенна, настроенная на волну передатчиков Кати и Тимы. Передатчики эти должны работать даже в том случае, если основные приборы выйдут из строя; тогда автоматически включается аварийный, беспрерывно посылающий волны в эфир.

Прежде вся трудность заключалась в том, что мощность этих передатчиков была очень мала, принимать их можно было только на расстоянии двадцати-тридцати сантиметров. Но теперь эта трудность была преодолена. Новый пеленгатор был настолько чувствителен, что мог улавливать сигналы на расстоянии до

семидесяти метров. Поэтому всю площадь, где примерно могли находиться путешественники, разбили на квадраты размером 100×100 метров.

Антенна пеленгатора медленно вращалась и в то же время постепенно меняла свой наклон. Стоило ей поймать сигнал передатчика одного из пропавших путешественников, и она бы немедленно остановилась. При этом должно было включиться устройство автоматического управления, под действием которого грузовик с пеленгатором медленно покатился бы к той точке, где работает передатчик. Подойдя почти вплотную к источнику сигнала, грузовик должен был автоматически остановиться.

Теперь антенна пеленгатора указывала бы на участок площадью всего около ста квадратных сантиметров. Этот участок уже не трудно обследовать с помощью микроскопа, который находился тут же, в машине.

Карта местности, разбитая на квадраты, была составлена еще вчера. По всем расчетам кленовый лист не могло унести дальше чем за три-пять километров. Ветер дул порывами, с запада — стало быть, надо искать ребят в восточном направлении. Площадь исследования определили в десять квадратных километров. Всего получилось тысяча квадратов, по гектару в каждом.

Несмотря на ранний час, на институтском дворе было людно. Многие пришли сюда, чтобы взглянуть на новый пеленгатор, и все до одного для того, чтобы от всего сердца пожелать удачи.

Пришли и товарищи Тимы. Они продолжали сбор листьев. Но, перед тем как разойтись по своим участкам, они решили забежать на институтский двор: все-таки любопытно, как новый локационный аппарат начнет работу.

За рулем машины сидел Борис. Он попросил освободить его от других работ, чтобы участвовать в поисках. Молодой парень был очень привязан к Сергею Петровичу.

Наверху, на площадке башни, стояли Долинский и Бада. Кривошеин по-прежнему дежурил в лаборатории.

Машина с пеленгатором тронулась. Толпа любопытных расступилась, чтобы дать ей дорогу.

Поиски начались от двора лаборатории. Возможно, что Катя и Тима выпали из листа и находятся где-то возле клена. Перед Долинским и Вадой лежал план местности, разбитый на квадраты. На контрольную пластинку аппарата был нанесен весь план, со всеми квадратами, только в уменьшенном виде. Сергей Петрович включил аппарат. Голубоватым светом вспыхнул обследуемый квадрат на контрольной пластинке.

Антенна, поворачиваясь, долго ощупывала квадрат, но сигнальная лампочка не загоралась.

Квадрат за квадратом обшаривали местность, боясь оставить не обследованным хотя бы один сантиметр. Машина медленно передвигалась с места на место, возвращалась обратно, опять шла вперед.

Кривошеин сидел в лаборатории; время от времени он переговаривался с товарищами по радиотелефону.

Ничего утешительного пока не было. Кривошеин сообщил, что школьники принесли еще несколько листьев, наверное последние. Он сам исследовал их, но безрезультатно.

Ван и Виктор то бегали к машине, то заходили в институт, чтобы узнать, нет ли там чего-либо нового, то снова возвращались в лабораторию. Делать им теперь было нечего, и это оказалось самым трудным.

К ним наведывались школьные товарищи. Чаще других забегали три подружки: Наташа, Ксения и Лиля.

Ван и Виктор неохотно покидали аппаратную, чтобы выйти к ним в сад. Они боялись пропустить известие от Сергея Петровича. Он часто звонил по радиотелефону Кривошеину.

Девочкам очень хотелось узнать подробности происшествия. Да и само путешествие вызывало острое любопытство. Прямо спрашивать они не решались, заводили разговор издалека. Но Ван не желал понимать их намеки. «Пустое любопытство!» — думал он сердито, хмурился и отделывался односложными, ничего не объясняющими фразами.

Виктор тот и вовсе словно в рот воды набрал — не произносил ни слова.

В конце концов девочки обижались и уходили. А Ван и Виктор вздыхали с облегчением и возвращались в аппаратную. Они бросали вопросительные взгляды на Кривошеина, но тот лишь отрицательно качал головой. Нет, ничего нового…

В эти бесконечные часы ожидания они совсем измучились. «Лучше было бы нам быть вместе с Катей и Тимой, — думали они, — чем сидеть так и ждать».

Мария Николаевна пошла к себе в институт. Пыталась работать, но все валилось у нее из рук. И все-таки здесь ей было лучше, чем дома. Дружеское молчаливое внимание, которым окружали ее товарищи, помогало ей справляться с горем.

Каждый раз, когда кто-нибудь открывал дверь в кабинет, Мария Николаевна порывисто оборачивалась, всматривалась в лицо: не прочтет ли на нем добрую весть? Нет, напрасные надежды!

До глубокой ночи продолжались безуспешные поиски.

Поспав, вернее — полежав, два-три часа, Сергей Петрович вскочил и снова побежал к пеленгатору.

Снова выехала машина. Снова началось тщательное обследование квадратов — одного за другим. С Долинским теперь работал Кривошеин, а Вада остался в лаборатории.

Так миновало трое суток. На четвертые друзья заставили Долинского остаться в лаборатории.

— Посиди немного там, — говорили они. — На тебе лица нет. Может быть, заснешь на часок — тебе необходимо.

Долинский покорно согласился. Он пришел в аппаратную, сел возле стола, опустив голову на руки, и застыл неподвижно.

Ван и Виктор тихонько вошли следом за Сергеем Петровичем и уселись в углу.

В лаборатории царила гнетущая тишина. Слышно было, как громко тикают часы да муха бьется о стекло, пытаясь вылететь из комнаты.

Вдруг часов около одиннадцати утра в передней послышался топот детских ножек. Так как в лабораторию в эти дни то и дело приходили с разными поручениями люди, собак давно заперли в сарай, чтобы они никого не пугали своим грозным видом.

Топот прекратился возле дверей. Сергей Петрович продолжал сидеть, даже не обернулся. Может, он заснул? Виктор поднялся, тихонько открыл дверь — посмотреть, кто пришел.

Возле дверей, переминаясь с ноги на ногу, стояли две маленькие девочки: одна с туго заплетенными белобрысыми косичками, другая — черненькая, с прямыми волосами, подстриженными в кружок.

— Вам что нужно, девочки? — шепотом спросил Виктор.

— Дядю Сережу, — нестройным хором сказали девочки.

— Тсс… — тихо остановил их Виктор.

— Я не сплю, Виктор. Кто там?

Девочки уже увидели Сергея Петровича и смело направились к нему.

— А-а, Машенька и Дашенька, — улыбнулся Сергей Петрович. — Здравствуйте, девочки!

Сергей Петрович полез было в карман за конфетами — он всегда угощал ребят, — но ничего не нашел и развел руками, как бы желая сказать: «Вы уж извините, не запасся».

Вперед выступили белобрысые косички:

— Дядя Сережа, мы лист принесли.

— Вот умницы! Давайте его сюда. Вряд ли это то, что мы все ждем, но посмотреть нужно… — пробормотал он. «К тому же девочки, наверное, не очень-то отличают клен от тополя», — думал Сергей Петрович.

— Он только немножко высох, — сказала Дашенька и стала выворачивать кармашек.

Оттуда посыпались полусухие кусочки на пол. Ван и Виктор кинулись их подбирать.

Лист был кленовый, только он, по-видимому, завалялся в кармане Дашеньки.

Собрав все кусочки, Ван и Виктор положили их на предметное стеклышко микроскопа. Сергей Петрович стал его внимательно рассматривать. Ван и Виктор не спускали глаз с Долинского.

Машенька и Дашенька с любопытством оглядывались. Они подошли к одному из высоких серых аппаратов и осторожно, пальчиками водили по его холодной блестящей поверхности. Им очень хотелось дотянуться до красной лампочки, вделанной в аппарат.

— Гм… — вдруг громко произнес Сергей Петрович. Девочки испуганно оглянулись. Сергей Петрович стоял, склонившись над прибором.

— Что-то странное… — пробормотал Сергей Петрович. Ван и Виктор вздрогнули. У них обоих заколотилось сердце.

— Это не хлорофилл и не кристаллы, — сказал Сергей Петрович после минутного молчания.

— Они?! — робко спросил Ван, не смея этому верить.

— Нет, нет… Но что-то постороннее. Надо выяснить, что именно.

Сергей Петрович включил аппараты. Загудел трансформатор, и девочки испуганно прижались друг к другу. На них никто не обращал внимания, и они тихонько выскользнули во двор.

Сергей Петрович перенес кусочки листа на черную плиту.

Прошло томительных полчаса, как вдруг на плите стало что-то заметно увеличиваться, раздвигая сухие кусочки листа, оставшиеся без изменения. Никакой предмет на этой плите не мог сделаться больше своей нормальной величины. А здесь что-то явно росло.

Определить, что именно появилось на черной плите, было трудно — нечто узкое и длинное. Первоначальный цвет его, наверное, изменился: сейчас длинный предмет выглядел бурым, в пятнах.

— Лента! — вдруг закричал Виктор. — Это Катина лента! (Сергей Петрович побледнел.) Ван, ты помнишь? Помнишь? Катя потеряла свою ленту, когда причесывалась. Это ее лента! Это наш лист!..

«Плавающий остров»

Виктор не ошибся: это был тот самый лист. Но где же Катя, где Тима? Куда они исчезли?

Ветер, оторвав кленовый листок от ветки, крутил и вертел его, пока ему не надоела эта забава. Тогда он швырнул его и помчался дальше, предоставив путешественников их печальной судьбе.

Тима очнулся первый. Сначала он не мог понять, где он и что произошло. Он лежал, окруженный со всех сторон вязкой жидкостью, как будто на дне реки. Тима хотел пощупать голову, но рука его наткнулась на что-то твердое. Ах да, шлем. И фонарь горит. Вот почему так светло. Тима все вспомнил.

А Катя?

Вот и она, лежит в отдалении. Свет от ее фонаря идет вверх, значит, она лежит на спине.

Быстро двигаться Тиме было трудно, страшная слабость сковывала его. Понадобились усилия, чтобы подплыть к Кате. Сквозь прозрачный шлем было заметно, как она бледна. Тима хотел пощупать пульс, но мешал рукав, плотно охватывавший запястье.

Мальчик беспомощно оглянулся. Надо бы снять с Кати шлем, чтобы скорей привести ее в чувство. Тима решил перенести ее в

ближайшую воздушную клетку.

Он перебирал в памяти подробности катастрофы. Что было? Ах да, они уже находились возле ветки, как вдруг раздался оглушительный треск. Больше он ничего не помнил.

Боясь, что с Катиным шлемом что-то случилось и плохо подается кислород, Тима торопился скорей достигнуть воздушной клетки. Когда он наконец втащил в нее бесчувственную девочку, то сам принужден был хоть на минуту присесть, такая его охватила слабость.

Он снял шлем сначала с Кати, потом уже с себя.

Катя по-прежнему была неподвижна и бледна. Тима перепугался насмерть.

Не зная, как привести девочку в чувство, он взял ее за плечи и немного потряс. Не помогает… Надо бы воды… А где ее возьмешь? Тима готов был прийти в отчаяние, когда веки у Кати дрогнули и она открыла глаза.

Свежий воздух сделал свое дело.

— Катя, Катюша! — тихо позвал Тима. — Жива?

Катя посмотрела на Тиму. Она была так слаба, что в ответ не могла произнести ни слова, только снова прикрыла веки.

— Сейчас я тебе дам чего-нибудь глотнуть. — Тима поспешно вытащил трубку от баллона с соками и поднес конец ее к Катиному рту.

Катя слабо сжала трубку зубами. Крышка открылась — и в рот полилась освежающая струйка сока.

Катя отстранила трубку. Немного полежала не шевелясь, с закрытыми глазами. Потом что-то прошептала. Тима низко склонился над ней, подставил ухо, стараясь уловить ее слова.

— Повтори, Катюша, — попросил он.

— Где мы? — услышал он ее слабый голос.

— В листе, Катя.

— Что это было? Гром, треск…

— Все в порядке, Катя! — бодро сказал Тима. — Мы живы и скоро будем совсем здоровы. Ничего не болит?

— Нет, только слабость…

— Это пройдет, — уверенно сказал Тима.

— Нужно идти. Нас ждут…

— Ничего, подождут! — беспечно заявил Тима. — Знаешь что: ты полежи, а я схожу разузнаю, где Ван и Виктор. Приведу их сюда. Тогда мы все вместе возьмем тебя на буксир. Ладно?

Катя в знак согласия прикрыла веки.

Тима, надев шлем, отправился на разведку. Когда он добрался до той клетки, где они с Катей находились в момент катастрофы, то обнаружил, что только тонкая стенка отделяла его

от воды, которой полны были все смежные клетки. Это было пренеприятнейшее открытие.

«Ого! — подумал он. — Дело дрянь! Лист-то оторвался! Да еще угодил в воду. Что за вода? Может, просто лужица, а может…»

Тима осторожно разрезал стенку, высунулся наполовину в это отверстие и, вооружившись уменынителем, стал осматриваться.

Ветер почти стих, лист едва покачивался на воде. Неужели их унесло в канал?! Тима стал искать уменынителем берег. У него немного отлегло от сердца. Он увидел высокую траву, камыши…

Пруд. Берега канала облицованы камнем, а здесь трава. Осмотрев окрестности внимательнейшим образом, Тима окончательно убедился в том, что они в пруду. Он узнает его. И камыши, и белые водяные лилии-кувшинки. Да, да, пруд, недалеко от Джохора: километрах в полутора-двух, не больше. Если бы они попали в канал, их унесло бы течением, и… поминай как звали! А пруд… это не так уж плохо, в конце концов. Отсюда можно выбраться. Как? Этого Тима еще не представлял, но все же оставалась какая-то надежда.

Тима поспешил обратно.

Катя уже чувствовала себя лучше. Тима застал ее расхаживающей из угла в угол.

— Ну что? — бросилась к нему Катя. Она удивилась, увидев его одного.

— Все в порядке, — ответил он. — Мы в пруду.

У Кати подкосились ноги.

— Как… в пруду?! Значит, лист унесло?

— Унесло, Катюша, — охотно согласился Тима и поспешно прибавил: — Могло быть куда хуже! Представь, если бы мы попали в канал.

Катя так побледнела, что Тима взмолился:

— Только, пожалуйста, не падай в обморок! Прошу тебя! Все будет хорошо, вот увидишь. Завтра мы будем дома, мама испечет пирог, и мы будем пить настоящий чай!

Он говорил первое, что попадалось на язык, чтобы успокоить девочку. Кроме того, нужно держать себя в руках. Раскиснешь — хорошего будет мало.

— Ой, Тима, ты несешь вздор! — растерянно прошептала Катя.

Для нее такой поворот дела оказался совсем неожиданным. Она почему-то была уверена, что лист на месте, что сейчас придут мальчики и они отправятся вместе домой. И вдруг такой удар!

— Как же мы теперь будем? — спросила она; голос ее звучал

по-детски беспомощно.

— Во-первых, сами что-нибудь придумаем, а во-вторых, нас наверняка будут искать. Ван и Виктор вернутся и все расскажут. Их нигде нет, значит, они остались в ветке. Я думаю, они уже приближаются в эту минуту к серебряной дороге и…

Тут Тима запнулся — он вспомнил, что у товарищей нет лучемета. Они не смогут пустить в ход серебряную дорогу.

— Почему ты запнулся?

— Да просто так… Что ты придираешься!

Катя укоризненно покачала головой:

— Не скрывай от меня ничего, Тима. Мы оба попали в беду, и оба должны из нее выкручиваться.

— Ну, если ты так уж хочешь, то я вспомнил, что у них нет лучемета и им трудновато будет добраться до лаборатории.

— Серебряная дорога?.. Понимаю. Но пешком по ней можно идти?

— Разумеется. Только дольше. Вот и все.

— Будем надеяться.

Катя хотела было спросить, как Ван и Виктор попали в ветку, но тут же отвлеклась, ее занимала настойчивая мысль.

— Далеко ли мы от лаборатории? — спросила она.

— Километра полтора, не больше…

— Так ведь это же совсем рядом! — обрадовалась Катя. — Мы туда отлично дойдем! О чем же тут размышлять?

Тима уставился на нее в крайнем изумлении.

— Ты соображаешь, что говоришь? Для нас это превратилось в сто пятьдесят тысяч километров. За всю жизнь не пройдем!

Катя сразу же сникла. В самом деле, какая глупость!

— Может, и пройдем, только вернемся старенькими, — невесело усмехнулась она.

— Вот что: если ты уже прилично себя чувствуешь, давай сначала подкрепимся, а потом осмотрим лист. Выясним, долго ли он сможет нас продержать.

День был в полном разгаре, когда наши путешественники выбрались на поверхность своего зеленого «плавающего острова». Небо расчистилось, ветер давно утих, солнце ярко сияло, не осталось и следов недавней бури.

Катя и Тима подошли к краю листа, сняли шлемы и положили их рядом с собой. Тут же был и футляр с радиомаяком. Тима с ним не расставался.

Лист тихо-тихо, почти незаметно плыл, подгоняемый легким теплым ветерком.

Катя потянулась и с удовольствием вдохнула свежий воздух. Пахло водой, водяными растениями, тем особым запахом, котором отличаются стоячие водоемы. Путешественникам казалось, будто они находятся среди океана, на неизвестном, необитаемом острове, куда их выбросило во время кораблекрушения.

Осторожно ступая, Катя подошла к краю листа. И тут она заметила очень странное явление: вода стояла над краем листа довольно высоким валом, он то надвигался, то отступал, но не разливался по «берегу». Катя подозвала Тиму. И оба они долго смотрели на водяной вал, раздумывая, что бы это могло значить.

— Наверное, это и есть поверхностное натяжение, — сообразил Тима.

Да, Тима это верно определил. Дело в том, что всякое вещество, в том числе и вода, состоит из мельчайших частиц — молекул. Они, как крошечные магнитики, притягивают друг друга. Молекулы, находящиеся внутри вещества, притягиваются со всех сторон одинаково. А для тех, что находятся на поверхности, притяжение внутренних молекул ничем не уравновешивается, потому что снаружи их ничто не притягивает. Поэтому поверхностные молекулы образуют как бы упругую пленку, которая давит на внутренние слои жидкости. Эта пленка подобна упругой резиновой оболочке детского воздушного шара. Ее называют пленкой поверхностного натяжения. Вот почему можно наполнить стакан водой немного выше края и она не прольется. Здесь действуют силы поверхностного натяжения.

— Мы с тобой такие легкие, Тима, что могли бы пройти по

воде, не замочив ног. Правда? — спросила Катя.

— Пожалуй, — задумчиво ответил Тима. — Только мне кажется, что костюм наш и все снаряжение настолько нас утяжеляют, что ничего бы не вышло из этого. Да и опасно нам покидать лист. В пруду может произойти много всяких неожиданностей и очень неприятных встреч. Я бы не хотел попасть кому-либо на обед.

Катя засмеялась:

— Не могу сказать, чтобы и я мечтала об этом!

Она заглянула в воду.

В глубине неясно различались силуэты странных существ, не похожих ни на одно из знакомых Кате животных. Изредка проплывала чья-то огромная тень, быстро скрываясь из виду. Наверное, это были рыбы.

Катя и Тима отошли подальше от края. Они решили осмотреться вокруг и вооружились уменынителями.

Вот берег, заросший осокой. Вот лежат на воде твердые глянцевитые листья белой водяной кувшинки — нимфеи. Над ней кружились какие-то мошки. Вот другая кувшинка, третья… Когда смотришь в уменьшитель, кажется, будто цветы совсем близко, но стоило опустить трубу, как они превращались в маленькие, окутанные голубой дымкой точечки — словно далекие острова в открытом море.

Было тихо-тихо. Только изредка в неподвижную тишину врывался какой-то густой гул, словно работал мотор низко летящего самолета. Это пролетал где-то в вышине комар.

Тима не отрывал глаз от уменьшителя. Он все смотрел и смотрел вперед, на знакомые места, такие близкие и вместе с тем недосягаемые. Как подать о себе весть? Как найти способ перелететь огромное расстояние, отделяющее их от «домика», от черной плиты, единственного места во всем мире, где они с Катей смогут обрести свой нормальный вид? Неужели же на всю жизнь обречены они странствовать по свету незаметными пылинками или станут жертвой какой-либо амебы или инфузории! На каждом шагу их подстерегала опасность в этом огромном мире, населенном чудовищами, бессмысленными, тупыми, но от этого не менее страшными и не менее опасными, чем любой зверь для человека в девственном лесу.

Еще вчера Тима с беспокойством думал о том, что тайна их путешествия станет известна в Джохоре раньше, чем они вернутся.

Сегодня он уже мечтал, чтобы об этом узнали как можно скорее. Они с Катей так нуждаются в помощи! Только бы Ван с Виктором добрались до лаборатории! Когда это может

произойти? Самое большее — дня через два-три. Нет, быстрее, конечно, быстрее! Может, Анатолий Степанович вернется сегодня, в крайнем случае — завтра. Разумеется, он тотчас же отправится в лабораторию и увидит там сигнальные огни. Скорей всего, сам спустится вниз. И тогда обнаружит Вана и Виктора.

Отец! Наверное, его вызовут. Да, конечно. А мама?..

Тима почувствовал, как он холодеет от этих мыслей. Вот она — цена обмана! Казалось, все так просто: обегают в лист и вернутся. А что получилось?

Тима тяжело вздохнул.

Подошла Катя. Она участливо заглянула ему в глаза.

— Ты думаешь о маме, да, Тима? — сказала она. — Я тоже, Тимочка… Я вспомнила сейчас Москву, нашу комнату. Мама ничего не знает, бедняжка. Наверное, ей скажут либо когда мы вернемся, либо когда не останется никаких надежд на наше спасение.

Тима взял себя в руки и сказал почти весело:

— Пустяки, Катя, выкинь из головы эти мысли! Нас обязательно найдут, или мы сами как-нибудь изловчимся… Вот увидишь! Давай лучше подумаем, что нам сейчас делать.

Путешественники уселись. Тима облокотился на футляр с запасными инструментам и, а Катя, как она любила делать, обхватила колени руками. Так они сидели некоторое время, погруженные в свои невеселые мысли. Солнце сильно припекало, было душно. В эти часы обычно они прятались от жары в затененных комнатах с включенными приборами домашнего климата. А здесь деваться было некуда. Внизу, в воздушной клетке листа, было ничуть не лучше — не имело смысла спускаться туда. Все-таки от воды шла прохлада.

— Сидим над водой, а искупаться нельзя, — с сожалением произнесла Катя.

— Не стоит, хотя и соблазнительно… Ну, так что же, по-твоему, будем делать?

— Есть у нас хоть какой-нибудь способ подать о себе весточку?

— Кое-какой есть. Вот.

Тима хлопнул рукой по футляру с радиомаяком.

— Да, я тоже об этом думала. Почему бы, собственно, нам его сейчас не установить?

— Это, конечно, сделать просто, но я побаиваюсь. Кто его знает, насколько надежен наш лист? Вдруг его возьмет да и перевернет какое-нибудь животное! Нет, нельзя рисковать, особенно сейчас. Да и вряд ли уже начались поиски. Нам с тобой, Катя, прежде всего следует подумать о более надежном убежище,

чем этот лист.

Тима начал подробно излагать свои соображения.

Кленовый лист был огромен по сравнению с крохотными путешественниками, действительно целый остров. Но он скоро увянет. Откуда же тогда брать крахмал и сладкий сок? А запасов в баллонах при экономном расходовании хватит дня на два, самое большее. Значит, нужно поискать такое место, где оказался бы «и стол и дом». Самое лучшее — это белая кувшинка нимфея. Если посмотреть в уменынитель, то кувшинок здесь много, а им, собственно, и одной хватит. Ее твердые, глянцевитые листья стоят на месте, прикрепленные к корневищу под водой. Не страшен будет и ветер — он никуда не погонит ни лист, ни цветок. Сами они всегда смогут укрыться внутри листа. Это будет отличный дом. И там, не боясь превратностей судьбы, можно установить радиомаяк. Он посылает, правда, очень короткие волны, но в пределах видимости их можно уловить.

Катя слушала, одобрительно кивая головой.

Тима прав — надо переселяться на кувшинку. Разумеется, это проще сказать, чем сделать. Сейчас ветер дует как раз в нужном направлении. Хорошо, если он не изменится. Тогда, возможно, к вечеру они доберутся до «порта Белой нимфеи» — так назвали путешественники эту желанную гавань.

Досадно, что приходится сидеть сложа руки и ждать, когда ветер соблаговолит доставить их в «порт», но ничего не поделаешь.

— Только бы поскорей добраться до кувшинки! — сказала Катя. — Здесь меня не оставляет ужасно неприятное ощущение — того и гляди, перевернешься в воду или…

Не успела Катя договорить, как лист накрыла чья-то огромная тень. В ту же минуту путешественники почувствовали, что «почва» колеблется у них под ногами. Катя и Тима схватились за шлемы, хотели было надеть их, но лист успокоился. Путешественники сидели тихо, боясь пошевельнуться. Какое-то огромное существо опустилось на лист неподалеку от них. Они увидели высоченные столбы, сплошь покрытые длинной щетиной, и огромные сверкающие шары. Шары переливались всеми цветами радуги. Внизу, под ними находились чудовищных размеров створки с зубчатыми краями. Эти створки беспрерывно были в движении: то открывались, то закрывались. Туловище было так велико, что путешественники не могли охватить его взглядом.

— Экое чудище! — спокойно сказал Тима и потянулся за уменынителем.

Катя с трудом пыталась унять охватившую ее дрожь.

— Да это стрекоза! — Тима сказал это так радостно, словно давно ее поджидал. — Обыкновенная стрекоза-коромысло. Ты только посмотри на нее, Катюша!

В уменьшителе это чудовище приняло самый невинный вид. Прозрачные крылья, длинные, покрытые волосками ноги. Продолговатое туловище. Удивительные глаза охватывают всю голову. Стрекоза могла смотреть одновременно во все стороны. И не так-то просто было добыче ускользнуть от ее внимания.

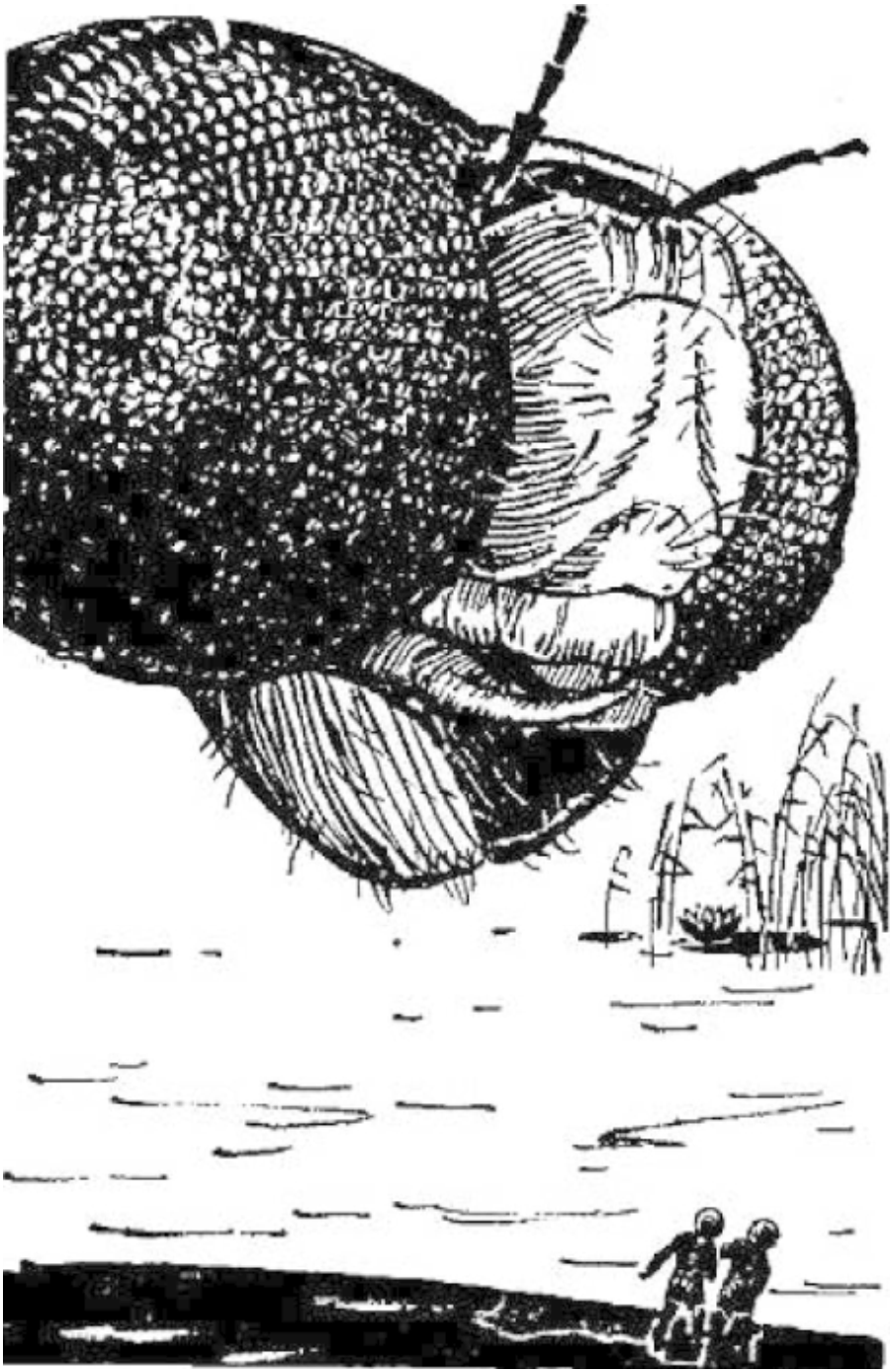
— Хорошо, что мы такие маленькие, — тихо сказал Тима. — Она нас не видит. А то, пожалуй, ей пришла бы в голову фантазия закусить нами.

— Значит, наш крошечный рост имеет и свои преимущества, — заметила Катя.

Она опустила уменынитель, и снова перед ней возникло гигантское существо.

Стрекоза немного посидела, посидела и поднялась, снова изрядно всколыхнув лист. Путешественники с завистью следили за ее полетом. Вот бы им такие крылья!

Не успела стрекоза скрыться из глаз, как появилась новая гостья. О своем приближении она предупредила сильным жужжанием. Оно становилось все сильнее, и опять лист заколебался под тяжестью непрошеного посетителя, весьма страшного на вид. Оно было хоть и меньше первого, но достаточно большим, чтобы внушить ужас. Рыжее, волосатое, оно с шумом уселось на лист и затихло.



— Посмотрим, что это такое, — сказал Тима.

Оказалось, что на этот раз путешественников навестила пчела. Наверное, она нагрузила сладким нектаром полный зобик и присела по дороге немножко отдохнуть. На задних ногах у нее Тима увидел по корзиночке из волосков; там лежали два желтых

шара. Пыльца!

Пчела не засиделась долго. Крылья ее затрепетали. С низким жужжанием пчела поднялась и скоро скрылась в западном направлении.

— Вероятно, летит к себе в улей, домой… — задумчиво произнес Тима. — Я знаю, где они находятся, эти ульи. Недалеко от нашего дома есть один любитель-пчеловод. Мама у него покупала свежий мед, в сотах. Я очень люблю мед именно в сотах. А ты, Катя?

— Нет, я к нему равнодушна… А вот сесть бы к ней в корзиночку вместо пыльцы да полететь в Джохор — от этого я бы не отказалась.

— Да, при условии, если бы она доставила нас в лабораторию.

— Это я просто так сказала. Мечтаю…

— А я всерьез подумал. Такой перелет мог бы состояться, если бы у нас было средство, во-первых, заставить ее подождать, пока мы заберемся в корзиночку, а во-вторых, если бы мы могли управлять ее полетом.

— Если бы да если… Что говорить, Тима, все это чепуха!

Над водой все время летали большие птицы. Они быстро-быстро взмахивали крыльями и проносились прямо над головой. Но это вовсе не были птицы, а всего лишь бабочки.

Вот по воде, мимо листа, едва не задевая его, пронеслись чьи-то колоссальные ноги, как столбы; они были густо покрыты чем-то похожим на волосы, только волосы эти были очень, очень толстые.

Тима теперь не отрывал глаз от уменьшителя. Длинные волосатые ноги принадлежали водяному клопу — водомерке. Водомерки бегали по воде, как по полу. Легкие тельца их были чуть тяжелее воды, а ненамокающие волоски позволяли им держаться на широко расставленных ногах, чуть-чуть вдавливаясь в воду. Быстро перебирая двумя парами ног, они третьей парой — передней — схватывали на бегу добычу.

— Посмотри, Катя, — сказал Тима. — Видишь, сколько здесь водомерок? Я тут, бывало, часами просиживал на пруду, следил за ними. Как-то я поймал такую водомерку и захотел ее утопить. Ничего не вышло. Я ее вдавил пальцем в воду, а она обратно выпрыгнула, как пробка, и умчалась.

Путешественники направили свои уменьшители к берегу. Там они увидели на воде стайки каких-то других обитателей пруда. Их темные тельца поблескивали на солнце, как сталь. Животные беспрерывно кружились, можно было подумать, что они просто резвятся, играют. Это жучки-вертячки. Вот одна вертячка

схватила передними ножками, как руками, добычу. А две другие пары ног — коротких и широких — гребли по воде, словно весла. Вертячки все кружились и кружились по воде — нырнут и снова появляются на поверхности. Они охотились.

Сколько же здесь всякой живности, на пруду! Вот проворно плывет водяной клоп-гладыш, или, как его иногда называют, водяная оса. Гладыш — замечательный пловец. Он двигается очень быстро, а главное — плывет не так, как другие, — брюшком вниз. Нет, совсем наоборот. Брюшко у него наверху. Обычно брюшко бывает светлым, потому что оно в воде, а спина темная; она сливается с общим фоном воды, и животное не сразу заметишь. Гладыш плавает брюшком вверх, и оно окрашено у него в темный цвет. Добычу гладыш парализует уколом своего острого хоботка, словно жалит ее. Потому его и прозвали водяной осой.

Много разных обитателей пруда видели путешественники через свои уменьшители. Но стоило им опустить подзорную трубу, как мир тотчас же менялся. Вместо водомерок, гладышей и жучков-вертячек они видели огромных, непонятных зверей, внушающих страх своими размерами.

Над головой летали комары, бабочки, мухи; изредка какая-нибудь мушка присядет на лист, посидит немного и снова отправится дальше. Путешественники каждый раз хватались за свои шлемы, боясь, что их ненароком смахнет в воду какой-либо «гигант».

Катя проголодалась. Концентрат путешественники решили, по возможности, экономить и потому спустились внутрь листа, чтобы напечь «булочек» и «сварить чай».

Они заметили, что хлоропласта стали много бледнее. С трудом отыскалось несколько лепешек крахмала. Еле набрали в трубках-сосудах соку.

Лист умирал. Работа его чудесной лаборатории прекращалась и вот-вот остановится совсем.

Поднявшись часа через два на поверхность листа, путешественники увидели, что белый цветок кувшинки стал заметно ближе.

— Пожалуй, к вечеру мы доберемся до «порта Белой нимфеи». Как ты думаешь, Тима?

— Пожалуй, если никто не помешает, — осторожно ответил Тима.

Небо по-прежнему было безоблачным. Солнце уже шло к закату, зной спадал. Воздух был чист и ароматен; легкий ветерок дул все в том же направлении, и это было большим счастьем.

Кувшинка казалась все крупнее и крупнее. Ее листья, как

огромные острова, неподвижно лежали на воде, а сам цветок уже начал закрываться. Скоро он погрузится на ночь в воду, чтобы утром снова раскрыться навстречу солнцу.

Чем ближе путешественники подплывали к «порту Белой нимфеи», тем им становилось веселей. Они строили планы о том, как высадятся на листе, спрячутся на ночь в одной из его воздушных клеток, а утром, когда цветок появится на поверхности, отправятся к нему.

— Если ничего не изменится, не произойдет никакого непредвиденного случая, через час-полтора мы уже будем в «гавани», — сказал Тима.

— Целый час! Ой, как долго! — вздохнула Катя.

— Ничего. Терпи. Зато мы обоснуемся прочно, как дома.

Тимины расчеты оказались правильными. Через три четверти часа их «плавающий остров» настолько приблизился к «гавани», что ничего не стоило добраться до него вплавь. Но путешественники боялись рисковать, они решили подождать, пока их «плавающий остров» совсем прибьет к листу кувшинки.

Тима повесил через плечо футляр с радиомаяком, надел шлем — на всякий случай, так он сказал Кате, и ей велел сделать то же самое. Катя противилась — ей надоел шлем, однако Тима чуть ли не насильно заставил ее последовать своему примеру.

Эта предусмотрительность оказалась совсем не лишней…

«Плавающий остров» плыл медленно, спокойно. Казалось, ничто не предвещало беды. Немного терпения — и путешественники обретут более или менее твердую почву под ногами.

— Еще немного, совсем чуточку нам осталось ждать, — подбадривал Тима свою спутницу. — Думаю, что совсем скоро мы сможем без риска пуститься вплавь…

Но не успел Тима договорить, как раздался сильный шум. Вода заволновалась — «плавающий остров» сильно качнуло. Путешественники едва не упали в воду.

— Что?.. Что произошло?! — взволнованно спросила Катя.

— Смотри…

Тима протянул руку по направлению к кувшинке. Она уже оказалась на почтительном расстоянии. На листе ее сидело что-то огромное, по-видимому вынырнувшее из глубины. Путешественники потянулись за уменьшителями.

Они увидели… лягушку. Обыкновенную лягушку. Казалось, она смотрит на них своими выпуклыми глазами.

— Хорошо, что она не видит нас… — пробормотал Тима.

— Вот уж некстати вынырнула! — тяжело вздохнула Катя. — Экая досада! Совсем уже были рядом, теперь жди опять невесть

сколько.

Волнение, поднятое лягушкой, понемногу успокаивалось. Путешественники напряженно следили за тем, что будет делать дальше непрошеная гостья. А та сидела на листе неподвижно, устремив вдаль свой холодный взор.

— Любуется видом, мечтает… — прошептал Тима.

Катя засмеялась.

«Плавающий остров» снова прибивало к цветку. Услужливый ветерок, как бы войдя в тяжелое положение наших путешественников, резво подгонял их к «порту Белой нимфеи».

Лист, на котором продолжала восседать лягушка, был совсем близко. Путешественники решительно собрались пуститься вплавь, но как раз в тот момент, когда они подошли к самому краю своего «острова», лягушке, наверное, надоело любоваться видом, и она плюхнулась в воду, задев при этом «остров» и подняв высокую волну.

Катя и Тима крикнуть не успели, как оказались в воде. Их последнее прибежище — кленовый лист покачивался где-то далеко-далеко. Теперь волей-неволей им приходилось добираться до нимфеи вплавь. А расстояние стало большим. Вообще-то оно, на нормальную мерку, не превышало двух сантиметров, но для наших путешественников, ставших крошками, оно, соответственно с их размерами, увеличилось в тысячи раз.

Тима за себя не боялся, он отлично плавал, а вот Катя… Хорошо, что на ней был шлем. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы она не послушалась Тимы. Волна отбросила ее далеко, так что Тиме пришлось ее догонять. Пока он добрался до нее, силы оставили бедняжку, и она стала медленно погружаться в воду.

Тима нырнул следом за ней.

На дне пруда

Катя и Тима медленно шли ко дну.

Под ними и вокруг них взад и вперед сновали инфузории. Вот стрелой промчались хищные инфузории: они настигали свои жертвы, и те мгновенно исчезали в их ненасытной утробе. Вращаясь, как бы ввинчиваясь в воду, плыла веретенообразная эвглена. Изредка проплывали огромные темные тени. Это были рыбы. Они казались нашим путешественникам великанами, словно то были не мальки, а киты.

Крупные обитатели пруда были менее опасны для крошечных человечков, чем инфузории и другая мелочь, но все же становилось страшно, когда крохотный малек, выглядевший

гигантской рыбой, проплывал близко, возмущая воду и отбрасывая потерпевших бедствие друг от друга.

На глазах у Кати личинка стрекозы напала на пиявку. Катя видела голову личинки, зачатки крыльев на спине. Мягкая пиявка пыталась вырваться, обвивалась вокруг головы и груди личинки, но та крепко зажала ее крючками своей «маски» и пододвигала все ближе и ближе к челюстям. Катя в ужасе отвернулась, даже закрыла глаза, чтобы не видеть страшной расправы.

Тима, догнавший было Катю, снова оказался от нее далеко. Они оба стремились поскорей сблизиться. Самое страшное для них было то, что они не вместе. Особенно боялась Катя. Без Тимы она казалась совсем беззащитной, ведь лучемет-то один, и он у Тимы. Да если бы он и находился у Кати, то она все равно не умела с ним обращаться. Катя знала, что костюм и шлем хорошо ее защищают: ни один хищник не сможет переварить ее в своем желудке, даже если бы она и оказалась проглоченной. Но тогда ей грозило полное одиночество, потому что хищник совсем унес бы ее от Тимы, и неизвестно, найдут ли они друг друга.

После долгих усилий Тиме удалось приблизиться к Кате, но в этот момент из глубины появилась стайка инфузорий-туфелек, иначе их называют — «парамеции».

Быстро шевеля коротенькими ресничками, покрывавшими их вытянутое тело, туфельки-парамеции проворно передвигались. Повертываясь на ходу то на один бок, то на другой, они словно шныряли в воде. Сквозь тончайшую оболочку, одевавшую прозрачное студенистое тело, ясно просвечивал плотный комок ядра, какие-то пузырьки, что-то вроде звезд, то с едва заметными, то с толстыми лучами.

Формой своего вытянутого тела парамеции были похожи на подметку туфли, и название «туфелька» неплохо определяло их внешность.

Плывя, парамеции охотились. Добычей этим хищникам служили бактерии и всякие мелкие частицы. Они не были безоружны, но их оружие хорошо для защиты, а не для охоты. Помимо ресничек, на поверхности тела парамеции есть особые стрекательные пузырьки. Из них выбрасывается наружу ядовитая нить. Стрекая, парамеция защищается от некоторых врагов.

Вынырнувшая из глубины стайка парамеций плыла между Тимой и Катей, отделяя их друг от друга.

Внезапно Катя ощутила жгучую боль в ноге.

Через секунду она почувствовала, что ее с силой куда-то втягивает. На нее напала парамеция и проглотила!

Тима видел все это. Он видел, как Катю втянуло в водоворот: на боку парамеции было углубление, по краям которого

двигались длинные реснички. Они словно подгребали воду к туфельке, гнали ее в углубление. А там, на дне углубления, был короткий канал. Он вел внутрь парамеции.

Катю затягивало все глубже и глубже. Тима знал, чем это грозит, и у него даже сердце остановилось от ужаса.

— Ядро! Катя, уничтожай ядро! — крикнул он, спеша ей на помощь.

Парамеция вместе с Катей стала проворно опускаться вниз. Тима понимал, что догнать ее он не сможет, но все же пытался возможно быстрей погружаться следом.

— Не бойся! — кричал он. — Главное, уничтожай ядро! Я иду за тобой.

— Не оставляй меня, Тима! — услышал он умоляющий голос Кати.

— Нет, нет, я иду, иду!

Он был так поглощен погоней, что не заметил, как к нему самому приближается другая парамеция. Он увидел ее совсем рядом и просто чудом увернулся от ее поражающей нити. Тима выхватил лучемет. Второпях он нажал кнопку, сам не зная какую. По-видимому, он плохо прицелился — и луч скользнул лишь по одному боку туфельки. Реснички на этой пораженной стороне мгновенно замерли, а на другой продолжали двигаться. Туфелька, загребая одним боком, смешно завертелась на месте.

Но вот ожили и пораженные реснички; туфелька поплыла в сторону от Тимы.

«Вот так штука! — подумал Тима, глядя вслед ожившей парамеции. — Значит, я послал усыпляющие лучи, а не убивающие — и туфелька ожила! Но как она смешно крутилась на месте!»

В это время невдалеке показалась другая парамеция. И тут Тиму осенила блестящая мысль. Если можно частично усыпить парамецию, заставив ее двигать то одними ресничками, то другими, то нельзя ли это использовать в своих целях? Тима послал сонные лучи на одну сторону тела парамеции. Туфелька тотчас же смешно завертелась на одном месте, загребая с одного боку.

Тогда Тима решился на смелый опыт. Он усыпил парамецию. Преодолевая отвращение, он приблизился к ней, залез в ее глотку, пробрался дальше и уселся вблизи конца тела туфельки. Когда она стала приходить в себя, он послал «лучи сна» на одни реснички, а другим предоставил действовать. Парамеция поплыла в одну сторону. Тогда Тима, рассчитав приблизительно время, которое потребуется, чтобы парализованные реснички зашевелились, усыпил другие. На секунду парамеция

остановилась, а затем снова поплыла, на этот раз загребая уже в другую сторону.

Так Тима, облучая парамецию то с одной, то с другой стороны, то сильнее, то слабее, стал управлять ее движениями. Это было замечательное открытие, и Тима даже повеселел.

— Тима! Тима! — между тем звала Катя. — Почему ты молчишь?

Тима, занятый своим опытом, действительно перестал отвечать Кате. Тут он спохватился и крикнул ей, что нашел отличный способ передвигаться…

За это время Катя уплыла уже далеко, и голос ее звучал слабо.

Тима заставил свою послушную парамецию опускаться, время от времени окликая Катю. Судя по тому, что голос ее зазвучал громче, Тима понял, что приближается к ней.

— Катя, слушай! — говорил он. — Я залез в парамецию и лучеметом управляю ее движениями. А как твои дела?

— Ничего. Я расправилась со своей — уничтожила ядро, но не вылезаю из нее. Мне кажется — так безопасней.

— Хорошо. Сиди и жди меня.

Вначале парамеция плыла рывками и не всегда так, как хотел Тима. Но раз от разу он налаживал свое управление, и парамеция делалась все послушнее. Она то убыстряла ход, то замедляла; гребла то в одну, то в другую сторону. И Тима, делая круги, опускался все ниже и ниже. Чем глубже шла живая «подводная лодка», тем становилось темнее. Вода наверху была довольно прозрачной, пониже — сине-зеленой, а внизу — совсем темная. Вокруг плавали и большие и маленькие обитатели глубины. Тима зажег свой фонарь и посоветовал Кате сделать то же самое. Тотчас он увидел под собой, внизу, сноп света. «Как это я раньше не догадался? — подумал Тима. — Теперь я, по крайней мере, вижу, где она!»

Сноп света двигался кругами. Тима мог следить за ним — ведь сквозь прозрачную оболочку туфельки было хорошо видно.

Туфелька между тем шевелила своими ресничками, ударяя ими в воде, как веслами, и плыла, послушная воле Тимы. Тима спускался по спирали, так было легче. Делая круги, он заметил какой-то высокий неподвижный столб. «Наверное, водоросль», — решил Тима.

— Катя, ты видишь столб? — спросил он.

— Да, вижу, — отвечала девочка.

— Он от тебя близко?

— Да, довольно близко. Меня несет прямо к нему.

— Отлично! Я тоже пойду к нему.

Тима подгонял свою живую «подводную лодку», но, как ни пытался он заставить ее двигаться быстрее, ничего не получалось. Видно, парамеция достигла своей предельной скорости. Тима видел свет Катиного фонаря, но почему-то он становился слабее и наконец вовсе погас.

— Катя, зачем ты погасила фонарь? — крикнул он.

В наушниках раздался какой-то невнятный слабый шум. Ни одного слова Тима не мог разобрать.

— Катя, Катя! — звал Тима. — Что случилось, где ты? Почему погасила фонарь?

Никакого ответа!

Обеспокоенный не на шутку, Тима беспрестанно окликал Катю, но в наушниках теперь не раздавалось ни звука.

Неподвижный «столб» находился совсем близко. Тима уже различал внутри него клетки.

Тима посмотрел в уменьшитель.

«Наверное, это ряска, — подумал он. — На конце корня тяжелый колпачок. Ну да, он служит как бы якорем, уравновешивает плавающее растеньице. Корень висит в воде, а на ней лежат зеленые кружки».

Тима поднял голову, чтобы осветить воду над собой, но фонарь горел тускло, а через минуту и вовсе погас.

— Что такое? — с беспокойством сказал Тима вслух. — Вот новости! Испортился фонарь, потух!.. Катя! — снова закричал Тима. — У меня погас фонарь! Катя, отзовись! Что случилось? Я просто теряю голову!

Но в наушниках царила полная тишина. Даже не слышно было обычного легкого потрескивания.

Холодный пот выступил на лбу Тимы. Он машинально хотел отереть его рукой, но наткнулся на шлем.

Кругом царила молчаливая, жуткая темнота. Поблизости не было ни одной инфузории. Они проплывали в отдалении. Тимина парамеция двигалась вяло и наконец совсем остановилась.

Тима решил, что по ошибке, в растерянности, он усыпил ее не частично, а всю, и стал дожидаться, когда она очнется. Но время шло, а парамеция оставалась неподвижной. Не зная, что и думать — может быть, вышел из строя и лучемет, — Тима вылез из своей уже ставшей негодной «подводной лодки» и поплыл по направлению к стайке инфузорий, резвившихся неподалеку. Еще издали он решил проверить свой лучемет и послал «лучи сна» на одну из парамеций — та мгновенно замерла на месте. Ух!.. Значит, лучемет в исправности. И то хорошо. Тима завладел новой парамецией, более крупной, чем прежняя. Он спешил наверстать потерянное время и радовался, что новая живая

«подводная лодка» более подвижна, чем прежняя. Она резво несла своего пассажира.

Время от времени Тима звал Катю, но та не отвечала. Где она? Что с ней? Тревога Тимы нарастала…

В это время Катя приближалась ко дну. Она чувствовала себя одинокой и беспомощной. Радио молчало. Фонарь по неизвестной причине у нее потух. Она несколько раз нажимала кнопку, но это не помогало. Она звала Тиму, кричала, плакала…

Было от чего прийти в отчаяние. Может быть, в первый раз с момента катастрофы она с такой беспощадной ясностью осознала свое безвыходное положение. Разумеется, в первый момент, когда Тима сказал ей, что лист клена унесло ветром в пруд, она очень перепугалась. Но потом успокоилась. С ней рядом надежный друг, она чувствовала в нем опору. Вдвоем не так страшно. Все-таки у них было радио, их защищало отличное снаряжение, они были вооружены лучеметом.

Сейчас Катя — крошечное, слабое существо — оказалась одна. Радиосвязь была потеряна. Лучемет остался у Тимы. Ей предстояло один на один бороться с чудовищами, находясь в глубине, без всякой надежды на то, что ей удастся хотя бы подняться на поверхность пруда! Теперь для нее «порт Белой нимфеи» стал так же недосягаем, как и лаборатория с ее черной плитой.

Что ждет ее в дальнейшем?

Об этом Катя старалась даже не думать. Все помыслы свои она сосредоточила на том, чтобы каким-либо путем найти Тиму.

— Нет, нет, мы еще поборемся! — сквозь стиснутые зубы твердила она. — Так скоро я не сдамся. Не воображайте! — Последние слова относились к снующим вокруг нее таинственным существам.

Она колебалась, не знала, как ей сейчас лучше поступить: покинуть безжизненную парамецию или не трогаться с места?

Катя боялась, что вместе с парамецией ее проглотит какой-либо хищник, но ей смутно вспоминалось, что туфельками лакомятся мальки, а здесь, в глубине, она их не видела и потому решила остаться в туфельке.

Глаза постепенно привыкали к темноте. И Катя различала силуэты животных, плавающих, ныряющих и даже ввинчивающихся в воду при помощи странных длинных жгутов.

Вдруг ее внимание привлекла одна довольно крупная туфелька. Она удивила ее не величиной, а своими размеренными движениями. Совсем иначе плавали другие ее собратья. А эта шла так, будто чья-то невидимая рука направляла ее сознательно. И тут Катю осенило: вот, наверное, «подводная лодка» Тимы. Как

она сразу не поняла!

— Тима, Тима, я здесь! — радостно закричала Катя. Плыви скорей ко мне!

Тиминого голоса Катя не слышала, но зато ясно видела, что крупная парамеция приближается к ней.

Катя высунулась из своей туфельки. Она кричала, махала руками, всячески пытаясь обратить на себя внимание. Чем больше она всматривалась в плывущую к ней парамецию, тем яснее различала внутри нее силуэт Тимы. Но Тима по-прежнему не откликался. Катя надеялась, что он ее скоро все-таки заметит — ведь он идет прямо на нее. Но внезапно Тима сделал крюк в сторону!..

Он ее не видит, нет, не видит!

Катя продолжала кричать, звать, умолять вернуться. Напрасно — Тима уплывал все дальше и дальше от нее.

Вдруг Катя увидела, что откуда-то вывернулось нечто веретенообразное, ввинчиваясь в воду своим длинным жгутом, образуя водоворот. Катя в ужасе смотрела на чудовище. Она громко вскрикнула, закрыла шлем руками и, не удержавшись, выскользнула при этом из своей парамеции. Сразу же ее закружило в водовороте. Она не пыталась бороться и покорно закрыла глаза. Но через некоторое время, к удивлению своему, она почувствовала, что вода успокоилась. Тогда она с опаской открыла глаза. Чудовище скрылось из виду, не было парамеции, которая несла ее. Катя медленно-медленно погружалась на дно.

Вдруг кто-то толкнул ее. Еще раз. Еще… Тут Катя увидела рядом с собой какое-то существо. Тело у него было вытянутое, цвет его показался Кате розоватым. «Как поросенок», — мелькнуло у нее в голове.

Вот еще такое же существо. Пять… десять… пятнадцать!.. Целое стадо! Оно делалось все многочисленнее. «Поросята» проворно двигались, словно работали невидимыми плавниками. Они стекались отовсюду, окружали Катю тесным кольцом, касаясь ее, толкая то в бок, то в ноги, то в голову.

Катя выхватила нож. Она пыталась защищаться. Она размахивала своим оружием, стремясь отогнать от себя назойливых «поросят».

Но те, вместо того чтобы увертываться от ножа, напротив — стремились к нему, храбро идя навстречу ударам, которые на них так и сыпались. Их как будто привлекала не сама Катя, а именно нож в ее руке.

Заметив эту странность, Катя вытянула правую руку с ножом в сторону. «Поросята» беспорядочной гурьбой устремились вправо. В это время Катя подгребала левой рукой. Она увидела

неподалеку какие-то темные кусты и направилась туда, надеясь укрыться среди них.

Кое-как она добралась до кустов, преследуемая целым табуном удивительных «поросят», проявлявших такой интерес к клинку ее ножа. Девочка юркнула в узкую щель.

«Поросята» пытались пролезть следом за ней. Но щель была слишком узкой для них, и они только тыкались в ветки.

Катя поспешила забраться в самую чащу и здесь в изнеможении опустилась на мягкую подстилку.

Долго лежала она неподвижно, с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Здесь она чувствовала себя в безопасности, если, разумеется, не появятся из кустов «поросята» либо еще какие-нибудь непонятные существа.

Катя долго прислушивалась. Тишина. «Как в могиле», — содрогнулась она. Что делать дальше? Вылезать из кустов? Но ее могут снова атаковать «поросята». Кто знает, может быть, они стерегут ее там, возле щели? Кроме того, Катя так устала, что ей трудно было сдвинуться с места.

Так она лежала — без мыслей, без ощущений, пока ею не стала овладевать дремота.

Во сне она сражалась с чудовищами; потом эти чудовища превратились в крошечные подводные лодки… целая флотилия лодок. Одна из них была большая. Хотя она и плыла под водой, но Катя видела наверху мостик. На мостике стоял Тима. Он держал в руках револьвер. Он целился прямо в нее, в Катю… Катя кричала и молила его о пощаде, но Тима продолжал молча целиться. Потом выстрелил в воздух и заговорил… Он что-то требовал от Кати — что именно, она не могла разобрать, она только слышала свое имя. Он беспрестанно повторял: Катя, Катя… Потом раздался сильный треск. Катя в ужасе проснулась.

В наушниках что-то щелкнуло, а потом… потом… Нет, Катя не верила своим ушам! Она услышала Тиму, его голос, ласковый, умоляющий. Он просил откликнуться.

— Я здесь! — радостно закричала Катя. — Тима, я слышу тебя!

— Катя, Катя! — последовал ответ. — Наконец-то! Я давно зову тебя. Где ты?

— В кустах.

— В каких кустах?

— Ах, разве я знаю? На меня напали «поросята», я спряталась от них, едва живая!

— Катюша, я иду на твой голос! Какое счастье, что радио снова заработало!

— Тимочка, как теперь быть?

— Сиди в своих кустах. Я пойду на твой голос. Зови меня все время, говори: «Я — Катя, я — Катя». Фонарь горит?

— Не знаю. Сейчас попробую.

Катя нажала кнопку — вспыхнул яркий свет.

— Горит! — радостно завопила Катя.

— Отлично! — отозвался Тима. — Он будет мне маяком.

Катя сидела на мягкой подстилке, нетерпеливо поджидая Тиму. Она беспрерывно повторяла: «Я — Катя, я — Катя…», прислушивалась к короткому Тиминому: «Иду!» — и снова твердила позывные.

Тимин голос приближался.

— Вот они, твои кусты. Вижу свет, — сказал Тима. — Вылезай навстречу.

Катя проворно встала и начала раздвигать темные ветки.

— О, черт! — вдруг услышала она возглас Тимы. — Это еще что за существа?

— Длинненькие розовые, похожие на поросят? — спросила Катя.

— Цвет я не разберу, а форма у них продолговатая. Катя, не выходи! Я пускаю в ход лучемет.

Катя замерла на месте, прислушиваясь. Она слышала тяжелое дыхание Тимы. Он что-то бормотал себе под нос.

— Катя, — позвал он, — найди в поясе флакон с йодом!

— Сейчас.

Катя стала рыться во всех карманах. Она спешила и потому долго не могла найти флакон.

— Ну, что же ты? — торопил Тима. — Их тут видимо-невидимо! Я уже устал с ними сражаться. Лучемет их косит, а на смену убитым появляются новые.

— Сейчас, сейчас! — волновалась Катя. Наконец флакон был обнаружен в том кармане, с которого Катя и начала поиски.

— Нашла! — крикнула она. — Что дальше?

— Вылезай и лей в воду йод.

Катя поспешила к щели.

Она просунула голову между ветками. В короткое мгновение она увидела Тиму, стоящего во весь рост на спине неподвижной парамеции. Вокруг него суетились «поросята» и еще какие-то чудные звери, сцепившиеся вместе, как будто это был целый поезд, только без паровоза.

Катя опрокинула флакон. В воде появилось бурое облако. Тотчас же нападающие животные бросились врассыпную и скоро скрылись из виду.

Тима ловко подрулил к самым кустам. Остановив парамецию,

он бросился к Кате.

— Я думала, мы больше никогда не увидимся! — прошептала она, протягивая ему руки.

Тима схватил ее руки, крепко сжал; от радости он не мог произнести ни слова.

* * *

Тима и Катя так были счастливы, что наконец встретились, что первые минуты говорили бессвязно, все больше восклицали и смеялись.

Потом Катя рассказала о своих приключениях. Тима все время перебивал ее возгласами сочувствия и ужаса:

— Бедняжка! Совсем беззащитная, без лучемета, одна! Ты молодец! Не растерялась.

— Да, молодец! Знаешь, как я трусила! Прямо-таки вся дрожала.

— А папа говорит, что смелость — это… Подожди, как это он сказал? Да, если тебе очень страшно, ты боишься и все-таки заставляешь себя делать все, как надо… Понимаешь? Он это как-то по-другому сказал, но, в общем, выходит то же самое… Ну, я запутался совсем! — рассмеялся Тима.

Рассмеялась и Катя.

— А все-таки это было ужасно, Катя! Вспомнить не могу спокойно. Значит, у тебя вышла из строя аппаратура, когда ты была возле корешка ряски?

— Да, я это хорошо запомнила.

— Интересно. Ведь и со мной случилось буквально то же самое. Наверное, в этом корешке и кроется весь секрет. Иначе, почему бы у тебя именно в этом месте испортилось радио? Да, ряска сыграла с нами скверную шутку… — сказал Тима задумчиво. — Хотелось бы мне знать, в чем тут дело?

Виной всему действительно была ряска, обычное растение стоячих вод, которое Тима хорошо знал. Но он понятия не имел об одном свойстве корня ряски: корень этот поглощает соли элемента радия.

Многие растения поглощают определенные химические элементы, накапливают их. Одни поглощают цинк, другие — ванадий, третьи — йод. В морских водорослях скапливается столько йода, что долгое время они служили единственным сырьем для его добычи. А корень ряски, простой ряски, служит копилкой радия. Потому-то и вода вокруг корешка оказалась наэлектризованной.

И количество радия, и его излучение, и степень наэлектризованности воды вблизи корешков ряски были ничтожно малы. Но ведь и аппаратура наших путешественников измерялась тысячными долями миллиметра.

Радиоаппаратура Тимы и Кати, их фонари питались от

батарей аккумуляторов, которые заряжались, в свою очередь, от атомных элементов, расположенных в поясах. Попав в зону радиоактивных излучений, аппаратура вышла из строя.

Только лучемет устоял против действия лучей радия благодаря изоляции в рукоятке, рассчитанной на устойчивость против активных лучей самого лучемета. Эта изоляция оказалась непроницаемой и для лучей радия.

Стоило путешественникам выйти из зоны радиоактивных излучений, как аккумуляторы снова зарядились от атомных элементов; восстановилась радиосвязь, загорелись фонари — все пришло в порядок.

Не зная, не понимая причины странного явления, путешественники все же благоразумно решили впредь держаться подальше от ряски.

— Да, Тима, я все хотела спросить тебя, — вспомнила Катя: — что за «поросята» напали на нас?

Тима расхохотался:

— По-твоему, они похожи на поросят? Вот выдумщица! В общем, твои «поросята» — это железобактерии. Мы их видели в почве. Забыла? Мне лично кажется, что они напоминают крупные зерна пшеницы. Ну, ведь кому как!

— А почему их так привлекал мой нож? Куда нож — туда и они.

— Кто его знает… А впрочем, тут, наверное, играет роль железо. Правда, сталь ножа не то железо, которое им нужно, но, возможно, и она оказалась приманкой. Так мне кажется.

— А-а, вот оно что! Ну, а другие, те, что сцеплены вместе, как вагончики на железной дороге?

— Серобактерии. Мы их тоже встречали. В пластмассовых материалах, из которых сделаны некоторые детали нашего снаряжения, есть примесь серы. Может быть, эта сера и приманила к себе серобактерии.

— А я и не знала, что мне думать. Да и думать-то было некогда! Только бы удрать от них поскорей.

Путешественники позавтракали концентратом. В баллонах уже оставалось чуть-чуть питательных соков. Следовало подумать о том, как добыть еду. Следовало подумать и о том, как подняться на поверхность пруда. Следовало подумать… О многом еще следовало подумать удивительным странникам, закинутым, как им казалось, на край света.

Тима очень удивил Катю, когда сказал ей, что, в общем, считает полезным то, что опрокинулся их кленовый лист и они очутились в воде. Насладившись удивлением своей спутницы, Тима объяснил ей, что именно так странно порадовало его в этом

приключении. Дело в том, что он и не подозревал о своем могуществе, о том, что может управлять движениями животных с помощью лучемета.

— Теперь, когда мы это знаем, — говорил он, — мы можем всерьез подумать, как бы перелететь из пруда в лабораторию на пчеле.

В самом деле, это был выход, и неплохой. Оставалось теперь каким-нибудь способом попасть на поверхность, добраться до цветка и ждать в гости пчелу. Не так уж мало!

Но после того, что они пережили, им теперь ничего не было страшно. И появилась уверенность, что все обойдется. Ведь отыскали они друг друга, хотя и казалось, что это невозможно! Так будет и дальше — все устроится.

Не может быть, чтобы они вдвоем не нашли выхода! Не может быть, чтобы они остались пылинками, затерянными в огромном мире!

Они не одни. Там, в Джохоре, тоже не сидят сложа руки. Наверное, уже снаряжена экспедиция, наверное, их ищут. Им помогут. Нужно только не падать духом. Вот и все.

Так подбадривали себя ребята.

— Интересно, Тима, сколько времени прошло с тех пор, как «прелестная» лягушка перевернула наш лист? Мне кажется — вечность.

— Да нет, поменьше, — засмеялся Тима. — Дай соображу… Часов пятнадцать. Было это вчера вечером, всю ночь мы гонялись друг за другом. А сейчас полдень. Так и выходит. Ты очень устала? Может, хочешь немного поспать?

— Нет, нет, что ты! В путь! Теперь, когда ты нашел отличный способ управлять инфузориями, мы ими и воспользуемся, чтобы подняться на поверхность пруда.

— Да, конечно. Только хотелось бы найти способ побыстрей. Но для начала не откажемся и от услуг парамеции.

— А по дороге что-нибудь да придумается, — уверенно заявила Катя.

Вооружившись лучеметом, Тима осторожно выбрался из кустов. Осмотрелся — «поросят» нет. Позвал Катю. Потом подкараулил проплывающую мимо парамецию и, подпустив ее поближе, послал добрую порцию «лучей сна». Туфелька замерла на месте. Тима помог Кате забраться внутрь парамеции и залез туда сам.

Сидя впереди, Тима держал в руках лучемет. Катя устроилась спиной к нему. Лучи фонарей ярко освещали им путь, хотя и без них было не так уж темно. Ведь пруд-то мелкий — солнечные лучи пронизывали его до дна. Однако с фонарями как-то удобней.

И ребята решили их не гасить. Как только парамеция проснулась, Тима стал, как опытный шкипер, управлять ею. Послушная его воле, парамеция гребла своими веслами-ресничками. Тима попросил Катю, чтобы она внимательно смотрела по сторонам. Если завидит что-либо подозрительное, какое-либо животное, нацеливающееся на их парамецию, пусть тотчас же даст знать. С таким оружием, как лучемет, они не дадут себя в обиду.

Парамеция плыла среди подводного царства; она шла сейчас почти по дну.

Тима, «капитан подводной лодки», смотрел вперед. Катя, его помощник, следила, не угрожает ли им опасность сзади.

Лучи фонарей пронизывали ярким светом толщу воды, и было хорошо видно, что делается вокруг.

— Мы сидим, как в батисфере, — сказала Катя, с интересом глядя через прозрачные стенки своей необычной каюты.

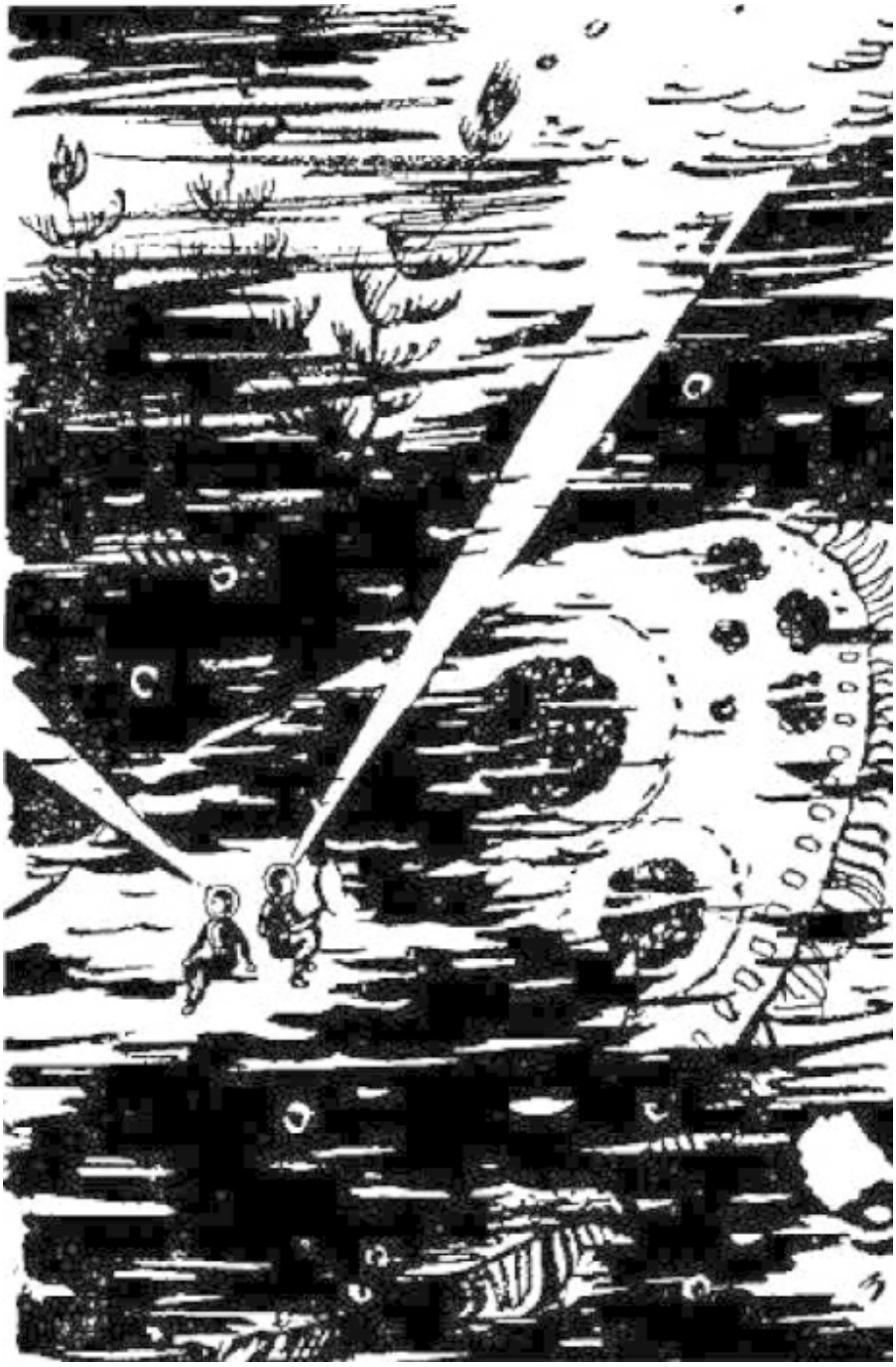
Здесь, вблизи дна, вода выглядела коричневой. Высоко над головой она переходила в зеленовато-голубой свод.

«Лодка» плыла мимо таких же густых зарослей, где Катя нашла приют, когда удирала от «поросят» — железобактерий. На дне лежало много обломков растений. «Лодка» проплыла мимо каких-то изогнутых стволов. Катя не рассмотрела их толком. Вокруг было столько необычного, что у нее разбегались глаза.

Вот приютился на камне небольшой комок зеленых нитчаток — водорослей, имеющих вид длинных, тончайших нитей.

— Смотри, Катя, — не утерпел Тима. — Вот она — тина, самая обычная тина. А как выглядит! Толстенные канаты…

В стоячей воде кустики каких-то подводных растений стояли неподвижно. Но Катя заметила на некоторых из них странные стебельки с длинными, тонкими выростами на конце. Эти выросты медленно колебались, иногда вытягивались, иногда сокращались. Тима объяснил, что это так называемая гидра. Пресноводная родственница морских полипов.



— От этой гидры надо держаться подальше, — сказал он, описывая на своей «лодке» изрядный круг. — Она — опасный хищник. Посмотри, посмотри, что делается!

Гидра вытягивала свои щупальца, захватывала неосторожно прикоснувшихся к ним рачков и отправляла их в отверстие,

расположенное в верхней части стебелька. Это был рот гидры. Его и окружали щупальца. Следить за охотой гидры было интересно, и Тима не отказался бы задержаться здесь, но Катя запротестовала:

— Нужно спешить. А потом — она такая противная, эта гидра! Не могу глядеть на нее.

Путешественники постепенно поднимались выше.

Вот крупная подвижная одноклеточная водоросль с названием более длинным, чем она сама: «хламидомонада». Она двигалась навстречу.

Катя, сидевшая спиной к движению, увидела ее тогда, когда она проплывала мимо их живой «лодки», и долго смотрела ей вслед. Сквозь прозрачную оболочку хламидомонады просвечивали зеленые хромотафоры, расположенные среди протоплазмы. В этих зеленых пластинках виднелись крупинки крахмала.

— Вот бы нам запастись крахмалом! — сказала Катя. — Не устроить ли охоту?

— По-моему, такая охота займет много времени. Подождем, когда нам попадется крахмал, который легче добывать и быстрей, — ответил Тима. — Кроме того, для нас главное — найти способ поскорее подняться на поверхность, а еда у нас пока есть. Посмотри-ка лучше вот сюда. — Тима показал направо.

Там, на какой-то водоросли, примостилось интересное существо. Оно выглядело не то горшочком, не то колокольчиком, поставленным отверстием кверху. Вокруг «горлышка» венчиком расположились реснички, а к «донышку» был прикреплен стебелек. Он служил как бы длинной ножкой, опиравшейся на какой-то неподвижный предмет. Эта ножка все время была в движении, но на одном месте. То она свертывалась спиралькой, то распрямлялась. Реснички на краю «горлышка» быстро шевелились, вызывая ток воды и загоняя в «горлышко» пищу. При всяком толчке сувойка — это была инфузория сувойка — сокращала свой стебелек и словно приседала.

Медленно проплывали большие зеленые шары. В них виднелись небольшие шарики, а снаружи быстро шевелились жгутики. И шары словно мигали, поворачиваясь на ходу.

— Мой старый знакомый — вольвокс, — сказал Тима и даже приветственно взмахнул рукой.

Другие, смешно двигающиеся, напоминали бочонок с крышкой.

Оказалось, что это хищная инфузория дидиниум. Тима сказал, что дидиниум жил у него на окне в стеклянной банке.

Откуда-то из-за водорослей показалось крупное животное с

многочисленными ресничками; по бокам его тела, похожего на стеклянную консервную банку, торчали длинные шипы, острием обращенные вниз. Животное двигалось медленно, вращаясь при этом вокруг собственной оси. Недаром его и назвали «коловратка». Хотя коловратка двигается медленно, но редко становится чьей-либо добычей. Ее защищают острые шипы.

Появилась и эвглена — почтенный представитель класса биченосцев. Веретенообразная, вооруженная спереди данным жгутом, она быстро вращала им — и вода волновалась, кипела впереди эвглены.

— Так вот кто это был! — воскликнула Катя, вспомнив, как она кружилась в водовороте, который устроила эвглена.

У эвглены есть хлорофилл, и на свету она, как зеленый лист, создает органические вещества. В этом случае эвглена выглядит растением.

А если света мало или его нет совсем, эвглена питается, как простейшее животное, впитывая всей поверхностью организма уже готовые вещества из окружающей среды. И тогда эвглена становится животным.

Зоологи относят эвглену и других жгутиконосцев к типу простейших животных. Пусть у эвглены есть хлорофилл, все же она животное, а не растение.

— Слева по борту рыба! — вдруг крикнула Катя.

Тима мгновенно повернулся.

Он увидел красноватые шевелящиеся стебельки, а возле них поблескивала серебром личинка тритона. Личинка разевала свою пасть и хватала стебельки. Оказалось, что это вовсе не стебельки, а черви-трубчатники, которыми иной раз не прочь полакомиться личинка тритона.

Тима свернул в сторону от тритона и взял курс на водоросли, известные под названием «спирогиры». Все животные и растения подводного мира микроскопических существ носили мудреные названия. Тима, разумеется, знал не так уж много, но кое-что здесь ему было знакомо. Недаром он дружил с Ваном, который увлекался микробиологией.

Теперь, очутившись невольно среди «забавных крошек», как называл их Тима, в положении, когда эти «крошки» оказались крупнее его самого, он вспомнил о том, что ему было о них известно, и это помогало ему избежать многих опасных столкновений.

К нитчатке-спирогире Тима направился для того, чтобы запастись крахмалом. Длинные нити этой водоросли состоят из одного ряда клеток. Зеленые хромотофоры их богаты крахмалом. Очень кстати! Здесь можно было спокойно причалить и без труда

собрать сколько угодно отличной пищи. Когда парамеция подошла поближе, путешественники заметили, что водоросли вдруг так закачались, будто поднялся вихрь. В следующую минуту они увидели какой-то серебристый шар. Он заметно увеличивался прямо на глазах, потом оторвался от ветвей и, поднявшись вверх, быстро исчез в зеленовато-голубой выси.

— О, это что еще? — удивилась Катя. — Тоже животное?

Тима рассмеялся.

— Не похоже. Ты знаешь, это, видимо, пузырек болотного газа метана… Стой! — вдруг закричал он и даже подпрыгнул на месте. — Стой, кажется, я нашел! Да, нашел, нашел, нашел!..

Катя смотрела на него во все глаза. На секунду мелькнула мысль: уж не сошел ли он с ума?

— Тимочка, что с тобой? — осторожно спросила Катя. — Что ты нашел?

— Нашел способ быстро и безопасно подняться на поверхность пруда. На воздушном шаре!

— Ничего не понимаю. Ты что, хочешь ловить пузырьки газа? Но ведь нужна оболочка…

— Ничего не нужно, никакой оболочки! Хорошо, что при нас уменьшители. Они нам здорово помогут.

Еще не понимая, что придумал Тима, девочка тоже оживилась: не станет же он болтать зря. Значит, что-то есть!

— Как мне пригодились сейчас мои опыты и наблюдения, просто замечательно! — между тем продолжал Тима. — Если бы не это, я бы никогда не додумался.

— Но, Тима…

— Сейчас, сейчас! Доставай свой уменьшитель. Если среди растений увидишь нечто подобное колоколу, сплетенному из паутины, говори. Или животное, у которого на брюшке что-то блестит, как серебро. Это водянка, водяной паук. Ему для дыхания нужен воздух, он его приносит с поверхности пруда, в волосках на брюшке. А, здесь, на дне, среди растений, он строит свой воздушный домик. И туда приносит пузырьки воздуха. Теперь поняла?

— Вот это замечательно! Теперь остается только подстеречь самого паука. Ура!

Путешественники смеялись и веселились так, как будто они уже обнаружили водяного паука и даже поднялись вместе с ним на поверхность пруда.

— Я же говорила, что по дороге что-нибудь да придумывается, — твердила Катя.

— Ты ведь у меня умница, Катюша!

— Ну, собственно, чем же это я умница? Ведь идея пришла в

голову тебе, а не мне!

— Какая разница! Все это чепуха! Мы вместе с тобой все делаем, и все у нас пополам: и неприятности, и радость, и всякие там идеи!

Тима, остановивший было свою послушную парамецию, приказал ей плыть дальше. Шли они теперь очень медленно, держась возле водорослей и отыскивая среди них жилье водяного паука. Пришлось теперь воспользоваться уменынителем. Домик был слишком велик для глаз наших путешественников — они легко могли бы проплыть мимо, не разглядев его.

Осмотр растений длился довольно долго. Путешественники отчаялись уже найти воздушный колокол водяного паука, как вдруг Катя заметила в самой гуще нечто похожее на паутинные нити.

— Стой, Тима! Смотри!

Тима направил парамецию в зеленые заросли. Там они действительно увидели сплетенный из паутины небольшой колокол. Он держался на нитях, прикрепленных к стеблям растений. Похоже было, что это воздушный шар, вернее — только верхняя его половина.

Путешественники рассматривали сооружение в уменьшитель. И тогда оно казалось маленьким. Но, как только они отрывали глаза от своей подзорной трубы, маленький колокол исчезал из виду, теряясь где-то в вышние, и в поле зрения оставались очень толстые канаты. Это были нити паутины.

Катя растерянно смотрела на канаты:

— Не представляю, как мы справимся с этим воздушным шаром, Тима. Он для нас слишком велик.

— А нам он и не понадобится. Мы устроимся где-нибудь на лапке самого паука. Пусть он только появится. А он должен появиться.

Остановив возле колокола парамецию, путешественники выбрались из нее наружу. Они выползли не через «дверь» инфузории. Выходом послужил центральный пузырек выделительной вакуоли, имевший вид звездочки. Из этого пузырька было отверстие наружу, и через него Тима с Катей покинули свою «подводную лодку».

Они едва успели доползти по паутинке к краю колокола, как почувствовали приближение хозяина воздушного домика — вода заволновалась. Тима вооружился лучеметом, а в левой руке держал возле глаз уменынитель. Катя тоже смотрела через уменьшитель.

И вот показался темно-бурый с рыжеватым отливом паук. Он деловито вошел в колокол, освободился от принесенного на

брюшке воздуха и, как заботливый хозяин, стал поправлять свою постройку, вплетая новую паутинку.

Тима нажал кнопку лучемета, послав сильную дозу «лучей сна». Паук замер.

Тогда Катя и Тима подползли к одной из его длинных ножек и влезли на нее. Не успели они хорошенько устроиться, как паук зашевелился. Тима снова усыпил его. Он искал местечко, где можно было надежнее забраться в гущу волосков, покрывавших ногу паука. Уцепиться за них вместе с Катей и ждать, когда проснувшийся паук отправится на поверхность за очередной порцией воздуха, — вот что предстояло им в дальнейшем.

Паук проснулся. Он не замечал, что где-то на его ноге пристроились какие-то микроскопические существа, — слишком уж они были малы. Но вот беда: казалось, паук вовсе никуда и не собирается отправляться. Он отдыхал и охотился, подстерегая плывущего мимо рачка или личинку. Как только кто-нибудь задевал протянутые паутинки, паук выбегал из своего домика, схватывал добычу, и снова возвращался с ней под воздушный колокол. Здесь он спокойно закусывал и опять сидел, ждал, когда личинка или рачок заденут за паутинки. И опять повторялось то же самое: он ловил добычу, уносил ее в свой домик и съедал.

Катя и Тима, устроившись на конце паучьей ножки, чувствовали себя не очень-то хорошо. Паук все время бегал за добычей, и они изо всех сил хватались за волоски, выглядевшие бревнами: им приходилось крепко обнимать их, чтобы удержаться на ножке. Паук долго не поднимался на поверхность. Намерен ли он вообще сегодня всплыть или собирается это сделать завтра?

И наконец, в тот момент, когда путешественники совсем было собрались расстаться с пауком и поискать иной «транспорт», паук вдруг вышел из-под колокола с явным намерением прогуляться.

Он всплывал с такой быстротой, что Катя и Тима судорожно прижались к волоскам-бревнам, боясь сорваться с паука и оказаться в воде, далеко друг от друга. Они ничего не замечали вокруг, кроме того, что становилось все светлее и светлее, — они поняли, что находятся совсем близко от поверхности пруда.

— Пора! — сказал Тима. — Приготовиться!

Водяной паук обычно высовывает из воды свое брюшко, а затем снова скрывается под водой. Теперь главное — не упустить минуту.

Катя и Тима перестали обнимать ногу паука, оттолкнулись и оказались посреди пруда. Оставалось лишь поймать туфельку-парамецию или еще какую-либо инфузорию, чтобы добраться на ней к листу белой кувшинки.

Им посчастливилось найти «транспорт» без приключений.

Они завладели встречной парамецией, устроились внутри нее и пустились в новое опасное плавание.

Тима внимательно смотрел вперед. Катя следила, чтобы хищник не напал на них сзади. Завидев опасность, она кричала: «Внимание — слева малек! Внимание — справа хищник!». «Капитан» пускал в ход свой лучемет, и «лодка» благополучно шла дальше.

Плавание было трудным — со всех сторон подстерегали хищники; путешественники ни на секунду не ослабляли внимания.

Уже темнело, когда они наконец причалили к твердому глянцевитому листу нимфеи. Цветы уже скрылись на ночь под водой. Покинув «лодку», Тима помахал рукой послушной парамеции и сказал:

— Прощай, крошка, спасибо за услугу!

Парамеция с минуту еще постояла, потом зашевелила своими ресничками и, словно обрадовавшись обретенной свободе, проворно поплыла прочь.

Путешественники сбросили скафандры и без сил повалились на твердый скользкий лист.

«Порт Белой нимфеи»

Добравшись до надежного убежища в одной из воздушных клеток листа нимфеи, путешественники свалились как мертвые, даже забыв поесть. Им хотелось только одного: спать!

Утром они встали отчаянно голодные, но веселые.

Катя, приготавливая «чай» из сладкого сока, добытого Тимой в ситовидном сосуде, даже напевала.

Плотно поев, путешественники вышли на поверхность и с наслаждением вдыхали теплый, душистый воздух. Они решили пройти сегодня столько, сколько смогут, опять переночевать в одной из клеток листа, а завтра рано поутру начать «восхождение» на цветок.

Поверхность листа была гладкая, словно полированная. Кое-где попадались невысокие холмы, а в них — устьица. Ведь у листа нимфеи устьица расположены на верхней стороне, потому что нижняя плавает в воде и воздуху там нет доступа.

Идти по листу легко — просто приятная прогулка. Двенадцать километров — так подсчитал Тима — они пройдут не торопясь, спокойно, отдыхая, когда захочется. Все равно сегодня им до цветка не добраться. Завтра они переплывут «пролив», отделяющий лист от цветка; «пролив» не так уж широк, и, надо думать, они тоже без особого труда преодолеют это последнее

препятствие.

Последний привал путешественники сделали на «берегу пролива». Здесь они проведут ночь, укрывшись в одной из воздушных клеток.

Спать не хотелось. Вечер был теплый, ясный, светила полная луна.

Огромным красным шаром поднималась она все выше и выше по небу. Воздух был неподвижен. Где-то в вышине носилась мошкара, громко гудели комары, но они не слишком мешали нашим путешественникам — на лист не садились, летали сравнительно высоко. Путешественники были так малы, что им не угрожали комариные укусы, — комары их просто не замечали.

Тима уселся, поджав под себя ноги; Катя — в своей любимой позе, охватив колени руками. Оба наслаждались покоем, чистым воздухом. Их охватило чудесное ощущение безопасности. Ведь в крайнем случае им всегда легко будет нырнуть в одну из клеток листа и притаиться там. Еды достаточно. Хотя концентрата и не осталось, но к их услугам были, правда и порядком надоевшие, крахмал и сладкий сок.

Катя и Тима молчали долго-долго. Каждый думал о своем. Катя мысленно перебирала все подробности последних дней. Как они сидели возле гробницы прекрасной Джохор, где впервые она услышала о лаборатории превращений; как они рано утром тайком пробирались в «домик». Потом Катя видела себя в пещере, где они скрывались от наводнения. Потом вспомнила, какой страх охватил ее внезапно, когда она увидела в уменьшитель двух девочек, собирающих цветы. Испугали ее, конечно, не дети, а та бездна, что отделяла ее от всего мира. Потом эта бешеная качка. И, наконец, пруд… Тут Катя вспомнила, что до сих пор так и не знает, почему Виктор и Ван ушли вперед.

— Тима, я все хотела спросить, — сказала Катя, — как все произошло? Почему с нами не было Виктора и Вана?

Тиму этот вопрос застал врасплох. Ему не хотелось рассказывать Кате о своей ссоре с Виктором. Он считал, что Виктор был виноват во многом, но зачем об этом говорить? Особенно в отсутствие Виктора. Вот если бы он был здесь, ну тогда другое дело… Да и то не стоило, пожалуй, спорить, кто прав, кто виноват. Тима наспех сплел какую-то невразумительную историю, как он послал Виктора на разведку, стараясь выгородить товарища.

Катя чувствовала, что Тима чего-то недоговаривает.

— На какую разведку? — спросила она.

— Да так, понимаешь, хотел кое-что выяснить.

— Что именно? — неумолимо допрашивала девочка.

Тима досадливо отмахнулся:

— Ох, я не помню… Ну что ты пристала?

Катя немного обиделась. «Наверное, сделал какую-нибудь глупость, а теперь не хочет признаваться», — решила она и замолчала.

Тима видел, что она обиделась. Ему хотелось как-нибудь загладить впечатление от своих резких слов, от явного нежелания отвечать на ее вопросы.

Тима весело хлопнул ее по плечу:

— Ничего, старушка, все будет в порядке! Представь себе, как все удивятся, когда на черной плите вдруг станет что-то расти, расти и появимся мы верхом на пчеле! Здорово?

— Почему верхом?

— Ну, может, и не верхом. Это неважно. Что-нибудь в этом роде.

— Тима, неужели же настанет день, когда мы будем только вспоминать обо всем этом… И лист, такой огромный сейчас, как остров, мы снова увидим маленьким, сможем его сорвать, держать в руках, делать с ним, что захотим… Как это странно!

— Ты только вспомни, как мы потеряли друг друга там, на дне! Ведь было куда хуже, чем сейчас, правда?

— Правда, Тима!

— А будет совсем хорошо. Главное — держаться друг друга. Вдвоем мы с тобой горы своротим.

Луна уже поднялась высоко. Она освещала и воду, и чуть всхолмленную поверхность листа. Стало тихо-тихо. Все вокруг дремало.

— Да, Тима, — задумчиво произнесла девочка, — одиночество — это самое страшное… А мы не одни. Значит, все будет хорошо!

Утро, сверкающее, свежее, душистое, застало путешественников за работой: они строили плот.

Собственно, постройка была не очень сложной: нужно было только срезать кожицу листа, покрытую тончайшим слоем воска. Вот и весь плот. Вооружившись ножами, Катя и Тима ползали по листу, вырезая небольшой кусок, ровно столько, чтобы уместиться на нем.

Столкнув плот в воду, они положили на него свое имущество, состоявшее из одного футляра с радиомаяком, и уселись сами. Что касается скафандров, то путешественники решили надеть их на случай, если плот перевернется. Кроме того, спокойнее было плыть в скафандрах еще и потому, что не было страха их потерять.

Катя и Тима легли на живот и за неимением весел

подгребали руками.

Плот отлично держался на воде. Плыл он медленно. Понадобилось около двух часов, чтобы добраться до цветка.

Кувшинка возвышалась огромной горой, ослепительно белой в лучах утреннего солнца. У путешественников даже глаза заболели от этого яркого света; так слепит чистый снег в холодной снежной пустыне. Катя и Тима старались не глядеть на белую стену.

Наконец плот подплыл вплотную к цветку. Путешественники вскарабкались на огромный зеленый чашелистик; они решили войти внутрь его и по клеткам добраться до сосуда, который доставит их в середину венчика.

— Давненько не путешествовал я по клеткам, — сказал Тима, расширяя в стенке отверстие. — Даже соскучился!

Стенки клеток были тонкие, податливые. Переходить из

клетки в клетку было легко. В лепестке часто встречались воздушные полости, и это заметно облегчало путь. Отовсюду лился свет.

Лепестки, пылинки и пестики окружены снаружи зелеными чашелистиками. Резкого перехода от лепестков к тычинкам у нимфеи нет. Чем ближе к центру цветка, тем лепестки становятся уже, и на них появляются зачатки пыльников. А в самом центре расположены многочисленные тычинки с тонкой тычиночной нитью и широким пыльником.

Путешественникам нужно было добраться именно до пыльников, где пыльца. Ведь пчела, услугами которой они хотели воспользоваться для перелета в лабораторию, именно туда и заявится.

К великой своей радости, путешественники обнаружили ситовидную трубку, и слабый ток жидкости понес их вверх. По этому сосуду органические вещества поднимаются к цветку.

Вот и желтые шарики пыльника. Дальше уже легко было забраться на них через клетки. Пыльники окружали пестик кольцом. Это было очень удобно. Куда бы ни села пчела, легко было дойти до нее, шагая по желтым шарам.

Катя и Тима оказались на дне огромной чаши цветка. Со всех сторон их окружали высокие белые горы, а где-то над головой сияло чистое голубое небо.

Радиомаяк, установленный Тимой в углублении желтого, как яичный желток, пыльника, методически посылал в воздух нежные перезвоны.

Путешественники устроились рядом с ним. Часто они подносили к глазам уменьшители, всматривались в даль: не заметят ли где-нибудь на горизонте желанную гостью — пчелу. Над кувшинкой кружились мошки. Они присаживались на цветок, ползали по его лепесткам и отправлялись дальше.

Пролетела мимо стрекоза-коромысло, медленно взмахивая своими прозрачными крыльями. Взад и вперед сновали мухи. А пчелы все нет и нет!

Казалось, в воздухе разлита глубокая, умиротворяющая тишина. Только монотонное гудение комаров да перезвоны радиомаяка нарушали ее. Солнце уже сильно припекало — было жарко, клонило ко сну.

Катя села, положив на колени уменьшитель. Тима забрался повыше на одну из тычинок и внимательно всматривался в горизонт, как дозорный на корабле.

Время тянулось медленно. Катю совсем разморило, и она, склонив голову на руки, уснула.

Было уже далеко за полдень, когда она открыла глаза. С

недоумением оглянулась, не сообразив сразу, где она. Ах да, кувшинка… Они ждут пчелу. Тима здесь, сидит наверху. Оглядывает горизонт в свой уменьшитель.

— Тимочка, а я спала. — Катя встала, сладко потянулась.

— Я видел, — отозвался Тима, не отрывая глаз от уменьшителя. — Понимаешь, я тоже вздремнул. Боюсь, уж не пропустили ли мы пчелу. Впрочем, нет, я бы услышал гудение.

— А может, она и вовсе не прилетит сегодня, эта пчела?

— Все может быть. — Тима пожал плечами. — У нее нет расписания. Да и не так уж часто пчелы навещают кувшинку.

— Да, да, надо быть ко всему готовым. Не знаешь, что с тобой стрясется в следующую минуту…

И, как бы в ответ на эти слова, цветок сильно покачнулся. Поднялось волнение, хотя ветра не было. Волны с шумом ударялись о кувшинку. Катя от неожиданности упала. Тима быстро слез со своего возвышения. Катя вскочила, пытаясь устоять на ногах, кое-как сохраняя равновесие, нелепо вскидывая руки. Качка с каждой секундой увеличивалась.

Казалось, будто внезапно налетевшая туча заволокла небо. Наступившая темнота была зловещей.

— Тима, мы гибнем!.. — закричала Катя и в ужасе закрыла лицо руками.

* * *

Сергей Петрович растерянно смотрел на жалкий, искалеченный листок, лежащий перед ним на черной плите. Он не знал, радоваться ли ему, что найден этот лист, или, напротив, приходить в отчаяние. Ведь Кати и Тимы нет. Возможно, что они выпали из него в то время, когда лист несло ветром. Или, может быть. Маша с Дашей потеряли именно тот кусочек, где находились несчастные странники.

Во всяком случае, надо начать поиски в том месте, где лежал лист. Но где он был? Где его нашли девочки?

Сергей Петрович оглянулся. Девочек в аппаратной не оказалось. Ушли, убежали! Вот несносные!

— Виктор! — крикнул Сергей Петрович, задыхаясь от волнения. — Девочки… Где они? Скорей беги за ними!

Виктор снялся с места как безумный. Вылетел во двор. Там Машенька и Дашенька мирно играли. Не говоря ни слова, он схватил их за руки, потащил за собой. Девочки испуганно упирались, но Виктор безжалостно волок ребятишек за собой.

В аппаратной они так и кинулись к Сергею Петровичу.

— Девоньки, милые! — Сергей Петрович ласково гладил их головенки. — Скажите, где вы нашли лист?

Ласковый голос Сергея Петровича успокоил девочек.

— На пруду, — сказала Дашенька.

— Возле камышей, — прибавила Машенька.

— Когда? — сдавленным от волнения голосом спросил Виктор.

— Вчера утром, — испуганно покосившись на Виктора, ответили девочки.

Виктор схватился за голову.

— Почему же вы его сразу не принесли?! — закричал он, не помня себя.

Дашенька, прижав к плечу розовую щечку, долго смотрела на Виктора.

— Я не знаю, — сказала она.

— Я не знаю, — повторила за ней Машенька.

— Хорошо, хорошо! — нетерпеливо сказал Сергей Петрович. — Постарайтесь вспомнить, как все было.

Он задавал вопросы, девочки разговорились. И вскоре выяснилась вся картина.

А дело было так. Обе подружки с воодушевлением стали подбирать листья вместе со школьниками. Но скоро им это надоело, и они занялись своими играми. Вчера утром они собирались ловить бабочек. Взяли сачки и пошли в поле. Прыгали, скакали, гонялись за бабочками и стрекозами и прибежали в конце концов на пруд. Там они увидели великолепную стрекозу с темно-синими крыльями. Она летала не как обычные стрекозы с прозрачными крыльями, а порхала, словно бабочка. Дашенька взмахнула сачком, не удержалась и растянулась как раз возле воды. Она уже собралась зареветь, как вдруг ее внимание привлек лист клена. Его прибило к самому берегу. Дашенька раздумала плакать.

— Смотри, Маша, лист, — сказала она.

— Ну и пусть.

— А нам велели подбирать.

Машенька вспомнила: верно, велели. Она кинулась за ним.

— Не смей! — кричала Даша. — Это мой лист — я его нашла!

— А я первая подняла! — Маша зажала лист в кулачке.

Девчушки едва не подрались. Но тут они опять увидели красивую стрекозу, порхавшую над камышом, и кинулись обе за ней.

Дашенька засунула лист в карман своих трусиков. Ни она, ни Маша большее нем не вспоминали.

Только сегодня утром, когда Машина мама стала вытряхивать

из кармашка трусиков мусор, Маша вдруг испуганно закричала:

— Ой, мамочка, это Тимин лист, не выбрасывай!

Машина мама задумчиво посмотрела на листок, осторожно положила его обратно, вздохнула, с сомнением покачав головой:

— Ну, беги скорей к дяде Сереже, отдай ему. Смотри, дочка, не потеряй.

Она была уверена, что в этом полуувядшем листе ничего не может быть. И только так, для порядка, велела Маше отнести его.

Маша, конечно, забежала за своей подружкой. И обе они отправились в лабораторию.

Все это девочки рассказывали сбивчиво и бестолково. Но в конце концов не это важно. Главное — выяснить, где именно лежал лист. Сергей Петрович соединился по радиотелефону с Вадой и Кривошеиным, которые исследовали шестой квадрат.

— Найден лист на пруду, — сказал Сергей Петрович. — Потом, потом все объясню. Отправляйтесь туда. Я тоже сейчас приеду.

Сергей Петрович вызвал из института машину и попросил прислать ему две стеклянные банки с крышками.

В ожидании он взволнованно шагал по аппаратной. Ван и Виктор в нетерпении выскочили во двор.

Машенька и Дашенька, ничего не понимая, смотрели на всех круглыми глазами и не двигались с места.

Общее волнение им тоже передалось.

— Сергей Петрович, скорей! — услышал он голос Виктора.

Взяв девочек за руки, он вышел за ворота.

У калитки стояла машина. В ней уже сидели Ван и Виктор со стеклянными банками в руках.

Сергей Петрович занял место рядом с водителем. Машеньку и Дашеньку взяли к себе Ван и Виктор.

Машина помчалась на берег пруда. Она так быстро оказалась на месте, что девочки были разочарованы. Им хотелось еще покататься.

— Потом, потом! — нервно говорил Сергей Петрович. — А сейчас, девчушки милые, показывайте, где вы нашли лист.

Приехал на берег пруда и грузовик с высокой башней. Машину вел Борис. Он ни за что не соглашался уступить свое место кому-нибудь другому и работал вместе с инженерами чуть ли не круглые сутки.

Девочки нашли то место, где увидели лист возле камышей.

Отсюда и решили начать поиски.

Сергей Петрович так и взлетел на башню. Ван и Виктор остались внизу вместе с девочками.

Сергей Петрович включил аппарат и стал медленно

поворачивать антенну. Останавливался, менял наклон и снова медленно поворачивал. Опять останавливался и снова переводил рычажок. Сергей Петрович боялся пропустить необследованным самый малый кусочек лежащего перед ним квадрата и потому работал не торопясь, тщательно, едва сдерживая охватившее его нетерпение. Здесь ли они? Не унесло ли их отсюда куда-либо еще? Не бродят ли они по берегу, пока их ищут на воде?

Прошло больше часа. Сигналов не поступало. Машина тронулась дальше вдоль берега. Пруд был невелик. Но, для того чтобы «прощупать» его, «просмотреть» весь, требовалось много времени.

Виктор и Ван то смотрели, задрав голову, на вершину башни, то садились на траву, то вскакивали и начинали ходить взад и вперед. Они отчаянно волновались, сердце то колотилось, то замирало. Скорей, ах, скорей бы!..

А пруд расстилался перед ними безмятежно спокойный. Над водой летали стрекозы. Тоненько пели комары.

В траве под ногами трещали кузнечики. Поодаль мирно играли девочки.

Ван то и дело поглядывал на часы. Что это? Может, они остановились? Стрелки двигались так лениво, как будто бы раздумывали: а не отдохнуть ли нам, не постоять ли спокойненько?

Вдруг с башни раздался сдавленный крик:

— Сигнал! Есть сигнал!!!

У Вана подкосились ноги. Виктор бросился к машине.

Он видел, что трое инженеров склонились над аппаратом.

Ему хотелось подняться туда. Посмотреть своими глазами. Но он не смел…

Сергей Петрович поспешно спустился вниз.

— От кувшинки! — коротко бросил он Виктору. — Сигнал от кувшинки… Где банки?

Ван подбежал с банками.

— Совсем близко! — говорил Сергей Петрович. — Вторая справа? — крикнул он наверх товарищам.

Те подтвердили.

Сергей Петрович как был, не сняв даже ботинок, вошел в воду, держа в руках стеклянную банку. Мальчики пошли за ним.

Пруд был мелкий, но дно илистое. Увязая чуть ли не по пояс в топкой грязи, трое направились к кувшинкам.

Сергей Петрович подошел первый. Он склонился над цветком и накрыл его стеклянной банкой. Только после этого он вырвал ее длинный стебель. На всякий случай сорвали еще несколько кувшинок. Их положили в другую стеклянную банку.

— Владимир, — крикнул Сергей Петрович, — откуда идут сигналы?

— Прямо из твоих рук! — услышал он взволнованный голос Вады.

Сергей Петрович отошел от Вана и Виктора и снова попросил проверить.

Сигналы шли от того цветка, который он держал в своих руках. Ошибки быть не могло!

Мокрые, грязные, все трое вошли в машину. К ним присоединились и Кривошеин с Вадой. Ван помог забраться в машину девочкам.

Машина помчалась в лабораторию.

Цветы бережно вынули из банки прямо над плитой. Тотчас же вспыхнули два красных сигнальных глазка.

— Неужели же мы нашли их?.. — бормотал Сергей Петрович. — Не верю! Не поверю, пока не увижу их собственными глазами.

— Сбегать за Марией Николаевной? — предложил Ван.

— Да, да… Нет, постой… Подожди!

В лаборатории воцарилась тишина. Все молча смотрели на цветок. Стукнула входная дверь. Это был Борис. Он осторожно, на цыпочках, точно боясь разбудить кого-то, вошел в лабораторию. Остановился возле дверей. Никто не оглянулся. Все смотрели на черную плиту. Вот в глубине цветка стали заметны две точечки. Они росли, увеличивались… Вот они приняли уже очертания человеческих фигурок.

— Шевелятся… — прошептал Сергей Петрович. — Значит, живы!

И, наконец, они выросли настолько, что были ясно видны два маленьких человечка. Они стояли в цветке, как сказочные андерсеновские Дюймовочки…

* * *

Мария Николаевна вбежала в лабораторию, когда превращение уже закончилось. Тима обнимал отца. Катя сначала бросилась к Виктору, поискала кого-то глазами, не нашла и стала поочередно протягивать руки всем, кто был в лаборатории. Следом за Марией Николаевной появился Ван. Катя с радостным криком бросилась к нему.

Мария Николаевна крепко обхватила шею Тимы, как будто боялась, что он ускользнет от нее, исчезнет, испарится в воздухе.

— Гадкий, дрянной мальчишка! Как напугал, как напугал… — твердила она.

— Мамочка, мама! — радостно говорил Тима. — Какая ты большая! Я раньше не замечал…

— Я-то большая! А вот когда ты наконец станешь взрослым и перестанешь выкидывать всякие штуки, от которых можно с ума сойти?..

Так же быстро, как разнеслась по Джохору печальная весть об исчезновении Тимы и Кати, облетела поселок и радостная новость:

— Нашлись! Они нашлись!

На улице, в учреждениях, всюду, где бы люди ни встречались, они только об этом и говорили, радуясь так, словно это были их собственные дети.

В домике Долинских, печальном и тихом в эти последние

дни, снова стало оживленно и весело.

Вся семья сидела на террасе. Мария Николаевна приготовила отличный ужин. Катя и Тима с аппетитом уплетали все, что им давали, и требовали прибавки.

— Ох, вкусно! — облизывался Тима. — Вот вкуснота! — Он подчищал оставшийся на тарелке мясной соус. — Не то что наши крахмальные булочки, а, ребята?

Тима хитро подмигнул.

Катя и Ван расхохотались. Виктор силился улыбнуться. У него на душе скребли кошки…

За столом сидели долго.

Катя и Тима наперебой рассказывали о своих приключениях, особенно о том, как они испугались, когда Сергей Петрович подошел к кувшинке, подняв, как показалось тогда путешественникам, огромную волну и заслонив своей рукой солнце.

— Я думала — ну, теперь все, конец! — возбужденно говорила Катя.

— Это и был конец… — улыбнулась Мария Николаевна, — конец вашим скитаниям.

— Ну да! Но мы не сразу поняли, в чем дело.

— А потом что вы подумали? — спрашивал Ван.

— Тима догадался посмотреть через уменьшитель. Ну, и все стало ясно. Невозможно рассказать, как мы были счастливы! Ведь мы хотели лететь на пчеле, понимаете? Нет, неужели это был не сон?!

Катя даже глаза стала протирать.

Мария Николаевна ласково погладила ее по голове:

— Сон, девочка, конечно, сон!.. Я тоже как будто сейчас проснулась.

Виктор сидел молча. Он почти ни о чем не спрашивал. Он только переводил взгляд от Тимы к Кате, точно желая еще и еще раз убедиться, что они тут, рядом, и не собираются исчезнуть.

Тима, улучив удобную минуту, позвал отца и мать в другую комнату и сказал серьезно и просто:

— Я виноват! Не знаю, сможете ли вы простить меня? Но я клянусь, папа…

— Не клянись, сынок! — так же серьезно ответил ему отец. — Все и так понятно. Урок был достаточно суров. Никто из нас не позабудет то, что произошло. Я тоже виноват. Я слишком понадеялся на тебя, а воля твоя еще не окрепла, соблазн был велик. Мы оба виноваты перед твоей матерью!

— Что было, то прошло… — сказала Мария Николаевна. — Не будем об этом больше вспоминать!

Тима стоял, опустив голову. Его душили слезы. Он махнул рукой и выбежал из комнаты.

На следующий день с утра к Долинским явились Анатолий Степанович Кривошеин и Владимир Яковлевич Вада. Они сидели на террасе в плетеных креслах. Мария Николаевна хлопотала на кухне. Молодежь была в саду.

Сергей Петрович ходил взад и вперед по террасе.

— Вот что, друзья! — сказал он. — Считайте, что мы потерпели неудачу с нашим аппаратом превращений. Сергей Петрович остановился возле Кривошеина.

— Почему? Аппараты работают безотказно, — сказал Анатолий Степанович.

— Да, конечно. Но не только в этом дело. Где гарантия, что с кем-либо другим не произойдет того же, что и с нашими детьми?

— Да, гарантировать трудно, хотя…

— Никаких «хотя»!.. Придется нам доделывать наш аппарат так, чтобы не было ни малейшей угрозы тому, кто воспользуется его услугами. Нужно все предусмотреть. Надеюсь, мы справимся с этой задачей, но впереди еще очень много работы.

— Э, подумаешь! Голова есть, руки на месте!.. — сказал Вада. — Знаешь, что я тебе скажу, Сергей: мы столько пережили за эти дни, что у меня нет решительно никакого желания когда-либо повторять все снова.

— И черт меня понес на эту рыбалку! — сказал Кривошеин. — Будь я здесь, ничего бы не случилось!

— И ты виноват, но я больше других — незачем было оставлять ключи. Один Владимир влип в эту историю, что называется, ни сном ни духом.

— Я думаю только о том, что все хорошо кончилось. Этого вполне достаточно!

Вошла Мария Николаевна, внесла вазу с фруктами. Друзья замолчали. Не хотелось при ней продолжать разговор о лаборатории.

Хлопнула калитка. Пришел директор Института селекции. За ним потянулись другие гости. В этот день у Долинских перебывал весь поселок. Всем хотелось выразить радость по поводу счастливого возвращения ребят.

Ребята сидели в саду. Там был весь Тимин класс. Все наперебой расспрашивали Тиму и Катю об их приключениях, ахали, охали, громко смеялись. Потребовали, чтобы им рассказали еще с самого начала — о путешествии в почве, внутри дерева.

— Вот бы нам всем классом отправиться туда! — заявила Наташа.

— Э, нет, не выйдет! — засмеялся Тима. — Нас теперь и близко не подпустят к лаборатории.

— Тимка, это не по-товарищески! — объявила Лиля. — Сам побывал, а остальные как же?

— Ну, знаешь ли… Я бы и рад… — развел Тима руками.

— А я вам завидую, ребята, — тихо сказала Ксения. — Такое и во сне не приснится. Счастливые!..

— Да, теперь счастливые, когда все кончилось, а тогда нам с Катей не очень-то было весело. Правда, Катя?

Катя мотнула головой в знак согласия. Она уже со всеми перезнакомилась и щебетала так, словно знала их всю жизнь. Виктор был молчалив и сдержан. Сегодня утром, увидев, что Тима проснулся, Виктор подошел к его кровати и, не глядя на него, сказал:

— Я был величайшим ослом! Вот и все!

— Э, друг, — весело ответил Тима, — все мы хороши! Забудем то, что было. Так сказала мне вчера мама. Так говорю тебе и я.

Виктор отвернулся к окну и долго смотрел в сад.

Он не ожидал, что Тима так просто и искренне простит его. Ему было бы легче, если бы он обрушился на него с упреками. А Катя? Что о нем думает Катя? Он боялся к ней подойти, боялся взглянуть ей в глаза. Он думал об этом неотступно…

Между тем открылась калитка, и вошли Машенька с Дашенькой. Обе были в нарядных платьицах, с большими букетами цветов.

Катя кинулась к девочкам. Стала их целовать.

— Тима, Тима, это они! — смеялась она. — Это их я видела тогда на поле!

— Папа, — крикнул Тима, — смотри, кто пришел!

— А-а, подружки-неразлучницы, — приветствовал девочек Сергей Петрович. — Маша, тащи сюда конфет, да побольше! — обернулся он к жене. — Вот ведь главные герои. Я тебе и рассказать не успел. Это они принесли лист. Так часто бывает: истинные герои остаются в тени! — смеялся он.

Мария Николаевна поставила на стол огромную коробку шоколадных конфет. Девочки сидели на коленях у Сергея Петровича. Букеты лежали рядом с ними на столе. Они собирались торжественно вручить их Тиме и Кате, но девочек так стали тискать и обнимать, поднялся такой шум вокруг них, что они растерялись. А когда появилась коробка с шоколадом, про цветы они и позабыли. Верные себе, они нацелились на одну и ту же конфетку и чуть было из-за нее не подрались. Но Сергей Петрович, смеясь, примирил их, отыскав вторую такую же.

Между тем Тимины друзья собирались уже уходить. Наташа, перемигнувшись с подругами, сказала:

— Вечером на площадке в парке мы хотим устроить игры и танцы, отпраздновать наше возвращение из похода. Приходите, когда начнет темнеть. Ладно?

— Обязательно придем, — за всех ответила Катя.

Мария Николаевна не отпустила домой Вана. Родители его еще не вернулись из командировки, что ему одному делать в пустом доме? Ван охотно остался у Долинских. Только сбегал переодеться к вечеру и сейчас же вернулся.

* * *

Пока у Долинских обедали, пока Катя помогала Марии Николаевне мыть посуду и убирать со стола, пока все четверо наглаживали к вечеру нарядные костюмы, в парке шла подготовка. Школьники выпросили со склада разноцветные фонарики. Мальчики повесили и протянули электропроводку. А девочки спешно плели гирлянды из цветов, чтобы по-праздничному украсить площадку.

Когда стемнело, вспыхнули разноцветные фонарики. На фоне темного южного неба они светились мягко, чуть таинственно.

— Ой, как хорошо, ребята! — радовалась Катя, завидев праздничные огоньки. — Красиво! Как в сказке!

Кажется, никогда так не веселились школьники! На площадке собралась чуть ли не вся школа — и большие и маленькие. Кое у кого нашлось даже конфетти, и целый дождь их обрушился на светлые волосы Кати.

Тима и Ван, как всегда, не танцевали. Их окружила толпа приятелей, требуя, чтобы они рассказывали о своих приключениях со всеми подробностями.

Сначала Тима и Ван охотно вспоминали свои приключения, но подходили новые слушатели, переспрашивали, задавали вопросы, на которые уже надоело отвечать. Ребята стали отделываться шутками, плести всякий вздор, но их слушали с таким вниманием, так верили каждому слову, что Тима и Ван расхохотались.

Катя и Виктор танцевали. Катя давно заметила, что Виктор ее сторонится. Она не могла понять почему. Это ее обижало. Но подойти к нему и прямо спросить, в чем дело, не позволяла гордость.

Катя была счастлива. Она радовалась тому, что снова среди людей, что она ощущает себя большой и сильной, что она дышит

свободно, ничего не боясь, не хватаясь ежеминутно за шлем. Она была безмерно счастлива, и только Виктор омрачал ее огромную радость.

— Как твоя пленка? — спросила она.

Катя только что о ней вспомнила, и ей стало даже стыдно за свою невнимательность.

— А пленки нет, — равнодушно ответил Виктор, — она осталась там. — Он показал куда-то вниз.

— Как! Почему?!

— На обратном пути я поскользнулся и упал. У самого озера с твоими любимцами. Футляр соскользнул с плеча и плюхнулся в воду. Там он и лежит сейчас.

— Ой, какая беда!

— Э, чушь, я об этом и не думаю!

Катя смотрела на него во все глаза.

Как, это говорит Виктор, тот самый Виктор, который так мечтал о своем фильме! Откуда такое равнодушие? Нет, с Виктором что-то произошло. Или же он так волновался за нее и Тиму, что ко всему потерял интерес?

Катя вышла из круга танцующих. Виктор уныло поплелся за ней. Оба подошли к каналу. Облокотились на парапет.

Ночь была звездная, тихая. На воде слегка зыбилась серебряная лунная дорожка.

— Помнишь нашу серебряную дорогу? — спросила Катя.

— Еще бы!

По воде, стуча моторами, шли катера и буксиры. Они пересекали лунную дорогу. В темноте еле различимы были их силуэты, только разноцветные огоньки плыли над рекой.

— Помнишь, мы так же стояли над каналом тогда, еще до всего этого… — снова заговорила Катя. — Я смотрела на огоньки, на светлую полосу на воде и думала… О чем я тогда думала?

— Не знаю. Наверное, мечтала о путешествиях и приключениях.

— Да… Как давно это было!

— Да, давно.

— Катя! — голос у Виктора дрогнул. — Я все хотел спросить тебя, но не смел…

— О чем? — спросила Катя и насторожилась.

— Наверное, ты презираешь меня.

— За что? Что ты говоришь ерунду!

— Разве Тима тебе не сказал?

— Да о чем ты? Я ничего не понимаю.

— Но Тима… Тима ничего тебе не сказал?!

— О чем он должен был мне говорить? Ничего я не понимаю.

Говори толком!

Виктор медленно, все время останавливаясь, рассказал Кате о своей ссоре с Тимой. Он не старался выгородить себя…

Катя смотрела на бледное, осунувшееся лицо Виктора, слушала его взволнованный голос. Вспомнилось ей, как они с Тимой сидели возле кувшинки. Тима что-то сбивчивое говорил, явно скрывая от нее правду. Так вот оно, оказывается, как было дело. Славный парень этот Тимка!..

Виктор давно уже кончил свой рассказ, а Катя все молчала, смотрела на воду.

— Ну, Катя, что же ты? Скажи хоть слово. Ты меня презираешь, да? — не выдержал Виктор.

— Не-ет… — тихо ответила Катя. — Ты ведь не знал, какая может выйти беда…

— Конечно, еще бы! — горячо сказал Виктор. — Если бы я мог предположить!..

— Мы много пережили и все повзрослели, — продолжала Катя. — Я хорошо поняла, что значит дружба, товарищество. Ты, я думаю, тоже?

Виктор кивнул головой.

— Ох, как понял! И как мне стыдно! — с трудом проговорил он.

К ним доносились веселые голоса, музыка. Катя тронула Виктора за рукав:

— Пойдем к ним, Витя… Я хочу туда, где музыка, где много людей!

Примечания

Н. Булатов, П. Лопатин. Путешествие по электролампе

В настоящем сборнике представлено первое издание книги Н. П. Булатова и П. И. Лопатина «Путешествие по электролампе» (1937). «Путешествие» является своеобразным продолжением книги тех же авторов (в соавторстве с Л. Кассилем) «В стране Дзинь-Дзинь», вышедшей в 1936 г.; в ней рассказывалось о фантастическом путешествии внутрь электрического звонка.

Путешествие было закончено. Игра была. Маленькие путешественники вернулись на свои и снова превратились в обыкновенных ребят.

30

Гора навалился на пружинку. Она прижалась к другой. Через них должен был пробежать электрический ток. Но звонок все молчал.

Гора нажал сильнее.

— Ай, ай, ай! Раздавишь! Ты крушишь мне ногу! — звонил Али. — Пусти! Лучше покажи мне, откуда берется ток и еще — почему звонок может звонить.

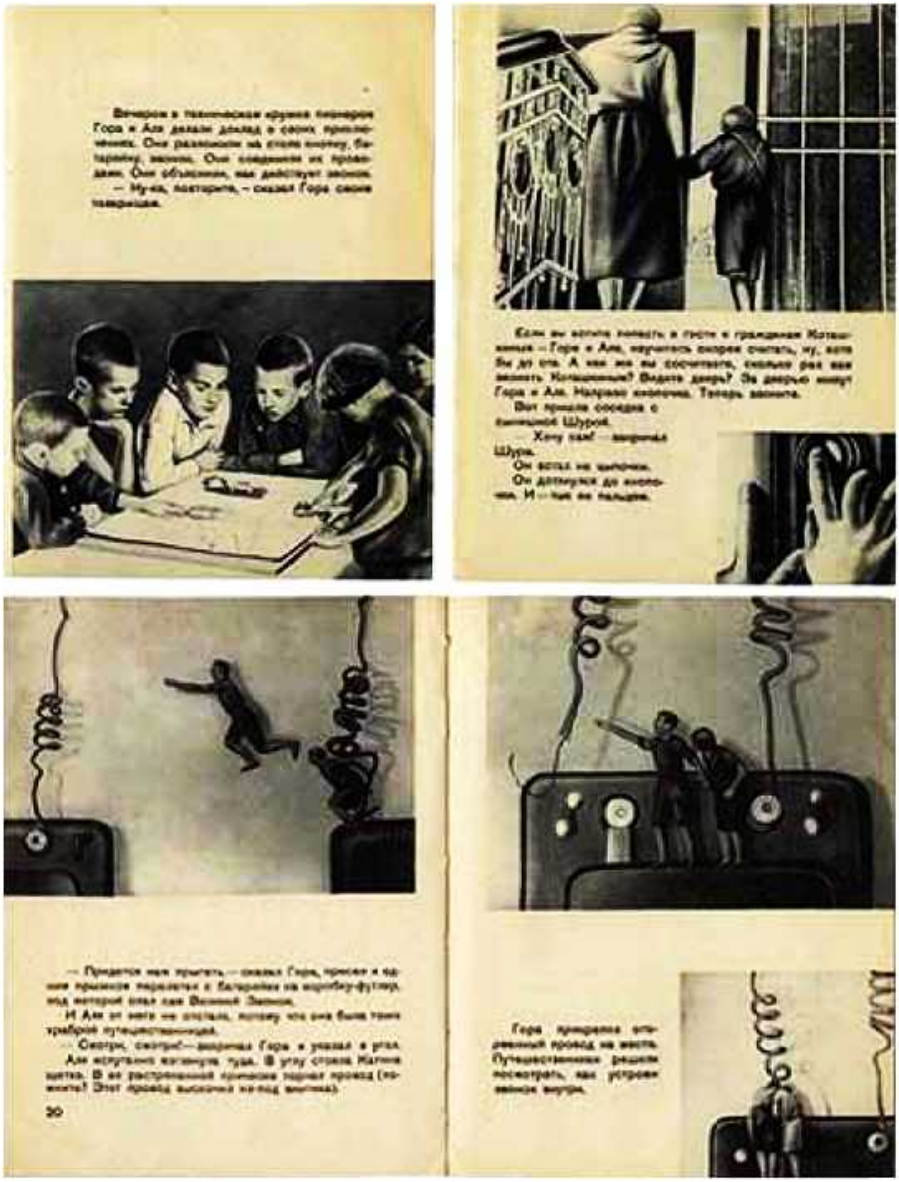
— Погоди. Дай вначитке розетку на место. Так. Пошли дальше! Сейчас мы подымемся по проводам высоко-высоко...

Проводов было несколько на гвоздике. Один гвоздик крепко держался в штукатурке. Гора ухватился за него. Гора выдернул гвоздь. Гвоздь был теперь почти с Гору ростом.

— Вот у нас и оружие есть! — закричал Гора. — Это будет наш копье! Ну, держись за него и крепко вышел. Лезь сюда!

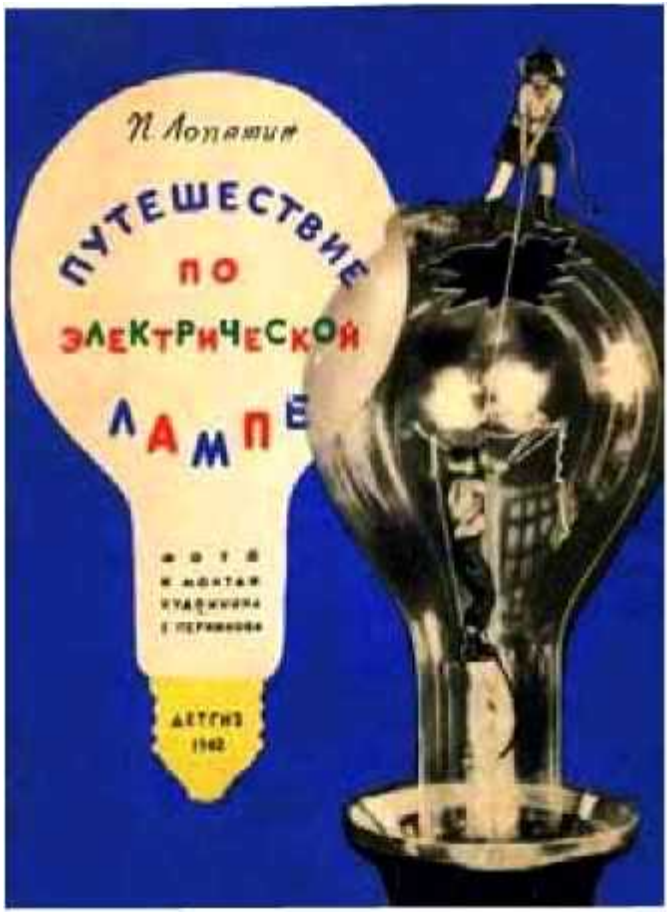
Путешественники нашли в стене дырку и вместе с проводами вошли внутрь Спящей Страны. Они шагали по проводам.

Обе книги — наряду с первым изданием «Необыкновенных приключений Карика и Вали» Я. Ларри (1937) — стали эффектными примерами использования фотомонтажа для иллюстрации научно-фантастических произведений о необычайных путешествиях в микромир. Книги Булатова и Лопатина иллюстрировал фотограф М. Махалов; в обоих случаях «моделями» послужили актеры Московского театра для детей.



Помимо этих книг, Н. Булатов отметился несколькими хрестоматиями и пособиями по изучению электротехники в школе, вышедшими в конце 1920-1930-х гг. П. Лопатин (1989–1962) учился в Петроградском институте инженеров путей сообщения, работал в Москве техником, литературным сотрудником Госплана, с 1922 г. посвятил себя литературному труду. Участник Второй мировой войны, был контужен на фронте. Его перу принадлежат многочисленные научно-популярные и публицистические книги, где встречаются и научно-фантастические элементы (особенно тема «Москвы будущего» в очерках 1930-х — начала 1950-х гг.). В 1962 г. П. Лопатин

выпустил второе издание публикуемой книги под названием «Путешествие по электрической лампе»; как и первое, оно было иллюстрировано фотоколлажами, на сей раз — работы Е. Перникова.



POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.

SALAMANDRA P.V.V.

notes

1

П. Ф. Гордашевский (? — ок. 1986) — доктор технических наук, специалист по технологии производства строительного гипса. Работал во ВНИИ строительных материалов и конструкций, автор множества изобретений. Его единственная фантастическая повесть «Их было четверо» вышла в свет в Детгизе в 1959 г. (в литературной обработке М. Светлановой). Хотя в повести ощущается явное влияние Я. Ларри, в ней присутствуют вполне оригинальные для советской фантастики идеи: путешествия внутри растений и в почве, специальное снаряжение для путешественников, осуществление технических проектов в микромире и т. п. Еще одним неожиданным мотивом повести было смелое обращение автора к таким «злободневным» и все еще достаточно «крамольным» в СССР биологическим дисциплинам, как генетика и цитология.